

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ДОНСКОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА

**КОММУНИКАТИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭМОТИВНОСТЬ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность
10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Ахиджакова М.П.

Майкоп – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования коммуникативной толерантности и эмотивности в лингвистической научной парадигме	
1.1. Художественный текст с позиций лингвистики: основные аспекты изучения.....	12
1.2. Коммуникативная толерантность: основные подходы к изучению в парадигме лингвистики.....	32
1.3. Лингвистический статус коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте.....	56
Выводы.....	78
Глава 2. Прагматика коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте	
2.1. Прагматические маркеры коммуникативной толерантности в тексте романа Т. Манна «Будденброки».....	83
2.2. Реализация эмотивности в художественном тексте: языковые и речевые средства.....	116
2.3. Коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности в романе Т. Манна.....	149
Выводы.....	177
Заключение.....	182
Библиографический список.....	189

Введение

Степень разработанности проблемы. Коммуникативная толерантность как феномен интересует многих ученых в разных сферах современной науки. Толерантное речевое поведение языковой личности в коммуникативной ситуации освещается в исследованиях О.С. Волковой (2008), А.А. Денисовой (2013), З.Ш. Исаевой (2010), Н.Н. Кирилловой (2012), А.А. Полкановой (2010), В.С. Третьяковой (2013) и др. Языковая личность, ее самореализация и самопрезентация в процессе иноязычной речевой деятельности охарактеризована С.Г. Воркачевым (1997), Е.В. Иванцовой (2010), В.И. Карасиком (1996), Ю.Н. Карауловым (2010), В.И. Шаховским (2008) и др., рассматривающими взаимодействие и реализацию языковой личности через коммуникативную толерантность, принятие участников общения на основе уважения, поддержки и нравственных характеристик языковой личности.

Обращает на себя внимание и тот факт, что исследования, посвященные анализу категориальной сущности отдельных языковых явлений и описанию тех или иных коммуникативных категорий, основываются, как правило, не только на выявлении содержательного объема рассматриваемых категорий, но и на их связи с другими смежными категориями, коммуникативно-прагматическими и функционально-семантическими, так как эти категории способны взаимно «накладываться друг на друга и пересекаться друг с другом» [Стернин, 2005: 328]. Представляется в этой связи, что коммуникативная толерантность не может быть адекватно описана вне обращения к эмоциональности и эмотивности художественного текста, которые занимают в нем одно из центральных мест и оказывает особое влияние как на структурирование повествования, так и на реализацию субъективной модальности и авторской оценочности в нем.

Процесс коммуникации обнаруживает диалектическую связь коммуникативной толерантности и эмоционального интеллекта, и в этой связи правомерно выделение эмоциональной толерантности [Шаховский:

URL]: эмоции сопровождают осуществление когнитивной деятельности языковой личности, определяя особенности ее реализации. Гуманитарная научная парадигма характеризуется значительными знаниями об эмоциональном мире человека: так, общепринятым является постулат о включенности эмоций в структуру сознания и мышления, об их тесной связи с когнитивными процессами (К.Э. Изард (2000); В.Д. Шадриков (2002)), а лингвистика эмоций в настоящее время становится самостоятельной сферой науки о языке (Л.Г. Бабенко (1989), А.А. Водяха (1993, 2011), Т.А. Графова (1991), О.В. Дониная (2016), Н.А. Лукьянова (1986), Л.А. Пиотровская (1994, 2015), В.И. Шаховский (1983, 2006, 2008, 2008а, 2012) и др.).

В нашем диссертационном исследовании акцент делается на изучении коммуникативной толерантности с позиций коммуникативно-прагматического подхода к художественному тексту. Мы остановили свой выбор на художественном тексте романа «Будденброки» (1901) Т. Манна (1875 – 1955) неслучайно: творчество этого всемирно известного писателя, согласно нашей гипотезе, в качестве одной из центральных раскрывает проблему взаимопонимания людей в разные социокультурные и исторические эпохи, а сам автор являет пример постоянных духовных исканий. Именно за этот роман Т. Манн удостоен в 1929 Нобелевской премии по литературе, однако в самой Германии основная деятельность по освоению, изданию и интерпретации наследия Т. Манна началась лишь в конце 1950-х гг. Одной из заметных работ является монография Г. Курцке «Томас Манн. Эпоха, творчество, влияние» (1985).

Отечественное литературоведение проявляет интерес к творчеству Т. Манна примерно в это же время, при этом необходимо отметить, что первое полное собрание сочинений писателя выходит еще в 1910-м году, в него входит перевод ранних новелл и «Семейство Будденброков. (Падение одной семьи)» в переводе Я. А. Бермана (Манн Т. Полное собрание сочинений. М.: Современные проблемы, 1910). В 1950-е гг. произведения писателя активно переводятся на русский, выходит первая монография о Т. Манне А.В.

Русаковой (1969). Переводчик Т. Манна С. Апт публикует биографию писателя (1972), а в год столетия со дня рождения писателя изданы две значительные работы по Т. Манну: книга М. С. Кургинян «Романы Томаса Манна. Формы и метод» (1975) и сборник статей А. В. Русаковой «Томас Манн» (1975). С. Апт в 1980 г. публикует книгу очерков «Над страницами Томаса Манна» (1980). Из работ последних лет особо выделим кандидатскую диссертацию Ю.Н. Лебедевой «Феномен бюргерства и повествовательный метод романов Т. Манна» (2015), представляющую собой доказательное исследование как повествовательных моделей, так и бюргерского габитуса как одного из оснований миропонимания Т. Манна и его героев.

Актуальность исследования. Лингвистика изучает язык как форму и способ жизнедеятельности человека, позволяющие вербализовать его опыт и сознание. Язык рассматривается как средство самовыражения личности, он организует межличностную коммуникацию, в изучении которой приоритетным оказывается деятельностный подход, способствующий разностороннему описанию коммуникативного репертуара языковой личности.

Для языковой личности высокий уровень проявления коммуникативной толерантности является важным условием успешной социокультурной адаптации, контактоустанавливающим фактором, а также способом самовыражения и самопредставления. Рассматривая феномен коммуникативной толерантности в парадигме лингвистической науки, важно уточнить функциональную направленность и специфику данного понятия, выявить характеристики языковой личности, особенности реализации коммуникативной толерантности в контексте культурных и языковых ориентаций конкретного общества. С позиций изучения «человека в языке» особую актуальность приобретает не только манифестирование языковой личности в устном дискурсе, но и в письменно зафиксированном тексте как продукте речемыслительной деятельности индивида. Актуальность предпринятого исследования определяется интересом к репрезентации

коммуникативной толерантности и эмотивности как фундаментальных категорий.

Объект исследования – коммуникативная толерантность и эмотивность в художественном тексте с позиций синтеза их прагматических маркеров, языковых и речевых средств.

Предмет исследования – функционально-прагматические аспекты реализации коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте романа Т. Манна «Будденброки».

Цель исследования – выявить и описать прагматическую специфику и функции коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте на материале романа Т. Манна «Будденброки».

В соответствии с поставленной целью исследования были сформулированы следующие **задачи**:

- определить лингвистический статус коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте;
- выявить и описать прагматические маркеры коммуникативной толерантности в тексте романа Т. Манна «Будденброки»;
- описать языковые и речевые средства эмотивности в художественном тексте;
- изучить специфику коммуникативно-прагматического потенциала коммуникативной толерантности и эмотивности в тексте романа Т. Манна на основании функций, реализуемых изучаемыми категориями.

Материал исследования составили контексты, выбранные методом сплошной выборки из текста романа Т. Манна «Будденброки (1901), в которых прагматические маркеры коммуникативной толерантности, а также языковые и речевые средства эмотивности представлены наиболее разнообразно и позволяют судить о тех функциях, которые данные категории реализуют в авторской и персонажной зонах повествования (общее количество контекстов – 839).

Методы исследования. Для реализации поставленных задач в работе использовались следующие методы: сплошной выборки, наблюдения и моделирования, индуктивно-дедуктивный метод, метод контекстуального и коммуникативно-прагматического анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвистической и филологической интерпретации. Комплексное использование методов позволяет выявить и описать специфику реализации категорий коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте в их функционально-прагматическом аспекте.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепции социо- и прагмалингвистики, лингвокультурологии, раскрывающие понятия самоценности языковой личности в перспективе коммуникативной толерантности, положения о диалектическом единстве социального и индивидуального, духовного и нравственного, идеи формирования толерантного сознания.

Общенаучную методологию образуют постулаты когнитивной лингвистики, социо- и прагмалингвистики, а также теории текста и дискурса, теории языковой личности (Н.Ф. Алефиренко (2012), Л.Г. Бабенко (2009), Ш. Балли (1955), М.М. Бахтин (1979), М.Я. Блох (2000), К. Бюлер (1993), И.Р. Гальперин (2007), О.В. Иссерс (2005), Ю.Н. Караулов (2010), Г.В. Колшанский (1980), Ю.М. Лотман (1981, 2000), В.А. Маслова (2010), Г.Г. Почепцов (2001), G.P. Grice (1975), K.W.Thomas, R.H. Kilmann (1974) и др.).

Частнонаучная методология определена объектом, предметом и задачами диссертации: её основу составляют концептуальные положения о коммуникативной толерантности в парадигме лингвистической науки (О.С. Волкова (2008), М.Я. Дымарский (2004), Т.В. Матвейчева (2016), О.А. Михайлова (2005, 2015), Э. Нигматов (2011), С.В. Русакова (2013), И.А. Стернин и К.М. Шилихина (2000) и др.), в том числе, с позиций лингвокультурологии (А. Вежбицкая (2001), В.И. Карасик (1996, 2002), А.В. Ленец и Н.Г. Терюха (2019), Т.А. Митрофанова (2009), О.А. Михайлова

(2005, 2015), С.С. Тахтарова (2008), С.Г. Тер-Минасова (2000), Э.Ю. Улимбашева (2015) и др.); эмотивности как лингвистического компонента эмоциональности в структуре дискурсивно-текстовой деятельности (Л.Г. Бабенко (1989), В.В. Бойко (1996), С.В. Ионова (1998), Г.Н. Ленько (2014), Л.А. Пиотровская (1994), И.В. Ревенко (2016), В.И. Шаховский (1983, 2006, 2008, 2008а, 2012), А. Heller (1979) и др.), а также теории художественного текста (Н.С. Болотнова (2007), А.А. Борисов (2016), В.В. Виноградов (1980), Н.И. Головченко (2010), В.П. Григорьев (1983), М.Л. Макаров (1990), Н.А. Николина (2003), В.И. Тюпа (2009), U. Vonheim (1992) и др.). Важное значение имеют работы по проблематике изучения творчества Т. Манна (С.К. Апт (1972, 1980), М.С. Кургинян (1975), Ю.Н. Лебедева (2015), А.В. Русакова (1969, 1975), Н. Kurzke (1985) и др.).

Недостаточная теоретическая разработанность проблематики коммуникативной толерантности в письменно фиксированном тексте, а также ее тесная связь и синкретичный характер взаимодействия с эмотивностью в художественном тексте позволяет выдвинуть **гипотезу исследования**, на основании которой коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте может быть адекватно исследован и непротиворечиво описан с позиций понимания единства этих двух фундаментальных текстовых и дискурсивных категорий.

Научная новизна исследования заключается в уточнении понятия коммуникативной толерантности, определении ее видов и уровней, выявлении критериев коммуникативной толерантности языковой личности, включающих эмпатию, эмоциональную устойчивость, самопредъявление в общении, избегание конфликтных ситуаций. Впервые раскрыта реализованная на основании эмоционального компонента в структуре коммуникативной толерантности ее диалектическая связь с эмотивностью в художественном тексте, которая реализована на разных его уровнях как в авторской, так и в персонажной зонах повествования. Эмотивность изучается

в диссертации как функционально-семантическая категория, реализуемая в текстово-дискурсивной деятельности языковой личности на уровне эмоционально-смысловых доминант, эмотивных тем, субъективных смыслов, которые представляют собой текстовые элементы.

Теоретическая значимость исследования. Работа вносит определенный вклад в развитие теории языка и лингвокультурологии, в разработку лингвистической теории коммуникативной толерантности, теории текста и художественного текста, в частности. Основное направление в исследовательской концепции диссертации – изучение коммуникативной толерантности и эмотивности как синтеза эстетически значимых смыслов художественного текста – позволяет рассматривать функции этих категорий в художественном тексте как реализацию их коммуникативно-прагматического потенциала.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его результатов в курсах по теории языка, общему и сравнительному языкознанию, социо- и прагмалингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии. Выводы диссертации могут быть применены в спецкурсах по стилистике немецкого языка, анализу и интерпретации художественного текста, теории перевода, в проектной деятельности в части написания курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций по смежной проблематике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лингвистический статус коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте определяется диалектической связью этих категорий в процессе развертывания повествования: толерантное / интолерантное взаимодействие персонажей; индивидуально-авторские особенности реализации эмотивности на различных уровнях художественного текста обеспечивают сложное взаимодействие авторской и персонажной зон повествования.

2. Прагматические маркеры коммуникативной толерантности манифестированы в романе Т. Манна «Будденброки» в координатах диалогических единств, на уровне собственно повествования и авторских оценок: таковы оценка действий поступков, эмоций персонажей в авторской зоне повествования, особое интонационное оформление реплик героев, а также лексемы и лексические сочетания позитивной семантикой, в том числе, и включенные в этикетные формулы в процессе их общения.

3. Языковые и речевые средства эмотивности в текстовом пространстве романа Т. Манна «Будденброки» включают: эмотивы с положительной оценкой в речи персонажей с целью характеристики их эмоционального мира, воссоздания особенностей их личности, манифестирования их взаимоотношений с другими героями; эмотивы с отрицательной оценкой, которые в целом свидетельствуют об искренности и уверенности в себе представителей семьи Будденброков; описания невербальных проявлений эмоций персонажей, которые связаны не только с авторской, но и с персонажной зоной повествования; субъективная модальность в текстовом пространстве, реализованная посредством вводных слов и сочетаний, вставных конструкций, частиц, актуализирующих сослагательное наклонение в контекстах; лексические маркеры авторской оценочности.

4. Функции коммуникативной толерантности и эмотивности обеспечивают в романе Т. Манна реализацию коммуникативно-прагматического потенциала этих категорий; доминантными функциями выступают оценка на основании толерантного / интолерантного отношения персонажей друг к другу; авторская оценочность и проявление такой оценки в отношении характеров персонажей, их действий и мыслей по поводу персонажных особенностей; реализация метода психологизма, позволяющего воплотить эволюцию характеров персонажей; воссоздание социокультурного контекста бюргерства в текстовом пространстве романа.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались на заседаниях кафедры общего языкознания Адыгейского

государственного университета и кафедры иностранных языков Кубанского государственного аграрного университета на Международной научно-практической конференции (Краснодар, 2018), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 2021), Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 2021).

По результатам исследования опубликовано 9 статей, в том числе 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, сопровождаемых выводами, заключения, библиографического списка.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования коммуникативной толерантности и эмотивности в лингвистической научной парадигме

1.1. Художественный текст с позиций лингвистики: основные аспекты изучения

Изучение художественного текста в современной лингвистике обуславливается, прежде всего, влиянием антропоцентрической научной парадигмы, в общих чертах сложившейся в последние десятилетия XX в.: именно эта парадигма «поставила новые задачи в исследовании языка», что, в свою очередь, потребовало «новых методик его описания, новых подходов при анализе его единиц, категорий, правил» [Маслова, 2010: 6]. Область лингвистических исследований была значительно расширена благодаря антропоцентрическому подходу, который способствовал формированию нескольких новых направлений – когнитивной лингвистики, психо- и социолингвистики, этнолингвистики и лингвокультурологии, прагмалингвистики. В этих новых отраслях лингвистического знания языковые процессы изучаются «в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности <...>, <что предполагает> учет человеческого фактора, когда субъект речи и ее реципиент включаются в описание языковых механизмов» [Стилистика..., 2012: 152]. Антропоцентрический подход реализуется и в сфере интерпретации текста в аспекте его порождения (позиция автора) и восприятия (позиция читателя), а также воздействия текста на читателя, что, в свою очередь, сформировало усиливающийся интерес к изучению языковой личности автора и читателя и собственно эстетической когниции продуцента и реципиента художественного текста.

Общеизвестно, что в художественном тексте могут быть задействованы языковые средства различной функционально-стилевой принадлежности. Эти средства выступают в художественном тексте в эстетической функции,

которая по своей природе и целям отлична от общеязыковых: благодаря лексико-семантическим, грамматическим и синтаксическим трансформациям языковые средства в художественном тексте становятся средствами художественной образности. В тесной связи с проблематикой определения специфики языка и стиля художественных текстов находится и изучение особенностей кодирования информации в различных литературных жанрах, а также исследования, направленные на выявление и обоснование онтологического статуса других функций художественного текста – прежде всего, исторической и философской.

Два способа реализации повествовательных (нарративных) стратегий, осуществляемые в художественном тексте, обуславливают его структуру и наличие / отсутствие конкретных словесно-образных компонентов:

- прямое изображение действующих лиц с помощью речи автора;
- опосредованное изображение действующих лиц, развивающееся посредством реализации способов транслирования персонажной речи, хотя и включает элементы выражения в авторской речи.

Именно опосредованное (косвенное) изображение действующих лиц и событий является в большей степени персонифицированным (образным), что отражается и на способах его организации (прямая или косвенная, несобственно прямая речь, а также смешанные формы оформления речи персонажей).

Художественному тексту свойственен эстетический способ отражения действительности, воссоздающий мир в формах самой жизни, однако в таком тексте, как ни в каком другом, велика роль авторской субъективности, на его структуру оказывает особое влияние индивидуально-авторская картина мира, особое мировосприятие, свойственное конкретному продуценту текста. Несовпадение продуцента художественного текста и его субъекта обуславливает полифоничность текстовой организации (речь автора, речь действующих лиц, внутренняя речь и др.). Специфика художественного текста также состоит в том, что автор, реализуя художественный замысел,

пополняет знания читателя о мире, одновременно передавая ему и отношение к изображаемому.

Художественный текст как единица эстетической коммуникации антропоцентричен: такой характер художественного текста определен взаимодействием автора текста и читателя посредством системы персонажей, различными аспектами воссоздания художественного мира. Автор и герои, созданные его воображением, репрезентируют в тексте субъективное и объективное начала.

Особое внимание в современной лингвистике уделяется и изучению семантического пространства художественного текста, прежде всего, потому, что такой текст полисемантичен, а рецептивно-интерпретативная деятельность читателя, направленная на декодирование смыслов художественного текста, обусловлена фоновыми знаниями, способом мышления, развитостью эстетического вкуса и другими личностными аспектами читателя. Также полисемантичность художественного текста зачастую является результатом авторского замысла: автор предоставляет читателю сделать собственные выводы и оценить формально-содержательные аспекты такого текста. Читатели, закономерно имеющие разные исходные жизненные позиции, мировоззрение, воспитание и пр., извлекают разные смыслы из одних и тех же текстов, а эстетическая информация, являющаяся итогом восприятия художественного текста, имеет у разных реципиентов разный объем. Однако художественный текст всегда имеет некий инвариант эстетических смыслов, который препятствует продуцированию противоположных истолкований текста.

В координатах современной науки о языке с этих позиций особо выделим коммуникативно-прагматический анализ художественного текста (Inhaltsanalyse) [Таюпова, 2015], способствующий установлению объема его содержательной информации: с этой целью определяется основная тема и микротемы фрагмента, время и место событий текста подвергаются краткой характеристике, выявляется круг действующих лиц. Коммуникативно-

прагматический подход позволяет также выявить и описать авторские интенции, определить отношение автора к событиям, изображенным в тексте. Тем не менее, художественная литература Нового времени – это литература, тексты которой направлены в большей степени не на освоение окружающего мира, а на выяснение природы и особенностей проявления эмоций, чувств, мыслей, переживаний персонажей, а часто – и самого автора, что обеспечивает эмоциональному содержанию центральное место в семантическом пространстве художественного текста.

Анализ художественного текста, по мнению В.И. Тюпы, парадоксален: «литературовед, анализирующий текст художественного произведения, неизбежно оказывается в парадоксальной ситуации: наука перед лицом искусства» [Тюпа, 2009: 7]. Интерпретация выступает одним из модусов научности (наряду с систематизацией, идентификацией, объяснением и пр.), и благодаря ей может быть установлен смысл эстетических феноменов, который, разумеется, не является единственным.

Современная филология располагает двумя основными стратегиями анализа художественного текста – дескриптивной (описательной) и идентифицирующей (типологизирующей). Эстетическая когниция опирается на ментальные возможности восприятия художественного текста как семиотической системы, организуемой в результате эстетической деятельности автора. Художественный текст – продукт сложного семиозиса, реализуемого на основании компонентов естественного языка. В художественном тексте динамика мыслительных процессов кодируется посредством языковых средств.

Язык тесно связан с культурой, и этот постулат составляет фундамент лингвокультурологии, сформировавшейся как самостоятельная дисциплина к 1990-м гг. При этом ученые придерживаются допущения, что сам язык не является «хранилищем» культуры, несмотря на его кумулятивную функцию, предполагающую накопление и хранение информации. Слово как единица языка способно разворачивать ассоциативные связи, благодаря которым в

сознании и языке формируются и функционируют концепты, в свою очередь способствующие кодированию и трансляции культурной информации. Подлинными хранителями культуры – тексты, отражающие духовный мир нации и личности. Именно текст связан непосредственно с культурой, он характеризуется множеством культурных кодов: «именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры» [Маслова, 2010: 87]. Поэтому текст может быть плодотворно изучен и как совокупность способов кодирования национальных стереотипов.

Важным представляется и изучение межкультурной коммуникации, одной из важных составляющих лингвокультурологии. Интерес к этой сфере обуславливается, прежде всего, осознанием наличия культурных барьеров даже при условии соблюдения всех языковых норм: такие барьеры могут быть связаны как с различиями в нормах речевого поведения, так и с различными значениями, которые коммуниканты приписывают одним и тем же лексическим единицам. Именно в рамках коммуникативно-прагматического подхода, эффективно применяемого в данной исследовательской сфере, устанавливаются параметры коммуникативной толерантности и возможности ее реализации в общении представителей разных социальных групп и этносов.

Культурологически ориентированные сферы лингвистической науки в своем большинстве опираются на тезис В. фон Гумбольдта «язык есть выражение духа народа», и поэтому предмет изучения лингвокультурологии – культурная семантика языковых знаков. Такая семантика формируется в процессе взаимодействия языка и культуры как двух различных по своей природе кодов, а языковая личность одновременно является и культурной личностью [См.: Николина, 2003]. Культура трактуется как способы жизни и деятельности, свойственные конкретному этносу, а также отношения между

людьми (обычай, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы мировидения и преобразования действительности.

Антропоцентричность культуры обнаруживается в самом ее функционировании: культура фиксируется и транслируется посредством текстов, прежде всего, художественных. Особенности межкультурной коммуникации, включающей традиции и обычаи, нормы речевого этикета, систему нравственных ценностей, раскрываются с совершенно новых сторон благодаря выходу на уровень изучения текста как продукта коммуникативной деятельности человека. Бесспорен также антропоцентризм взаимодействия представителей разных культур, которое может быть непротиворечиво описано как вариативное в своих лингвистических и паралингвистических характеристиках.

Эстетическая действительность, создаваемая в художественных текстах, «имеет креативную природу... носит условный, как правило, вымышленный характер» [Николина, 2003: 23], что закономерно отличает ее от того текстового пространства, которое включает тексты, используемые людьми в их повседневной деятельности. Речевое произведение как продукт текстово-дискурсивной деятельности в рамках конкретной эпохи представляет собой социокультурный феномен, в котором воплощены языковые и культурные модели определенного исторического периода. Разумеется, требования, которые общество предъявляет к нормам коммуникации, обуславливаются историческими, территориальными, культурными ситуациями, свойственными конкретному этносу или социокультурному коллективу.

Для современной науки о языке характерен возрастающий интерес к изучению природы художественного текста как речевого образования, как лингвистической единицы и его наиболее общих категорий при сохранении понимания этого типа текста как результата эстетической деятельности, как искусства слова, как системы нравственных ценностей, универсальных и национально специфических. Поэтому закономерно исследование

художественного текста в координатах различных дефиниций текста в целом. Филология до недавнего времени сосредоточивала свои исследовательские усилия на выяснении смысловых и семантико-структурных особенностей текста [Бахтин, 1979; Виноградов, 1980; Гальперин, 2007; Лотман, 1981 и др.]. При этом до настоящего времени отсутствует такое определение текста, которое удовлетворяло бы исследователей всех направлений, сложившихся в лингвистике. Причина этого заключена в многогранности самого феномена текста: сложно выделить в тексте как объекте исследования то, что являлось бы основным, способствовало бы выяснению онтологических и функциональных свойств текста как лингвистического явления: «Как всякий объект исследования, текст по-разному понимается и по-разному определяется» [Гальперин, 2007: 18]. Текст выступает результатом процесса продуцирования речи, и с этих позиций он может быть изучен в плане соответствия/несоответствия общим закономерностям, представляющим собой «инварианты» текстов различной функционально-стилевой принадлежности.

Попытки выяснить наиболее общие параметры текста как лингвистической единицы привели к формированию нескольких подходов в ее изучении:

- антропоцентрический (автор-текст-читатель);
- когнитивный (автор-текст-внетекстовая действительность);
- интертекстуальный (текст-другой текст);
- культурологический (текст-культура).

По мнению И.В. Арнольд, существует два ракурса исследования художественного текста: 1) с позиции «стилистики автора (адресанта речи, стилистика кодирования), 2) с позиции «стилистика восприятия» (стилистика адресата языка, стилистика декодирования)» [Арнольд, 1990: 53].

Современная лингвистика трактует текст как антропоцентрическую коммуникативную систему. Эта система обуславливается языковой личностью автора, которая, в свою очередь, включает ментальные и

когнитивные, психологические и социокультурные особенности. При этом изучение текста в таком ракурсе не может не опираться на достижения науки в плане установления характеристик текста как интегративной семантико-синтаксической и стилистической структуры. Лингвистические параметры текста сводятся к трем: теме, фокусу и связи. Под темой понимается основное содержание текста, фокус позволяет выделять его определенные элементы, связь служит для сочетания различных отрезков выражения [См.: Гальперин, 2007].

Художественный текст, по Н.Ф. Алефиренко, выступает в тесной взаимосвязи с дискурсом как целостной единицей, поэтому художественный текст, как и дискурс, имеет свою этноязыковую специфику. Первоначально во французской лингвистике термин *дискурс* выступает в качестве синонима *тексту*, однако развитие теории коммуникации, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики обуславливает развитие различных значений этих терминов [Алефиренко, 2012]. Текст рассматривается как результат дискурсивной деятельности, эти феномены обнаруживают причинно-следственные связи, поэтому при своей нерасторжимости они различны, существуя в структуре и содержании коммуникации.

Для текста характерны сложные свойства: тематическая и структурная организация, стилистические и риторические параметры. Также исследователи выделяют стилевые черты: таковы логическая последовательность, абзацное членение, синтез логической аргументации и эмоциональности. Н.Ф. Алефиренко правомерно подчеркивает, что «без текста в широком его понимании невозможно исследовать язык <...> текст – достаточно сложный феномен» [Алефиренко, 2012: 9]. Основными аспектами изучения текста, по мнению Л.Г. Бабенко, являются лингвоцентрический, текстоцентрический, антропоцентрический, что позволяет ученому сделать вывод: «... в изучении текста наблюдается множественность подходов и

направлений, дополняющих друг друга и способствующих более полному раскрытию его природы в лингвистическом аспекте» [Бабенко, 2009: 25.]

Различная исследовательская проблематика в изучении текста порождает в лингвистике текста разные направления, ведущими среди которых считают структурно-семантический и коммуникативно-ориентированный подходы. С позиций структурно-семантического подхода к изучению текста рассматривается как изолированный единичный языковой объект, изучаются его «формально-грамматические категории, способы его выделения, подключения и функционирования на гиперсинтаксическом уровне» [Колшанский, 1980: 121]. Коммуникативно-ориентированный подход предполагает выяснение коммуникативной ориентации текста, его прагматической направленности, а текст исследуется как продукт речевой деятельности, который «подчинен реализации коммуникативной интенции отправителя, что выполняет конкретные задачи общения» [Там же]. Также коммуникативно-ориентированный подход позволяет говорить о любом коммуникативном образовании как о средстве транслирования и получения информации. Отметим также в этой связи, что выделяемые подходы дополняют друг друга, не существуя в научной парадигме изолированно.

Одно из определяющих свойств художественного текста – это его суггестивность, способность текста к воздействию на адресата, который к тому же характеризуется как относительной объективностью, так и относительной субъективностью в восприятии текста. Объективность необходима для изучения текста с лингвистических позиций, субъективность обеспечивает понимание текста как художественного целого.

Безусловно, художественный текст обладает конкретными эстетическими параметрами, которые, в свою очередь, позволяют характеризовать его как феномен конкретной лингвокультуры. С другой стороны, семантическое пространство художественного текста, имеющее уровневую организацию, характеризуется наличием на каждом из таких уровней эстетической информации, оформленную с помощью языковых

средств. Учитывая поливариативность определений художественного текста необходимо подчеркнуть, что это, прежде всего, - сложное единство, гармоническое целое, логико-понятийная структура, позволяющая организовать коммуникативное пространство и коммуникативные события в нем.

Проблематика изучения текста, в том числе и художественного, реализуется в современной лингвистике в тесной связи с выяснением специфики языковой личности как его продуцента (автора), так и реципиента (читателя). Фигура говорящего становится основным объектом исследования лингвистики под влиянием коммуникативно-ориентированного подхода, к тому же нельзя познать язык, не обращаясь к его пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности. Идея языковой личности становится центральной в изучении всех аспектов языка, позволяя осуществлять и междисциплинарные исследования в научных областях, изучающих человека.

Знакомство человека с окружающим миром происходит в освоении родного языка, благодаря языку личность получает представления как о конкретных предметах, так и об абстрактных понятиях, нормах поведения и законах мироздания. Само формирование личности в ее приобщении к культуре и участию в социальной деятельности невозможно вне сферы языка. С другой стороны, личность не может рассматриваться вне культурно-исторической перспективы жизни своего этноса, страны, что закономерно определяет важную роль культурно-антропологического прототипа, формирующегося в координатах конкретной культуры и влияющего на становление самой личности.

Как совокупность социально значимых духовных и физических качеств индивида, личность в науке о языке изучается как речевая, идиолектная коммуникативная, этносемантическая и языковая личность. Речевая личность – носитель речи, который обладает способностью к использованию языковой системы в целом в своей деятельности [Богин, 1984; Богин, 1986; Богин,

1975]. Под языковой личностью понимают «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения – личность коммуникативная» [Сухих, Зеленская, 1997: 64]. Собственно, языковая личность трактуется также как фиксируемый преимущественно в лексической системе языка базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка, сформированный на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре [Воркачев, 1997; Карасик, 1996].

В современной лингвистической науке языковая личность может рассматриваться с точки зрения коммуникации как носитель культурных, коммуникативных ценностных ориентаций. В структуре языковой личности обозначены этические, нравственные и социальные нормы коммуникативного поведения. Коллективная и индивидуальная составляющая социальной функции языка существуют в мировоззрении языковой личности, в стереотипах ее поведения, языковых и речевых смыслах, а также социопсихофизиологические особенности организации языковой личности.

Нравственные и социальные языковые нормы отображены в правилах этикета, стратегиях вежливости, общечеловеческих ценностях, свойственных конкретному этносу, отдельным социальным подгруппам, проявляясь в речевых диалектах. Язык в данном случае выступает не только как средство коммуникации, а служит материалом для создания мыслеформ, средством выражения эмоциональных состояний языковой личности, ее самоконтроля и самопрезентации. Специфика поведенческих характеристик языковой личности включает множество отличительных признаков коммуникативного процесса в социолингвистических и прагмалингвистических аспектах.

В научной парадигме лингвистики термин *языковая личность* – один из самых востребованных, что обуславливается антропоцентрической направленностью современной науки. Термин имеет различные определения, что связано с представлениями о ракурсе изучения языковой личности, а

также со степенью абстрагирования в процессе исследования. Е.В. Иванцова отмечает, что «вторичные термины (в которых нередко за тождественной звуковой оболочкой также закрепляется неодинаковое содержание) пока приживаются плохо, а первичный «языковая личность» сохраняет вариативность семантического наполнения. Такое положение вещей можно объяснить, как антиномичностью исходных объектов, отраженных в рассматриваемом словосочетании (единство и противоположность языка / речи, социального и индивидуального начала в человеке), так и недостаточной сформированностью терминологического аппарата новой области научного знания» [Иванцова, 2010: 31].

Центральное место в изучении языковой личности занимает концепция Ю.Н. Караулова, который внес неоценимый вклад в исследование речемыслительной активности, вербальных и невербальных особенностей языковой личности, а также предложил многоуровневую модель языковой личности. Критерием данной модели выступает уровень языковых и речевых умений в коммуникативном процессе, в связи с чем языковая личность рассматривается как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [Караулов, 2010: 51]. По Ю.Н. Караулову, модель языковой личности имеет трехуровневую структуру – вербальный, когнитивный и мотивационный. Вербальный уровень представлен лексиконом, фразами, словами, языковыми формулами и лексическим сочетаниями и отражает степень владения языком. Когнитивный уровень репрезентирован тезаурусом, в который включены обобщенные понятия и концепты, выраженные в высказываниях и дефинициях. Мотивационный уровень определяет процесс освоения и реализации коммуникативных потребностей языковой личности. Уровни модели, предложенной Ю.Н. Карауловым, детерминируют совокупность ее характеристик, которые

основаны как на индивидуальных отличиях, так и на содержательных аспектах коммуникации, отражаясь и на реализации коммуникативной толерантности в дискурсивно-текстовой деятельности языковой личности.

Исследованием языковой личности занимаются многие ученые лингвисты, определяющие ее значение и выделяя в ней этносемантический компонент (С.Г. Воркачев), словарный и культурологический (В.И. Карасик), эмоциональный (В.И. Шаховский). Рассматривая структуру языковой личности, ее содержание, отметим компоненты, которые влияют на направление коммуникативной толерантности в процессе коммуникации. О.А. Михайлова выделила компоненты языковой личности в лингвокультурологическом аспекте:

«1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т. е. система ценностей. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, закладывает иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе диалогового общения;

2) культурологический компонент, т. е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления языковых средств и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) личностный компонент, т. е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке» [Михайлова, 2015: 85-86].

Коммуникативная (словарная) языковая личность становится центром лингвоперсонологической концепции В.И. Карасика [Карасик, 2002]. Исследователь выдвигает следующие постулаты, позволяющие непротиворечиво описать такую языковую личность:

- этническая и социальная идентичность осознается языковой личностью в границах собственной уникальности;

- языковое сознание закрепляет эту идентичность, которая реализуется в коммуникативном поведении, что, в свою очередь, может быть обнаружено посредством специальных лингвистических исследовательских процедур;
- языковое сознание характеризуется членимостью: оно включает релевантные фрагменты осмысления действительности, выраженные вербально и специфичные этно- и социокультурно, а также личностно;
- тексты, возникающие в коммуникативных ситуациях, отражают специфику коммуникативного поведения личности, характеризуют ее как принадлежащую этнокультурной и социокультурной общности и как уникальность;
- типизируемые ситуации общения соотносимы с фрагментами осмысливаемой действительности, при этом выделение и типизация коммуникативных ситуаций и фрагментов мира обуславливаются ценностными приоритетами;
- лингвоперсонологическая типология включает:
 - а) типы языковых личностей на основании критерия идентичности (этно- или социокультурной, а также индивидуальной); б) типы концептов, которые определяют этно- и социокультуру, а также индивидуальность; в) типы дискурса, формирующегося с целью поддержания и развития этнокультуры, социокультуры и индивидуально-личностной культуры человека;
- языковая личность в своих проявлениях и аспектах изучения обнаруживает единство: а) изучение личности должно приводить к выявлению специфических для нее концептов и типов дискурса; б) моделирование концептов позволяет выявить характеристики типизируемых личностей и типов дискурса; в) выделение типов дискурса способствует установлению характеристик личностей и определению организующих конкретный дискурс концептов [Карасик, 2002: 6].

Языковая личность может быть исследована и с позиций реализуемых ею коммуникативных стратегий, которые являются в своей сути «цепочкой решений» «говорящего, его выбор определенных коммуникативных

действий и языковых средств <...> или реализацию набора целей в структуре общения» [Макаров, 1990: 137], это «тип или линия поведения одного из коммуникантов в конкретной ситуации общения, которые соотносятся с планом достижения преимущественно глобальных (а иногда и локальных) коммуникативных целей в рамках всего сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа» [Там же: 138].

О.С. Иссерс посвящает исследованию коммуникативных стратегий и тактик русской речи фундаментальное исследование; стратегия рассматривается как комплекс речевых действий, которые направлены на достижение определенной цели. Коммуникативные стратегии, по О.С. Иссерс, – разновидность деятельности человека, они связаны глубинно с мотивами, управляющими речевым поведением личности, и явно – с ее потребностями и желаниями [Иссерс, 2005: 57]. Наиболее существенными первичными мотивами поведения личности следует считать желание быть эффективным (т.е. реализовать интенцию) и необходимость приспособиться к ситуации. Однако эти мотивы – не единственные в коммуникации. Основная стратегия в общении – семантическая (когнитивная) (например, дискредитация третьего лица или подчинение партнера), вспомогательными стратегиями следует считать прагматическую (построение имиджа, формирование эмоционального настроения), диалоговую (контроль над темой, контроль над инициативой), риторическую (привлечение внимания, драматизация) [Там же: 108].

Для языковой личности свойственна не только определенная степень владения языком, важны также выбор (личный, социальный) определенных языковых средств разноуровневой принадлежности, мировидение, которое обуславливается национальной картиной мира, определяемой конкретным языком. Для говорящего свойственна и собственная языковая картина мира, в которой формируются «значения говорящего» как разнообразные приращения значений языковых единиц. Особую актуальность постулат о продуцировании таких «значений

говорящего» приобретает при изучении художественного текста, в котором реализуется языковая личность его автора, чувствующего, по Ю. Тынянову, «странный смысл слов» и структурирующего на основании таких «мерцающих» значений семантическое пространство текста.

Понятие *языковая личность* приобретает новые грани осмысления в случае, если объектом лингвистического исследования становится художественный текст, т.к. возникает необходимость в выяснении соотношений данного понятия с понятиями *автор* и *образ автора*. Автор, конкретная биографическая личность, создавая художественный текст, инициируя художественную коммуникацию, диалогическую по своему характеру, реализует свою потребность в общении и формирует собственный образ, зачастую подсознательно. Любой художественный текст объективирует образ автора, содержащий определенное представление о языковой личности самого автора: «Сокровенная тайна воздействия художественных образов на писателя как раз и состоит в восприятии их как лиц вполне реальных, как лиц, взятых прямо из жизни» [Караулов, 2010: 30]. Значит, автор, обладая конкретным коммуникативным репертуаром, вербализованными средствами конкретного национального языка, является языковой личностью.

Автор выступает в созданном им художественном тексте не как целостная языковая личность, но как множественная совокупность говорящих и понимающих личностей, и в этом случае возможно говорить именно о языке соответствующей эпохи, а не о языке индивидуальности [Бахтин, 2000]. Тем не менее, в таком тексте репрезентированы и маркеры индивидуального языкового колорита, который обусловлен «характером отображаемой автором действительности, особенностями избираемой тематики, специфическими чертами персонажей» [Караулов, 2010: 171], но «тезаурус личности, как способ организации знаний о мире, имеет явно выраженную тенденцию к стандартизации его структуры, к выравниванию ее у разных членов говорящего на одном языке коллектива, при одновременном

произволе в способах ее субъективации, индивидуального присвоения» [Караулов, 2010: 172].

Языковая личность автора художественного текста определяется двумя аспектами:

- языковая личность индивидуализирована;
- такая языковая личность формируется и функционирует в координатах языковой картины мира, реализуя индивидуальные особенности на общем концептуальном фоне.

Изучение языка писателя или отдельного художественного текста с позиций отношения этого языка к языковому идеалу конкретной эпохи, к общим нормам языкового вкуса, приводит «на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, надындивидуального, к самой личности пишущего» [Винокур, 1959: 237].

Д.М. Поцепня указывает, что исследование проблемы индивидуально-авторской картины мира должно учитывать три аспекта:

1. Важнейшие художественные идеи и понятия в их словесной реализации на основании выявления мотивов; градации мотивов; ключевых слов; семантических полей эстетически действенных слов; «соотнесенности с философскими и литературно-эстетическими исканиями порубежной эпохи» [Поцепня, 1997: 227].

2. «Образ языка» произведения, в рамках которого значимо описание лексики «цветообозначения»; отношение автора «к системе характерных для него тропов в соотношении с теми пластами лексики, которые окажутся вовлеченными в образные контексты» [Поцепня, 1997: 233].

3. Характеристика «эмоционально-оценочного компонента авторской картины мира» [Сухих, 2001: 241].

Константы, формирующие языковую личность писателя, всегда репрезентированы в художественном тексте, эксплицитно или имплицитно: в художественном тексте встречаются фразы, несущие дополнительное

семантическое наполнение, окруженные характерным коннотативным фоном и зачастую принимающие символическую функцию. Эстетически действенная лексика в художественном тексте обнаруживает доминанты его идейного содержания, что, в свою очередь, обуславливает и необходимость осмысления позиции автора по отношению к изображенному, определяемой в соответствии с тем, каким образом «изображена наружность, дает ли автор цельный трансгredientный образ ее, насколько живы, существенны и упорны границы, насколько тесно герой вплетается в окружающий мир, насколько полно, искренне и эмоционально напряженно разрешение и завершение, насколько спокойно и пластично действие, насколько живы души героев. Только при соблюдении всех этих условий эстетический мир устойчив и довлеет себе, совпадает с самим собою в нашем активном художественном видении его» [Бахтин, 2000: 208].

Принципы исследования языковой личности автора в художественном тексте Ю.Н. Караулов обосновывает, прежде всего, через частотное словоупотребление, что позволяет ему обосновать выделение ключевых слов-тем в соответствии с двумя критериями: по «частоте употребления и разворачиванию вокруг них в тексте наиболее крупных семантико-тематических групп лексики», объединяющих метафорические и метонимические обозначения, контекстуальные антонимы, тематически развивающие какую-либо идею слова [Караулов, 2010: 81].

Художественный текст всегда отражает индивидуальность автора, его идиостиль, который организует текст в соответствии с принципом индивидуальной образности [Болотнова, 2007: 132-133]. Именно индивидуальная образность «делает словесное произведение произведением искусства» [Шмелев, 1964: 17], и, поскольку «изобразительная функция образности сочетается с когнитивной (познавательной) <...>, образные средства актуализируют стоящие за языковыми единицами концептуальные структуры и конденсируют знания о мире» [Николина, 2003: 77].

Для изучения художественного текста определяющее значение имеет и понятие стиля. Н.И. Головченко указывает, что «проблема толкования художественного текста с учетом стиля требует четкого определения ряда важнейших теоретических понятий, в частности художественный стиль, структура художественного стиля, стилевая константа, стилевая доминанта, и определение основ стилового прочтения художественного текста» [Головченко, 2010: 98]. В этой связи М.М. Гиршман отмечает, что понятие стиля в литературоведческой научной парадигме охватывает как содержание, так и форму литературных произведений, предполагая индивидуальное своеобразие творчества писателя [Гиршман, 1982: 98]. Стиль связывается как с формой, так и со смыслом текста, с проблематикой и идеей, образной системой литературного произведения. В.М. Жирмунский подчеркивает, что художественный стиль писателя - выражение его мировоззрения, воплощенное в образах языковыми средствами [Жирмунский, 1977]. Поэтому стиль и формальную сторону произведения нельзя изучать вне его идейно-образного содержания.

Автор запечатлевает в художественном тексте актуальный для него личностный смысл, который возникает и фиксируется в таком тексте благодаря авторским когнитивным усилиям. Мотивами выступают реалии окружающего мира, а результатом становится воплощение авторских смыслов и эстетического замысла в языковых единицах. Языковая личность автора может быть исследована, прежде всего, на основании выявления коммуникативно-прагматической специфики идиолектных и идиостилевых авторских интенций. Под идиолектом понимаются «языковые составляющие в их функциональном применении, а, следовательно, в горизонтальных связях, которые эксплицируют семантику языковых единиц в контексте и обнаруживают знание языковой личностью законов синтагматики и парадигматики, действующих в языке, необходимых в текстообразовании» [Леденева, 2000: 84].

Идиолект в научной парадигме современной лингвистики соотносится с понятием идиостиля, под которым понимают всю «совокупность языковых выразительных средств автора» [Новиков, 1990: 56]. С.Т. Золян также привлекает понятие стилевой доминанты, которая трактуется как «фактор текста и характеристика стиля, изменяющая обычные функциональные отношения между элементами и единицами текста. <...> Предполагается, что поэтический идиолект может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей» [Золян, 1989: 256].

Понятия *поэтический язык, поэтический текст, поэтический идиостиль и идиолект* не имеют однозначного толкования, однако здесь можно выделить два основных подхода. Первый заключается в интерпретации идиолекта и идиостиля как соотносимых между собой как поверхностная и глубинная структуры в описаниях типа «Смысл — Текст» или же образующими триаду «Тема — Приемы выразительности — Текст» [Жолковский, 1996]. Разнообразные лингвистические факторы, определяющие идиолект, в своей основе имеют «языковую память» и «генетику лингвистического мышления» автора, что в конечном счете позволяет выявить иерархию инвариантов, которые и определяют художественный мир конкретного автора. В.П. Григорьев указывает, что «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [Григорьев, 1983: 35]. Второй подход имеет функциональную направленность в описании идиостиля на основании идей, представленных в работах Ю.Н. Тынянова и Л.С. Выготского. Современная лингвистика исходит из оппозиции «язык — его индивидуальная модификация», что позволяет изучать «идиолект / идиостиль» в аспекте соотношений «язык / стиль» и реконструировать идиостиль на основании совокупности языковых форм «индивидуального говорения» [Там же], т.е. идиолекта. Идиостиль и идиолект соотносятся как целое — часть: «индивидуальный язык, идиолект,

характеризуется как важнейшая составляющая индивидуального стиля, или идиостиля» [Виноградов, 1990: 171], и особой совокупностью в идиостиле автора выступают средства выражения оценочного значения.

Как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих его дискурсивно-текстовую деятельность, его языковую компетенцию, языковая личность обладает интеллектуальными характеристиками, определяющими глубину и точность отражения действительности, степень структурно-языковой сложности. Авторская языковая личность полноценно представляет в художественном тексте с помощью языковых и речевых средств личность его создателя, вмещая и репрезентируя психический, социальный, этический и другие компоненты.

1.2. Коммуникативная толерантность: основные подходы к изучению в парадигме лингвистики

Современная лингвистическая наука рассматривает понятие коммуникативной толерантности с позиции философских, лингвокультурологических, социолингвистических и психолингвистических универсалий, определяя сущность данного понятия в исследовании коммуникативных процессов языковой личности в социокультурном пространстве. Многоаспектность понятия коммуникативной толерантности вызывает дискуссии в научных кругах, суть которых заключается в выявлении основы главного компонента «терпимость». В словаре В.И. Даля терпимости дается следующее истолкование: это «свойство или качество, способность что-либо или кого-либо терпеть только по милосердию, снисхождению» [Даль, 1991: 576]. Под терпимостью понимается проявление умения без агрессии и враждебности относиться к мнению, взглядам и поведению собеседника даже при наличии противоречий принципам и взглядам конкретной личности.

Понятие «толерантность» в отечественной науке существует сравнительно недавно и продолжает оставаться одним из дискуссионных. Современная отечественная лингвистика в трактовке феномена толерантности опирается на ст.1 Декларации принципов толерантности, утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года:

«1.1. Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

1.2. Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

1.3. Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека.

1.4. Проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе

различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность».

Ст. 4 Декларация содержит тезис о необходимости «обучать детей тому, в чем заключаются их общие права и свободы; поощрять систематические и рациональные методы обучения, вскрывающие различные источники нетерпимости; формировать навыки независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях» [Декларация принципов терпимости: URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/toleranc.htm>].

Следует отметить, что открытость общения и свобода мысли и убеждений – неотъемлемые принципы уважения прав человека. В философском энциклопедическом словаре приводится следующая формулировка понятия «толерантность» (от лат. *tolerantia* – терпение):

1) «терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции;

2) способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды» [Философский энциклопедический словарь: URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/index.htm>].

Сравнивая понятия «толерантность» в европейских языках, важно выделить терпимое отношение к чужому мнению и уважение чужих убеждений как основное определение. Исследовав понятия «толерантность» и явлений, связанных с ним, в аспекте философской науки, следует отметить его многоаспектность. Уважение, понимание, терпимость, самовыражение, проявление в многообразии культуры, открытость, свобода убеждений и гармония способствуют толерантному мировоззрению в философских концепциях. Проблематика толерантности интересует философов с древних

времен (Аристотель, Гомер) до Нового времени (И. Кант (2000), В.Ф. Асмус (2009), А.Ф. Лосев (2000), Л.В. Баева (2009) и др.) В своих трудах они рассматривают толерантность как необходимое условие духовной и социальной сплоченности общества.

В античные времена терпимость выступала важным инструментом в эффективном социальном взаимодействии, вызывая многочисленные споры среди древних философов. Платон и Сократ «терпение» связывали с интеллектуальным аскетизмом и определяли, как предпосылку «духовного и социального сплочения людей» [Лосев, 2000: 75]. Аристотель, исходя из своего понимания основной добродетели людей как «середины», «терпимость» толковал как возможность «равноценного существования вещей и людей» [Асмус, 2009: 23].

Многие русские философы придерживались мнения, что толерантность связана с волей и свободой человеческой мысли. Н.Ф. Федоров рассматривал специфически толерантность, подчеркивая ее пассивные и активные стороны. «Философия «общего дела» Н.Ф. Федорова в своей основе содержит учение о родстве и братстве. Родство означает, что люди едины по происхождению, они родились от одного предка, это единство, данное им от рождения. Братство предполагает братские отношения, имеющие объединительную силу – любовь. На основе братской любви возникает община, в которой люди делают общее дело, согласуя свои действия и мысли» [Меняева, 2014:103].

На необходимость толерантности в отношении других людей впервые в своих работах указывает И. Кант, объясняя их как всеобщий человеческий долг. «Если мы хотим, чтобы нас уважали, то также должны иметь уважение к другим людям и уважать человечность вообще. С другой стороны, если мы хотим быть любимы, то на нас лежит та же самая обязанность – также проявлять человеколюбие. Следовательно, мы должны делать то, чего мы требуем от других, чтобы они сделали это нам» [Кант, 2000: 173].

Современная философская наука рассматривает толерантное общение с точки зрения глобализации и в рамках межэтнических, межконфессиональных отношений, которые способствуют повышению качества жизни, созданию единого информационного пространства, быстрому распространению новейших технологий и достижений техники, интеграции систем образования и взаимообмену культурными традициями и достижениями. В таких условиях коммуникативная толерантность становится «единственной возможностью сохранения национально-культурной идентичности, своеобразия, уникальности, поскольку в противном случае более сильная сторона просто навязывает более слабой свою систему стандартов и ценностей» [Баева, 2009:72].

В работе «Российская культурная традиция толерантности» Е.И. Касьянова отмечает, что «прежде всего, для социально-философского исследования толерантности в цивилизационном аспекте весьма продуктивным может быть использование такого подхода, как философия языка, в которой толерантность осознана и представлена в качестве языковой структуры. Ведь язык как развивающаяся система фиксирует изменения в понимании того или иного явления» [Касьянова, 2007: 164]. Сдержанность в любых ситуациях, гибкость и терпимость к чужому мнению рассматривается в работах о толерантности И.А. Стернина и К.М. Шилихиной: «Толерантность – это вежливость к собеседнику, это интерес к его, пусть и осуждаемой мною точке зрения. Толерантность не предполагает обязательного разделения мнения другого человека и тем более одобрения этого мнения или поступка. Толерантный человек фиксирует в своем сознании и собственное негативное отношение к идеям или поступкам других, но он не высказывает этого несогласия в резкой или агрессивной форме, умеет отделить главное от второстепенного, не вступает в перепалки и конфликты, старается мнение свое высказать ненавязчиво, необидно, не навязывает своего мнения, оставляет за собеседником право на другое мнение» [Стернин, Шилихина, 2000:13].

Лингвистика обращается к изучению проблематики толерантности с позиции установления коммуникативных аспектов толерантности, проявлениях толерантных установок в коммуникативном поведении языковой личности и социальных групп в различных сферах дискурсивной деятельности. Коммуникативный компонент толерантности личностной и социальной состоит в осуществлении «нормативного, этикетного, бесконфликтного, гармонизирующего общения, формирование у всей лингвокультурной общности в целом умения слушать собеседника и уважать его мнение, сохранять спокойствие в споре и конфликте, умение спокойно и этикетно вести и межличностный спор, и публичную дискуссию» [Там же: 15]. С.В. Русакова вносит важное замечание в теорию межкультурной коммуникации: «понятие *толерантность* тесно связано с понятием *общение*. Сформированная у человека толерантность позволяет ему легко вступать в коммуникативные связи с другими людьми, этически грамотная позиция в общении делает человека толерантным» [Русакова, 2013: 11].

Лингвокультурологический подход к исследованию коммуникативной толерантности реализован в работах А.А. Егурновой (2013), И.Б. Игнатовой (2008), Е.И. Касьяновой и Н.И. Виноградовой (2014), В.Н. Куницыной (2001), Т.В. Матвейчевой (2016), О.А. Михайловой (2005), С.Э. Нигматова (2011), Л.Г. Почебут (2012), М.Н. Рянжиной (2011), А.П. Сквородникова (2000), И.А. Стернина и К.М. Шилихиной (2000), С.Г. Тер-Минасовой (2000), Р.О. Туксайтовой (2004), Э.Ю. Улимбашевой (2015), Т.А. Юровой (2015) и др. В исследованиях лингвокультурологической сущности коммуникативной толерантности представлена стереотипность отражения культурных ценностей, нравственных и эстетических идеалов, норм поведения, языковых особенностей, духовных ориентиров, речевых и коммуникативных практик с позиции социального взаимодействия.

В межкультурном общении коммуникативная толерантность формируется в традициях уважения и принятия этнокультурного многообразия. С.Г. Тер-Минасова в своей работе «Язык и межкультурная

коммуникация» подчеркивает важность быть толерантным в процессе общения и относиться с уважением к мнению собеседника: «Люди, будьте терпеливы, уважайте чужие, не свои культуры, и жить станет легче и спокойнее. Три «Т» - Терпение, Терпимость, Толерантность - вот формула межкультурной коммуникации» [Тер-Минасова, 2000: 259]. Лингвокультурологический подход к исследованию коммуникативной толерантности затрагивает культурные традиции и своеобразие социума в контексте речевой коммуникации, сущность, природа и особенности которой связаны с условиями языковой ситуации, вербального и невербального взаимодействия, социальных факторов общения, индивидуальных особенностей языковой личности. По мнению Х.З. Багирова и З.У. Блягоза, «вербальное средство коммуникации – основа существования любого общества. Россия, как и многие другие государства, многонациональная страна, с самого начала своего функционирования как самостоятельный субъект на мировой арене, была и остается многоязычной, где народы, живущие в ней, не могут обходиться как без родного языка, так и без языка межнационального общения» [Багиров, Блягоз, 2012: 130]. У разных народов категория коммуникативной толерантности является частью культуры и социума. Ориентация на этнические признаки коммуникативного поведения обусловлена ментальными особенностями, связанными с обычаями, национально-культурными параметрами, лингвистическими правилами этикета, укоренившимися исторически в сознании народа. В процессе межкультурной коммуникации незнание конвенциональных норм и культурных стереотипов способно вызывать культурный шок. В лингвокультурологическом аспекте понимания сущности коммуникативной толерантности в качестве константы выступает стереотипность отражения культурных ценностей, нравственных и эстетических идеалов, норм поведения, языковых особенностей, духовных ориентиров, речевых и коммуникативных практик с позиции социального взаимодействия.

Речеповеденческие стереотипы межкультурной и внутрикультурной коммуникации реализуются в виде ассоциативных языковых форм, при которых коммуникативная толерантность способствует установлению гармоничной коммуникативной ситуации, уважению культуры и языка народов. И.А. Стернин анализирует проявление коммуникативной толерантности у англичан, американцев и русских, а также такие определяющие черты характера, которые позволяют строить речевое общение в ключе толерантности: стремление к достижению компромисса; самоконтроль в общении; коммуникативная ответственность; вежливость; внимание и умение слушать; наличие адекватного уровня тематической табуированности. В английской речевой практике проявляется ориентация на сохранение лица собеседника, коммуникативная неприкосновенность. В редких случаях допустимы эмоциональный спор, категоричность выражения несогласия, критика, отстаивание взглядов и позиции, отсутствие или проявление в редких случаях категоричности формулирования проблемы, перебивание собеседника. Коммуникативное поведение англичан в данном случае свидетельствует, по мнению автора, о толерантном речевом общении, которое поддерживается большинством релевантных черт, характерных для английской коммуникации. Напротив, коммуникативное поведение американцев противоречит принципу толерантности: публичное обсуждение разногласий; стремление к быстрому упрощению коммуникативных отношений; пониженный уровень вежливого отношения к старшему поколению, пониженная ориентация на сохранение лица собеседника; повышенный уровень громкости речи в коммуникативном процессе. В основном в речевой культуре американцев преобладает демонстративный тип коммуникативного поведения, привлекающий внимание к языковой личности. Важно отметить, что в процессе коммуникативного акта американцы поддерживают реализацию категории толерантности в общении, обходя интолерантные формы общения [См.: Стернин, Шилихина 2000].

Язык концентрирует информацию о национальной системе ценностей, свидетельствуя об особенностях мировосприятия этноса. Лингвоконцептология изучает концепты – вербализации базовых ценностей лингвокультуры, понимаемые как ее ценностные константы. Лексемы проходят в языке определенный жизненный цикл: они возникают в языке, могут быть заимствованы из других языков, устаревают, исчезают из употребления. Включаясь в процесс концептуализации, культурные национально-специфичные ценности маркируют нормы, правила индивидуального и социального поведения личности, что, в свою очередь, обуславливает их историческую изменчивость.

А.В. Ленец и Н.Г. Терюха указывают, что ценностные константы немецкой лингвокультуры, фиксируемые современными исследователями, – это Ordnung (порядок), Gehorsam (послушание), Pflicht (долг), Unterordnung (подчинение), Disziplin (дисциплина), Sicherheit (безопасность, уверенность в будущем), Gesundheit (здоровье), Familie (семья), Zuverlässigkeit (надежность), Fleiß (прилежание), Perfektion (перфекционизм), Pünktlichkeit (пунктуальность), persönliche Freiheit und Unabhängigkeit (свобода личности и независимость), Sparsamkeit (бережливость), Toleranz (толерантность), при этом правомерно утверждение о неизменности немецких традиционных ценностей, а новые номинации, получаемые ценностными константами, обуславливаются разрабатываемыми культурными стандартами – сводами «законов, правил, норм социального поведения, стереотипов мысли и действия, принимаемые в границах той или иной культуры социальной общности и неразрывно связанные с общемировыми ценностями» [Ленец, Терюха, 2019: 7-8].

В немецкой лингвокультуре Toleranz – коммуникативная категория, которая организует или регулирует процесс коммуникации. В то же время — это прагматическая категория, содержание и структура которой оказывают воздействие на участников коммуникации. А.В. Ленец и Н.Г. Терюха указывают, что «лексема Toleranz заимствована в немецкий язык из

французского (*tolérance*), в который она пришла из латыни в начале IV в. н. э. Латинский термин *tolerantia* возник в Древнем Риме в I тыс. до н. э. и означал добровольное перенесение страданий, пассивное терпение, ассоциируясь с понятиями «боль», «зло» и т. п. Такому пониманию термина скорее близка лексема *patientia* (от лат. *patiōr* — терплю, страдаю), которая имеет более пассивное значение. Между понятиями *patientia* и *tolerantia* существуют различия, первое имеет отношение к терпению тела, а второе в большей степени к силам души» [Ленец, Терюха, 2019: 8].

Этимологию лексемы фиксирует словарь Г. Кёблера: «*Toleranz*, lateinisch Lehnwort *tolerantia*, *tolerans*, *tolerare*. Mitte 16-te Jahrhundert (Luthervor 1546) — *Duldsamkeit*, *dulden*» / «Толерантность — заимствование из латыни: *tolerantia*, *tolerans*, *tolerare*, середина XVI в. (Лютер, до 1546 г.) — терпимость / снисходительность, терпеть / сносить» [Köbler, 1995].

Зарождение нового концепта *Toleranz*, идеологического по своему характеру, связано, прежде всего, с распространением учения Мартина Лютера в XVI в., которое спровоцировало религиозные войны. Согласно Нантскому эдикту в 1598 г. происходит легализация терпимости католиков к протестантам, дающая возможность свободной религиозной жизни других, не католических конфессий. В Новое время лексема приобретает дополнительные значения и сферы употребления, однако исторически исходной и доминирующей формой проявления толерантности остается веротерпимость [Хомяков, 1999].

В словаре Ф. Дорнзайфа лексемы распределены по рядам, что позволяет установить ассоциативно-семантические связи лексемы *Toleranz*: она фиксируется в одном ряду с *das Wohlwollen* (доброжелательность, благосклонность, благоволить), *die Milde* (кротость, снисходительность, мягкость), *die Erlaubnis* (разрешение, позволение), *selbstlos* (бескорыстный, самоотверженный, альтруистический), что в немецкой лингвокультуре фиксирует чувственную и этическую сферы в значении данной лексемы [Dornseiff, 2010].

С.С. Тахтарова обращается к моделированию поля концепта *'Toleranz'*, ближняя периферийная зона которого воссоздается на основании синонимических связей ключевых слов концепта, при этом отмечает, что лексем-репрезентанты *Toleranz*, *tolerant* и *tolerieren* организуют разветвленные синонимические парадигмы, позволяющие проследить развитие периферийных признаков концепта *'Toleranz'* в немецкой лингвокультуре:

«1) великодушие, сердечность: *Großzügigkeit, Hochherzigkeit, Milde; weitherzig;*

2) терпимость, снисходительность: *duldsam, nachgiebig, Geduld, Nachsicht, dulden;*

3) признание за Другим права на «инаковость»: *verständnisvoll, akzeptieren, anerkennen;*

4) уважение: *Rücksicht, respektieren;*

5) бережное отношение к Другому: *sanftmütig, Entgegenkommen, Behutsamkeit, Schonung;*

6) миролюбие, антиконфликтность: *versöhnlich, nachgiebig, friedfertig, Verständnis;*

7) свобода выбора: *freiheitlich, freizügig, Liberalität*» [Тахтарова, 2008: 66].

Следует отметить, что феномен толерантности рассматривается современными лингвистами в лингвокультурологическом аспекте относительно форм его проявления в разных междисциплинарных сферах (см. О.А. Михайлова (2005, 2015), Э.Ю. Улимбашева (2015) и др.), что позволило выявить инвариантную семантику концепта «толерантность». Лингвистические аспекты коммуникативной толерантности наиболее подробно исследуются в основном в ситуациях либо официального характера (политический дискурс), либо бытового. Бытовая коммуникативная толерантность – это естественная рефлексия одной языковой личности по отношению к другой. Отсутствие коммуникативной толерантности в случае

употребления оскорбительных выражений приводит к речевой агрессии со стороны адресата.

Социолингвистический подход к исследованию коммуникативной толерантности языковой личности представлен в научных трудах Е.С. Гребенец (2013), Е.Б. Журченко (2013), Н.Н. Колмогорцевой и С.Ф. Фофановой (2009), Е.В. Кривцовой (2015), Л.В. Львовой и В.П. Михайловой (2008), Т.В. Марченко (2015), О.А. Михайловой (2005), С.В. Русаковой (2013) и др.; по мнению исследователей, социальная природа понятия «коммуникативная толерантность» связана со способностью языковой личности ориентироваться в определенных социальных условиях, умением принять любые жизненные ситуации или обстоятельства в процессе коммуникации.

Социолингвистический подход к исследованию коммуникативной толерантности основан на изучении коммуникативной речевой практики в социальных условиях с учетом взаимосвязи языка и общества. Преобразования и ситуация в современном обществе влияют на языковые характеристики, а именно его использование или функционирование, выражения общественного сознания, тесная взаимосвязь языка со всеми процессами общества, и наоборот, участие общества в формировании языкового и речевого потенциала. Важно отметить роль макросоциолингвистики, исследующей взаимоотношения между языками, двуязычие, языковые конфликты в проявлении коммуникативной толерантности.

В парадигме социолингвистики речевое взаимодействие между представителями разных культур, свойственных различным национальным сообществам и социальным группам, рассматривается как одно из фундаментальных условий для формирования толерантности. Социальная природа понятия «коммуникативная толерантность» связана со способностью языковой личности ориентироваться в определенных социальных условиях, с умением принять любые жизненные ситуации или

обстоятельства в процессе ведения коммуникации. При этом толерантное отношение к собеседнику, его ценностям, морально-этическим и нравственным принципам, религиозным убеждениям, социальному статусу является ключевым моментом в коммуникативном пространстве с точки зрения социолингвистики. Е.Б. Журченко в процессе исследования теории и практики общественного развития выявил социальную природу толерантности: «в большинстве определений толерантности основным объединяющим словом является «терпимость», заставляет задуматься о социальной природе дефиниции, поскольку данное понятие связано со способностью выносить что-либо, когда в определенных условиях мы вынуждены переносить неизбежные и нежелательные события, обстоятельства или условия» [Журченко, 2013: 32]. Социальные коммуникативные аспекты толерантности в структуре межкультурной коммуникации интересуют Э.Ю. Улимбашеву, прежде всего факторы, гармонизирующие отношения между людьми – это: «любовь, взаимное уважение, привязанность, психологическая совместимость, взаимная симпатия, сочувствие, сопереживание, доверие, понимание, дружба, почитание, солидарность, терпимость, убеждение» [Улимбашева, 2015: 198].

Языковая личность в ситуации толерантного общения познает других людей и себя, обнаруживая собственную самодостаточность и доброжелательное отношение к окружающим. Понятие «коммуникативная толерантность» в разных языках имеет особые характеристики. В европейских языках понимание коммуникативной толерантности связано с особенностями менталитета и речевого поведения коммуникантов. По мнению К.И. Федоровой, «понятие «толерантность» имеет практически одинаковый смысл в различных языках: в английском – готовность быть терпимым, во французском – отношение, при котором человек думает и действует иначе, чем другие; в арабском – милосердие, терпение, сострадание; в русском – умение принять другого человека таким, какой он есть. Толерантность – это уважение, принятие и правильное понимание

многообразия культур и традиций, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Проявлять ее – это значит понимать, что люди различаются по внешнему виду, интересам, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире» [Федорова, 2014:132].

Таким образом, несмотря на различия в национально-культурной специфике понятия коммуникативной толерантности, основной составляющей ее остается сохранение универсальных ценностей, свойственных всему человечеству, умение прощать, сострадать, проявлять терпение и уважение в отношении собеседника. Правомерной представляется позиция Р.О. Туксаитовой: «К какой бы национальности ни принадлежал человек, какого бы вероисповедания он ни придерживался, такие человеческие качества, как терпимость, уважительное отношение к культуре, языку, обычаям другого народа, наднациональны» [Туксаитова, 2004: 125]. Коммуникативная толерантность основана на готовности принятия других такими, какие они есть, строя взаимодействие на согласии, что, однако, не свидетельствует о конформистской или индифферентной позиции в коммуникации, т.к. коммуникативная толерантность – свидетельство проявления активной позиции и взаимного стремления к эффективному общению всех коммуникантов.

В психологической науке феномен коммуникативной толерантности рассматривается с точки зрения коммуникативного поведения языковой личности и психических состояний личности во взаимодействии с окружающими. Адекватность и психическое здоровье личности с точки зрения механизмов коммуникативной толерантности определил выдающийся психолог А. Маслоу, выделив способность индивида к сдерживанию негативных эмоций в процессе общения. По мнению А. Маслоу, «терпимость выступает как один из главных принципов, дающий ключ к пониманию сути человека, объясняющий специфику взаимодействия людей. Во-первых, можно заключить, что терпимость - это один из возможных путей самоактуализирующейся личности» [Маслоу, 2008: 352]. В психологической

науке В.В. Бойко раскрыл сущность понятия коммуникативной толерантности наиболее отчетливо и подробно, выделив следующие типы:

- «ситуативная коммуникативная толерантность – терпимое отношение данной личности к данному конкретному человеку;
- типологическая коммуникативная толерантность – терпимое отношение человека к собирательным типам личностей или группам людей;
- профессиональная толерантность – терпимое отношение к собирательным типам людей, с которыми приходится иметь дело по роду деятельности;
- общая коммуникативная толерантность – терпимое отношение к людям в целом, тенденции, обусловленные жизненным опытом, установками, свойствами характера, нравственными принципами, состоянием психического здоровья человека» [Бойко, 1996: 142-147]. З.А. Кочергина трактует толерантность как «сознательное допущение субъектом чего-либо, что им не одобряется; это добровольное воздержание от учинения препятствий осуждаемому «другому» при условии, что у субъекта есть возможность оказать ему сопротивление, есть власть помешать свободному самовыражению «другого»» [Кочергина, 2003: 49].

В психологической науке существует несколько подходов к исследованию коммуникативной толерантности: *экзистенциально-гуманистический, диверсификационный, личностный и диалогический.*

С экзистенциально-гуманистической точки зрения коммуникативная толерантность языковой личности является полноценной, зрелой и осознанной позицией, представляющей собой одну из индивидуальных доминант, отражающей ценности человека. Поэтому коммуникативная толерантность трактуется как свойство языковой личности, которая понимает и принимает множественность бытия, признавая неизбежность различий. Многообразие жизненных ситуаций дает возможность языковой личности строить свое бытие в устойчивом и гибком русле, позволяющем

существовать и взаимодействовать с окружающими людьми и обстоятельствами.

Диверсификационный подход к коммуникативной толерантности заключается в многоаспектности и многокомпонентности самого феномена, имеющий несколько линий проявления и развития. Многообразие видов и форм коммуникативной толерантности рассматривается в данном случае как следствие влияния конкретных ситуаций на аспекты применения принципов толерантности, с одной стороны, и как осуществление личностного измерения толерантности (ценностей, смыслов, личностных установок), с другой.

Понятие *коммуникативная толерантность* в лингвистической науке актуализируется по отношению к разным объектам как следствие рефлексивности личности, выделяя ауто толерантность межличностную и межгрупповую. Современная наука о языке рассматривает такие значения коммуникативной толерантности, как терпение, терпимость, адаптация и приспособление человека в общении, устойчивость, выносливость в конфликте, принятие разных точек зрения, стремление достигнуть взаимопонимания, не ущемляя человеческого достоинства. Психолингвистическая сущность коммуникативной толерантности позволяет исследовать лексический состав языка с точки зрения использования языковой личностью в разных ситуациях общения. Строение речевого потока связано с речевой деятельностью, речевыми актами и реакциями в организации любой ситуации. Языковые нормы, стандарты рассматриваются в реализации речевой деятельности, восприятия и воспроизведения речемыслительных процессов. Коммуникативная толерантность в данном случае имеет значение в совокупности речевых событий и ситуаций в формировании языковой картины мира и мировоззрении языковой личности. В психолингвистической науке коммуникативная толерантность опирается на учение о духовно-коммуникативной сущности человека в аспекте межличностных отношений.

Диалог как наиболее эффективный метод речевой деятельности языковой личности в проявлении коммуникативной толерантности представлен в работах М.М. Бахтина (1979), В.В. Дементьева (2010), Е.В. Жаровской (2008), Е.Н. Лучинской (2012), Л.А. Месеняшиной (2010), Е.А. Покровской, Н.В. Дудкиной, Е.В. Кудиновой (2011) и др., которые считают согласованность, скоординированность речи, внимание к собеседнику, понимание смыслов необходимыми диалогическими факторами конструктивной коммуникации.

Диалогический подход, применяемый к изучению коммуникативной толерантности, позволяет выявить ее основные поведенческие аспекты. Основным условием толерантности личности выступает способность и готовность к диалогу с другими людьми и социальными группами на основании взаимного понимания естественности различий между людьми, уважения таких различий, признания прав и свобод каждого человека, способности к сосуществованию с другими людьми, к вступлению с ними в ненасильственные формы взаимодействия. В этой связи А.А. Егурнова подчеркивает: «Очень важно понимать, что индивиду с низким уровнем коммуникативной толерантности не удастся долгое время находиться в зоне неблагоприятного фактора, не демонстрируя неприязнь; негативная энергетика по отношению к партнеру по коммуникативной ситуации рано или поздно проявится, несмотря на все приложенные усилия тщательно замаскировать или скрыть свой негативный настрой. Это будет заметно, потому что, когда человек намеренно сдерживает себя, старается вести себя корректно, он невольно оказывается в состоянии постоянного напряжения» [Егурнова, 2013: URL: <http://e-koncept.ru/2013/13170.htm>]. Фасилитативный подход рассматривает создание условий к развитию коммуникативной толерантности и ее становлению, при этом отмечается, что компоненты толерантности зачастую представляют собой результат обучения (социопсихологических тренингов и т.п.).

К основным компонентам коммуникативной толерантности Г.В.

Безюлева и Г.М. Шеламова относят эмпатию, гибкость, саморегуляцию и самоконтроль, эмоциональную устойчивость, стрессоустойчивость, способность разрешать конфликты и т.д. [Безюлева, Шеламова, 2003]. Необходимо отметить, что лингвосociологический подход к коммуникативной толерантности как многослойному феномену в науке представляет собой разнообразие понятий когнитивного, эмоционального и поведенческого смысла, которые едины во взаимопонимании коммуникантов и их бесконфликтном речевом взаимодействии. С позиций лингвокультурологического подхода выявляется роль кумулятивной функции языка в процессе отбора языковых и речевых единиц, влияющих на уровень коммуникативной толерантности при фокусировке на специфике национального менталитета и культуры, традициях и обычаях народа, концентрируемых в формулах речевого этикета, в паремиологическом фонде языка.

Характеристики коммуникативной толерантности представлены в исследованиях С.В. Русаковой (2013), А.И. Стернина и К.М. Шилихиной (2000) и др. Социально-психологические аспекты коммуникативной толерантности раскрыты в работах К.И. Федоровой и О.В. Чернышовой (2014), С.А. Зияевой (2016), Н.Ж. Дагбаевой (2012), Т.С. Непшекуевой (2006) и др., которые рассматривают проявление коммуникативной толерантности в сфере взаимодействия речевой коммуникации в условиях социальной ситуации.

Психолингвистические характеристики коммуникативной толерантности рассматривают А. Маслоу (2008), В.В. Бойко (1996), Н.Б. Дрожжина (2016), З.А. Кочергина (2003), Л.И. Анциферова (1981) и др., опираясь на духовно-нравственную сущность коммуникативного поведения языковой личности человека в межкультурном общении.

Следует отметить, что понятие «коммуникативная толерантность» представляет собой многоаспектный феномен в парадигме лингвистической науки и отличается междисциплинарностью. Социолингвистический,

лингвокультурологический и психолингвистический подходы представляют разнообразные формулировки понятия коммуникативной толерантности с точки зрения когнитивного, эмоционального и поведенческого смысла. Социолингвистический подход рассматривает коммуникативную толерантность в сфере взаимодействия речевой коммуникации в условиях социальной ситуации. Лингвокультурологический подход акцентирует внимание преимущественно на речевых и языковых средствах коммуникативной толерантности с учетом особенности культуры, менталитета, традиций и обычаев. Психолингвистический подход к исследованию коммуникативной толерантности заключается в рассмотрении данного феномена в процессе речевоспроизведения, реализации коммуникативного поведения и выявления особенностей языковой личности.

Проведенный анализ существующих на данный момент концепций и теорий коммуникативной толерантности, позволяет нам предложить определение коммуникативной толерантности, которым мы будем руководствоваться в настоящем диссертационном исследовании: *коммуникативная толерантность – это терпимость, понимание и принятие точки зрения собеседника в межличностном конструктивном диалоговом общении, которое основано на достижении взаимопонимания как в формальной, так и в неформальной обстановке, с учетом национально-культурных особенностей коммуникантов, при использовании определенных языковых и речевых средств коммуникации* (определение наше – Л.Д.).

Социолингвистические, лингвокультурологические и психолингвистические факторы коммуникативной толерантности позволяют языковой личности адаптироваться к культурным установкам, получить информацию о толерантных формах коммуникативного поведения и ситуациях межличностного и межкультурного диалога. По Т.В. Марченко, толерантность – это активная позиция коммуниканта, которая свидетельствует о «коммуникативной компетентности языковой личности в плане понимания чужих и реализации собственных сценариев, стратегий и

тактик речевого поведения» [Марченко, 2015: URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19480>].

Коммуникативная толерантность рассматривается наукой о языке как степень коммуникативного взаимодействия языковой личности с партнером по общению, выраженному в речевых и языковых формах. По мнению Е.В. Кривцовой, «коммуникативная толерантность – одна из важнейших и информативных черт человека. Она собирательна, поскольку в ней отражаются факторы его судьбы, воспитания, опыт общения, культура, ценности, потребности, интересы, установки, характер, темперамент, привычки, особенности мышления и, конечно, эмоциональный стереотип поведения. Данная характеристика личности относится к стержневой, поскольку в значительной мере определяет ее жизненный путь и деятельность – положение в ближайшем окружении и на работе, продвижение в карьере и исполнение профессиональных обязанностей. Это систематизирующая характеристика, т.к. с ней согласуются многие другие качества индивида, прежде всего, нравственные, характерологические и интеллектуальные» [Кривцова, 2015: 156].

Дискурс, характеризующийся реализацией в нем коммуникативной толерантности, возможен при учете всей совокупности социокультурных особенностей самих участников коммуникации как представителей конкретной лингвокультуры в экстралингвистической ситуации. Такой дискурс актуализирует индивидуальную неповторимость коммуникантов. Коммуникативная деятельность, по П. Грайсу, основана на Принципе Кооперации: все участники общения способствуют успешной коммуникации, применяя максимы речевого общения: качества (сообщение правдивой информации), количества (подача оптимального объема информации), манеры (логичность и лаконичность изложения), релевантности (актуальности и предметности информации), а имплицитные дополнительные смыслы, реализуемые в процессе общения, описываются термином “имплицитуря дискурса” [Grice, 1975: 47]. Развивая теорию П.

Грайса, Д. Лич дополняет Принцип Кооперации Принципом Вежливости, функционирующим на основании двух правил: минимизация всего, что невежливо, обидно и максимизация вежливости. Д. Лич также вводит максимы такта (минимум усилий партнера при максимуме его выгоды), великодушия (минимум выгоды для себя и максимум твоих усилий), одобрения (максимальное одобрение партнера и минимальное неодобрение), скромности (минимальное неодобрение партнера), согласия (максимизация согласия и минимизация несогласия), симпатии (минимизация антипатии к партнеру) [Там же: 58]. Принципы Кооперации и Вежливости являются основными в процессе толерантного взаимодействия коммуникантов, принадлежащих разным культурам, что особенно важно ввиду трудности разграничения специфических и универсальных характеристик дискурсов участников общения.

Проявление коммуникативной толерантности, а именно ее уровень в ситуациях общения представляет собой особый процесс, который зависит от характеристик языковой личности, ее переживаний, впечатлений, психологической коммуникативной обстановки, эмоциональных стереотипов коммуникативного поведения. По мнению И.В. Львовой и В.П. Михайловой, «Повышение уровня толерантности произойдет в том случае, если мы научимся двум вещам: во-первых, преодолевать или сглаживать негативные впечатления от различий между подструктурами своей личности и личности партнера; во-вторых, устранять обстоятельства, вызывающие или подчеркивающие эти различия. Человек, обладающий высоким уровнем коммуникативной толерантности, достаточно уравновешен, совместим с очень разными людьми. Благодаря этим достоинствам создается психологически комфортная обстановка для совместной деятельности, достижения синергического эффекта. Общаясь с толерантной личностью, вы испытываете комфорт» [Львова, Михайлова, 2008: 38].

Межличностная коммуникация в координатах приемлемых / неприемлемых норм поведения определяет характеристики

коммуникативной толерантности языковой личности: с этих позиций коммуникативную толерантность правомерно расценивать как информативную, т.к. она обнаруживает важные качества личности (особенности воспитания, коммуникативный репертуар, интересы и ценности, менталитет и темперамент, культурные ориентации, саму специфику мышления, стереотипы поведения и пр.). Основным в плане изучения коммуникативной толерантности с позиций лингвистики является выявление и описание коммуникативно-прагматического потенциала языковых и речевых стратегий, которые используются языковой личностью в процессе общения.

Исследованием видов и уровней проявления коммуникативной толерантности занимались многие ученые лингвисты, психологи, социологи. Среди них наиболее известны работы В.В. Бойко (1996), Е.С. Гребенец (2013), М.Б. Чижковой (2013), С.В. Русаковой (2013), И.В. Львовой (2008), Л.Г. Почебут (2012) и др.

В повседневном общении коммуникативная толерантность языковой личности зависит от ее лингвопрагматических характеристик, эмоциональных реакций и взаимодействия с партнером по общению. Е.С. Гребенец рассматривает процесс коммуникации с точки зрения различий и акцента на взаимокорректность в диалоговом взаимодействии. По мнению ученого, «коммуникативная толерантность обусловлена взаимно проявляемой корректностью и диалоговым взаимодействием людей в обыденном, деловом и официальном общении, включая и конфликтные ситуации. Каждый человек своеобразно реагирует на существующие различия между людьми, на проявления отношений между ним и другими. Одни и те же различия одним кажутся неприятными и потому раздражают, осуждаются ими или вовсе не принимаются. Повышение уровня толерантности зависит от умения не акцентировать внимание на этих различиях, т.е. принимать других такими, какие они есть, и, если возможно,

продуктивно устранять обстоятельства, вызывающие или подчеркивающие эти различия» [Гребенец, 2013: 16].

Среди существенных характеристик коммуникативной толерантности С.В. Русакова выделяет активность и убеждения языковой личности, формирующие ее поведенческий ориентир: «толерантность может выступать как поведенческий ориентир, представляющий цель активности личности, действовать как принцип и как норма. Как принцип толерантность переводится в статус руководящей идеи, ориентира, внутреннего убеждения, определяющего деятельность человека. В качестве нормы толерантность усиливает устройство социальных взаимодействий, фиксирует, насколько и как точно выполняются правила, регулирования, установленные человечеством. В качестве идеала толерантность будет выступать в случае самого высокого уровня её проявления» [Русакова, 2013:10].

Е.И. Касьянова и Н.И. Виноградова отмечают, что «толерантность к другим связана с толерантностью к себе, позитивной самооценкой, чувством собственного достоинства, осознанием собственных возможностей, способностей и личностных черт, толерантностью по отношению друг к другу в группе. Толерантное общение характеризуется неагрессивным толерантным поведением, конструктивным способом решения конфликтных ситуаций, отсутствием унижения другого и сохранением собственного достоинства, неагрессивной и безоценочной манерой выражения своих негативных чувств, использованием в речи высказываний, которые делают общение более непосредственным, свободным от обвинений и претензий к другому» [Касьянова, Виноградова, 2014: 31-32].

Повышению уровня проявления коммуникативной толерантности в коммуникативном процессе способствуют эмоциональная устойчивость, диалогичность речевого общения, самоконтроль, эмпатийное слушание и способность к самопрезентации в общении. Как указывает Н.Б. Дрожжина, «высокий уровень сформированности коммуникативной толерантности личности проявляется в таких качествах личности, как эмоциональная

уравновешенность, способность устанавливать диалог с разными людьми, способность создавать и поддерживать психологически комфортную атмосферу для совместной деятельности и достижения общей цели» [Дрожжина, 2016: 92]. Комфортная коммуникация – результат общения с толерантной личностью, в то время как интолерантность или низкий уровень толерантности объясняются, прежде всего, негативной реакцией на различия в личностных характеристиках коммуникантов.

Эмпатийное общение как характеристика коммуникативной толерантности языковой личности и как процесс межличностного взаимодействия со степенью «вчувствования» в проблемы собеседника раскрывается в работах Л.А. Азнабаевой и А.А. Анищенко (2015), А.А. Кузнецовой (2010), А.Л. Лось (2014) и др. Эмоциональная и контактоустанавливающая направленность коммуникативной толерантности в разрешении межличностных конфликтов в диалоговом общении в конструктивном русле с использованием языковой личностью лингвистических средств, гармонизирующих коммуникативный процесс, акцентированы в исследованиях В.Н. Куницыной (2001), О.Н. Тимофеева (2011), К.В. Thomas, Р.Н. Kilmann, (1974) и др.

Языковые и речевые средства проявления эмпатии в процессе иноязычного общения языковой личности изучены А.В. Авериной (2015), Р.Г. Алсынбаевой (2013), Е.Б. Богатовой (2011), Е.И. Брутчиковой (2014), А.А. Войковой (2015), М.Г. Ильиной (2013), О.И. Кашаевой (2016), Т.А. Митрофановой (2009), Н.В. Романовой (2013), Е.А. Скородумовой (2009), Д.А. Скулимовской (2013), С.Г. Шафиковым (2012) и др. Отметим, что коммуникативная толерантность изучается в ее репрезентации на разных уровнях языковой системы (фонетическом, лексико-грамматическом, семантическом и стилистическом), а выбор языковых средств зависит от стилистических структур диалогового дискурса.

Таким образом, коммуникативный процесс зависит от многих факторов, влияющих на ведение коммуникации, выбор коммуникативных

стратегий и приемов в речевом общении, среди которых привычки коммуникантов, их умения, а также различные ритуалы (семейные, бытовые, религиозные и пр.). Алгоритм реализации коммуникативной толерантности языковой личности воплощается в стилях коммуникативного поведения. Отметим, что проявление коммуникативной толерантности отражает устойчивые, типобразующие врожденные или приобретенные черты языковой личности. Характерологическое проявление в коммуникативном поведении языковой личности связано с психолингвистическими особенностями речевого общения, самовыражения языковой личности. Самоадаптация и коммуникативное поведение в процессе общения зависят от индивидуальных свойств языковой личности и ее характера. Различия в характере коммуникантов приводят к осложнениям во внутренней психической деятельности в процессе коммуникативного взаимодействия. Коммуникативная толерантность способствует принятию и сглаживанию этих различий.

1.3. Лингвистический статус коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте

Категория коммуникативной толерантности во многом обнаруживает сходство с прагматической категорией вежливости, однако имеет и отличительные признаки. Одной из самых интересных в плане сопоставительного анализа текста оригинала и перевода представляется маркированность коммуникативной толерантности в ее преодолении границ различных культурных сообществ, что составляет значительную проблему в аспекте адекватности перевода художественного текста. Проблематика изучения коммуникативной толерантности выдвигает на первый план и вопрос о ее формировании в процессе развертывания текста, диалектическом по своему характеру – он может включать как синтонные, так и конфликтогенные маркеры конкретного речевого акта.

Художественный текст является по своей сути совокупностью речевых актов, которые включены в общий сюжет и характеризуются единым эмоциональным фоном. Конкретные коммуникативные стратегии и тактики, применяемые персонажами, маркированы на разных языковых уровнях – от фонетического (фонемы, формируемые на основе открытых и глубоких гласных и создающие гармонический эмоциональный настрой) до синтаксического (обращения, вводные конструкции и пр.) и графического (пунктуационные знаки).

Маркеры коммуникативной толерантности наиболее широко и разнообразно представлены на лексическом языковом уровне: лексемы и лексические сочетания репрезентируют наиболее удачные для осуществления эффективной коммуникации тактики, реализуемые в конкретной речевой ситуации. Языковые средства, маркирующие толерантное / интолерантное общение, обуславливаются конкретной, избранной адресантом коммуникативной стратегией. Кроме того, особую важность приобретает общий план повествования, развертывание диалогической / полилогической речи, а также интенциональность конкретного художественного текста или конкретного коммуникативного акта персонажей. Выбор коммуникативной тактики детерминирует фонетическое, лексическое, грамматическое, синтаксическое оформление высказывания, что оказывает определенное влияние и на проведение аналитических процедур в отношении обнаружения маркеров коммуникативной толерантности в текстах оригинала и перевода. Для осуществления адекватного перевода необходимо выявление авторских интенций и коммуникативных тактик в толерантно / интолерантно маркированных высказываниях героев. В отношении коммуникативной толерантности безусловно следующее утверждение: «базовой социокультурной рамкой дискурсивного осмысления данного понятия послужило типизированно-системное архетипическое противопоставление “свои – чужие”» [Серебрякова, 2015: 5291].

Ключевые характеристики коммуникативного поведения персонажей могут быть непротиворечиво определены на основании присутствия в художественном тексте коммуникативных маркеров. Коммуникативный репертуар языковой личности автора и его героев обуславливается как отдельными коммуникативными тактиками, свойственными конкретной лингвокультуре, так и общей коммуникативной стратегией конкретного речевого акта в тексте, являющейся его целевой интенцией. Коммуникативная толерантность напрямую зависит от восприятия, интерпретации и адекватной реализации речевых интенций средствами языка оригинала и перевода на основе «возможности собственного смыслопорождения, на основе либо уже существующих моделей, либо на основе окказионального построения, к построению смыслового конструкта на основе субъективных модальностей, сам его процесс выталкивает продуцента за пределы вышеописанной рефлексивной реальности к необходимости осознанной или интуитивной рефлексии» [Бредихин, 2013: 374]. Таков путь распространения моделей и стратегий толерантного / интолерантного общения в различных лингвокультурах, которые фиксируются в узусе.

Коммуникативно-прагматический анализ художественных текстов конкретного автора позволяет выявить коммуникативные маркеры, репрезентирующие толерантное / интолерантное общение персонажей, фиксируемое на всех уровнях текста. Особое значение приобретает также выявление и описание индивидуально-авторской специфики вербализации различными языковыми и речевыми средствами коммуникативной толерантности / интолерантности.

Коммуникативная толерантность тесно связана с эмоциональным проявлением языковой личности в ее текстовой и речевой деятельности. В этой связи необходимо отметить эмоциональную устойчивость и ее влияние на проявление коммуникативной толерантности. Главная функция эмоций языковой личности заключается в экспрессивных проявлениях речевой

коммуникации. Коммуникативная толерантность призвана способствовать проявлению оптимального уровня эмоциональной устойчивости в речевом общении на основе эмотивных личностных смыслов, куда относим эмотивные высказывания языковой личности, эмотивные речевые акты, в которых задействованы эмоции языковой личности.

Следует отметить, что эмоциональное поле реализуется в рамках пространства, времени, равновесия или дисгармонии. Для коммуникативной толерантности экспрессивные факторы языковой личности имеют большое значение в плане осуществления эмоционального самоконтроля. В эмоциональной речевой коммуникации препятствия проявлению коммуникативной толерантности языковой личности создают отрицательные эмотивы во всех стилистических проявлениях. Для языковой личности в данном случае важна эмоциональная рефлексия отрицательных эмотивов. Языковое поле, присущее конкретной языковой личности, имеет ограниченные рамки, за пределы которой очень сложно выйти. Рационализация эмоциональных вербалий, умение овладеть стрессовыми языковыми и речевыми ситуациями служат средством коммуникативной толерантности.

Таким образом, языковая личность в процессе коммуникации совершает ряд речевых действий, направленных на успешное или неуспешное взаимодействие, провоцируя ответное речевое поведение. В отношении толерантного / интолерантного общения целесообразно выявление в процессе общения гармонем (лексем и лексических сочетаний, имеющих позитивную семантику), которые позволяют снизить напряжение и в определенной степени нейтрализовать конфликтемы. Правомерно утверждение А.А. Осиповой о том, что «анализ конфликта выявляет стратегии выбора языковых средств конфликтующими сторонами в зависимости от своих интенций, намерений и целей. Так, если участники конфликтной коммуникации стараются сгладить появившееся напряжение, они используют в своей речи гармонемы – слова с позитивной семантикой.

Если же у коммуникантов нет такой установки, напротив, они хотят достичь апогея конфликта, актуализируются конфликтемы» [Осипова, 2011: 80]. Конфликтемы рассматриваются современной конфликтологией как «слова, действия, которые могут привести к конфликту, вызывают возмущение, ярость, злость и другие отрицательные, эмоциональные состояния» [Конфликтология, 2007: 289]. Рассматривая конфликт в диалогической речи, выделим функцию гармонем, языковых маркеров доброжелательности, уважительного отношения к собеседнику. К ним относятся такие способы общения, которые переводят речевое общение в положительное русло: похвала, комплимент, улыбка, слова поддержки и взаимоуважения и т. д. Р.Х. Килмен и К.У. Томас (1974) предложили *основные стратегии поведения в конфликтной ситуации*, указав пять основных стилей поведения: приспособление, компромисс, сотрудничество, игнорирование, соперничество, конкуренция. Исследователи указывают, что стиль поведения в конкретном конфликте обусловлен той мерой, в которой коммуниканты желают удовлетворить собственные интересы, действуя при этом пассивно или активно, а также интересы другой стороны, действуя совместно или индивидуально [Thomas, Kilmann, 1974: URL: https://www.cpp.com/Pdfs/TKI_Intl_Tech_Brief.pdf].

Отметим, что проявление коммуникативной толерантности в процессе конфликтного речевого общения является наиболее приемлемым стилем компромисса, суть которого заключается в урегулировании разногласий при взаимных уступках. Как и стиль сотрудничества, он осуществляется на уровне уступок друг другу, стремлении удовлетворения интересов общающихся сторон. Конфликтность языка дает основание предполагать, что наличие коммуникативной толерантности у языковой личности способствует разрешению межличностных конфликтов или возникающих групповых конфликтов. Конфликтная коммуникация может быть гармонизирована только при условии наличия у коммуникантов эмоциональной компетентности: в этом случае они способны осознавать свои чувства,

определять их причину, управлять эмоциональным состоянием. О.Н. Тимофеев указывает в этой связи: «если эмоциональность во всех проявлениях представляет собой способность испытывать эмоции, то эмоциональный интеллект – способность понимать эти эмоции у себя и других. Испытывать чувства и понимать их – не одно и то же. Хотя эмоция в плане ее валентности и побуждения к действию дана непосредственно, все же вызывающие ее аспекты ситуации могут быть выявлены только с помощью рефлексии. Эмоциональный интеллект заключается фактически в том, чтобы поставить эмоциональность на службу решению тех или иных задач, формулируемых в рамках рациональной системы поведения. Таким образом, следует ожидать, что условиями высокого развития эмоционального интеллекта должны выступить достаточные показатели общего интеллекта на фоне развитой эмоциональной сферы» [Тимофеев, 2011: 320]. В.Н. Куницына отмечает, что проблема идентификации эмоций обуславливается сложностями в их вербализации, т.к. сообщить партнеру по коммуникации о своих чувствах и переживаниях человек часто не в состоянии, либо номинации эмоций в его вербализации неточны [Куницына, 2001].

Таким образом, эмоциональная компетентность является одной из важных способностей языковой личности, которая обеспечивает внутреннее равновесие, асертивность, успешность взаимодействия с собеседником в речевом общении. Умение понимать и управлять эмоциями является основой для процессов языковой реализации личности, ведущих к конструктивной коммуникации: самосознания, саморегуляции, эмпатии и различных социальных навыков, необходимых во всех сферах жизни. Эмоциональная компетентность языковой личности в процессе речевого общения проявляется при условии: 1) самопознания, осознания собственных чувств и выявления сильных слабых сторон в коммуникативном поведении; 2) умения и владения эмоциональным состоянием, поведением, установками; 3) способности к сопереживанию, пониманию собеседника, его эмоций, чувств, коммуникативного поведения; 4) мотивирование коммуникативного

поведения – определения четких направлений, достижения результатов, положительного настроения, смелости в принятии решений в процессе коммуникации; 5) разрешения межличностных конфликтов в конструктивном русле с использованием языковой личностью языковых средств, гармонизирующих коммуникативный процесс.

Условия создания положительного эмоционального фона коммуникативного взаимодействия невозможны без включения эмпатийных способностей языковой личности, что позволяет А.А. Кузнецовой утверждать: «вербальная эмпатия представлена двумя сферами – сопереживания (по поводу негативных событий) и сорадования (по поводу позитивных событий). Первая сфера объединяет такие речевые акты, как понимание, сочувствие, утешение, соболезнование; при этом речевой акт утешения имеет иерархическую структуру, включая в себя иллюкутивные типы успокоения, ободрения, оправдания, типов для реализации отдельных эмпатических высказываний» [Кузнецова, 2010: 82]. Итак, эффективность речевого общения достигается в процессе проявления эмпатии языковой личностью, которая влияет на проявление коммуникативной толерантности в процессе коммуникации. Под эмпатией понимается «... постижение эмоциональных состояний другого человека в форме сопереживания» [Краткий психологический словарь, 1998: URL: <http://Psychology.academic.ru>]. Различают виды эмпатии: «эмоциональная эмпатия, основанная на механизмах проекции и подражания моторным и аффективным реакциям другого человека; когнитивная эмпатия, базирующаяся на интеллектуальных процессах (сравнение, аналогия, и т. п.), и предикативная эмпатия, рассматриваемая как способность человека предсказывать аффективные реакции другого в конкретных ситуациях» [Там же].

В настоящее время существует достаточно большое количество научных исследований эмпатии в парадигме лингвистических и психологических наук. В.В. Бойко (1996) выделяет в структуре эмпатии

несколько каналов: рациональный, эмоциональный, интуитивный [Бойко, 1996]. Для нашего исследования принципиально важной является проникающая способность эмпатии как коммуникативное свойство человека, которое позволяет создать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. Коммуникативная толерантность закономерно включает требование необходимости эмпатии как одного значимых социолингвистических условий коммуникации. Коммуникативная толерантность языковой личности строится в процессе коммуникации через каналы вербального и невербального взаимодействия. Культура диалога, толерантное понимание и принятие другого коммуниканта, осознание собственной индивидуальности – составляющие коммуникативной толерантности. В то же время коммуникативная толерантность носит конвенциональный характер, то есть соответствует принятым в социуме нормам. Но такая нормативная толерантность имеет не только общечеловеческий культурный уровень, но и формальный, нормативный, социально обусловленный. Коммуникативная толерантность с позиции прагматики языка рассматривается как тип речевого поведения, противопоставленный вербальной агрессии и близкий к понятию «терпимость».

В процессе речевого общения возникают толерантные и интолерантные отношения языковой личности, способствующие конструктивному и эффективному общению, или, наоборот, ведущие к конфликту. Толерантные и интолерантные отношения языковой личности возникают с учетом психологических компонентов, которые, как мы считаем, важны: таковы мотивационный, ценностный, когнитивный, эмоционально-волевой, конативный.

Отметим, что языковая личность как социокультурный феномен характеризуется индивидуальным проявлением коммуникативной толерантности, которое не только обуславливается жизненным опытом такой личности, ее нравственными принципами и ценностями, личностными

особенностями, но также и ее коммуникативным репертуаром. В структуре речевого общения коммуникативная толерантность языковой личности определяется как социолингвистическая категория, связанная тесным образом с коммуникативной компетентностью.

Таким образом, преобразования в эмоциональной, интеллектуальной и мотивационной сфере обусловлены внутренней активностью языковой личности. Эмоциональная компетентность, эмпатия, способность к разрешению конфликтов, самоконтроль и самоопределение – важные составляющие коммуникативной толерантности языковой личности, позволяющие вести иноязычную коммуникацию в векторе взаимопонимания, взаимной поддержки и дружеской атмосферы.

Деятельностный подход к рассмотрению онтологии речевого общения в качестве отправной точки имеет саму деятельность, а вербальная коммуникация (обмен речевыми сообщениями) является в структуре этой деятельности отдельным элементом, что создает возможность установить особенности корреляций вербальной коммуникации и собственно деятельности. Очевидно, что деятельностный подход определяет изучение речи не как способа передачи сообщений, но как средства осуществления общения для эффективной совместной деятельности.

С точки зрения социолингвистического подхода языковая личность как социальное явление реализует индивидуальные характеристики в речевой коммуникации, в условиях коммуникативного процесса. Именно в таких социальных условиях национально-культурная специфика языковой личности обусловлена использованием языковых и речевых средств и умением применить их в различных коммуникативных ситуациях.

В успешном коммуникативном процессе этическая составляющая коммуникативной толерантности языковой личности основывается на морально-нравственных принципах взаимодействия, а именно, на вежливости, уважении, признании точки зрения собеседника,

доброжелательном отношении в коммуникативном процессе и направлена на гармоничное взаимодействие.

Важным нам представляется также прагмалингвистический подход к изучению языка, позволяющий рассматривать язык в аспекте деятельности с привлечением контекста речевого общения в различных формах. Коммуникативный акт инициирует употребление языка, а условием такого взаимодействия является наличие, по меньшей мере, двух участников общения, которые действуют попеременно в координатах плана говорящего и плана слушающего, т.к. для участников диалогической коммуникации свойственна постоянная смена ролей говорящего и слушающего. При этом оба коммуниканта являются субъектами коммуникативной деятельности, а высказывания мыслятся средствами воздействия на адресата в целях решения конкретной коммуникативной задачи.

Коммуникативная толерантность языковой личности в структуре коммуникативной компетентности выполняет роль внутренних ресурсов, необходимых для построения конструктивной коммуникации в ситуациях личностного взаимодействия. Особую ценность для прагмалингвистики имеет также выяснение коммуникативной компетентности языковой личности, которая заключается в достижении коммуникативного, интерактивного и перцептивного уровней в процессе общения. Языковая личность обладает разнообразными психологическими качествами, а также средствами, направленными на возможно более полное самовыражение участников общения в коммуникативном акте.

Индивидуальность и самооценку языковой личности определяют коммуникативное поведение с сохранением социокультурных традиций. Коммуникативная компетенция языковой личности важна для гармоничного речевого процесса и достижения коммуникативных целей, обуславливая преодоление «возможных конфликтов между участниками общения и должна рассматриваться как качественная характеристика языковой личности» [Михайлова, 2005].

Сигналы говорящего и сигналы слушающего составляют вербальные сигналы речевой коммуникации. Двойная соотнесенность (с текстом и со слушающим) формируют специфику сигналов говорящего, которым релевантна ответная реакция. Сигналы говорящего разделяют текст на выбор языковых средств продуцентом высказывания, и чем более сложен текст, тем больше количество сигналов такого рода в нем. Соотносясь с реципиентом, сигналы говорящего включают сигналы установления речевого контакта, его поддержания и завершения. Сигналы слушающего – это сигналы, способствующие либо сохранению речевого хода, либо его смене. Сигналы сохранения речевого хода осуществляются с помощью согласия с говорящим, проявления заинтересованности к нему, побуждения к продолжению осуществления речевого хода, а также посредством повтора, переспрашивания. Такие сигналы могут быть изучены как маркеры коммуникативной толерантности. В то же время не всегда сигналы, направленные на смену речевого хода (подхват, перебив, захват инициативы, побуждение к прекращению речевого хода), обнаруживают коммуникативную конфронтацию. Однако можно утверждать, что вербальные сигналы смены коммуникативных ролей непосредственно обуславливаются степенью взаимопонимания коммуникантов.

Сигналы смены коммуникативных ролей представлены двумя группами:

1) непосредственно воспринимаемые, обусловленные признаками коммуникативных ситуаций, включающие ритуализированные сигналы, которые не обладают выраженной семантикой (таковы маркеры начальной и конечной стадий развития диалога, контактоустанавливающие и организующие процесс протекания речевого общения). Именно они, на наш взгляд, являются наиболее показательными для отражения в процессе общения коммуникативной толерантности по своей метакоммуникативной природе.

2) не выражены, имеют «скрытый» характер, обусловлены развитием тематики диалогического общения.

Коммуникативная толерантность диалектически связана с эмотивностью, которая также реализуется в коммуникации на самых разных уровнях. Действительно, эмоции являясь мотивирующей основой сознания, во многом определяют не только уровень коммуникативной компетентности, но и саму специфику ее проявления, выбор продуцентом высказывания тех или иных средств коммуникативной толерантности.

Гуманитарная наука располагает весьма значительным объемом знаний об эмоциональном мире человека. Теперь уже аксиоматична включенность эмоций в структуру сознания и мышления, их тесная связь с когнитивными процессами. Семиотика эмоций человека формируется знаками, свойственными каждой эмоции. Безусловны также корреляции эмоций со знаниями: изменения знаний и мыслей обуславливают и изменения эмоций человека. Эмоции характеризуются временной динамикой: так, каждому возрасту свойственны собственные преобладающие эмоции, и поэтому поколения людей могут быть дифференцированы и с позиций доминантных эмоций, а эпохи в развитии культуры также могут быть охарактеризованы с позиций преобладания той или иной эмоциональной сферы: так, XVIII век – эпоха сентиментальности и сенсуальности, а XX века – период прагматизма и жестокости. Эмоции являются одним из компонентов естественного развития человечества, что способствует универсальности и узнаваемости эмоций во всех культурах мира. Исследователи выделяют так называемые фундаментальные эмоции, набор которых, тем не менее, различен для разных научных школ. Общепризнанной является конституированность эмоций социокультурными параметрами [Diller, 1992: 26], что детерминирует не только специфику эмоций, свойственных конкретной культуре, наряду с универсальными эмоциональными переживаниями. Язык отражает культуру [Язык и культура, 1992; Язык. Сознание. Этнос. Культура, 1994], и эмоции, являясь необходимой ее частью, вербализованы и подвергаются концептуализации в национальном языке. Эмоции характеризуются лабильностью норм в различных временных и культурных рамках,

изменчивы они и в отношении выраженности представителями различных социальных групп, посредством различных средств и способов выражения.

Общеизвестно, что физиологическая экстернизация эмоций (смех, слезы, тремор и т.д.), а также разные способы их вербализации – называние, выражение, описание [Шаховский, 2008а], т.е. эмоции могут быть выражены, по меньшей мере, двумя семиотическими системами (Bodylanguage и Verballanguage), которые находятся в сложном соотношении, пока не изученном до конца. Однако исследователями установлено, что первичная семиотическая система (физиологическое проявление эмоций) превосходит вторичную, вербальную по надежности, скорости, прямоте, степени искренности и качества (силы) выражения и коммуникации эмоций. Кроме того, первичная семиотическая система более адекватна в отношении их декодирования получателем.

Многие аспекты человеческой жизнедеятельности не могут быть вербализованы, т.к. действительность принципиально богаче языка, семантика которого не охватывает весь мир полностью. Иллюстрацией данного факта выступают так называемые «муки слова», которые испытывает каждый при необходимости выражении своих эмоций и общении: всегда степень аппроксимации языка и сиюминутно переживаемых эмоций оказывается весьма далекой от желаемого. Также необходимо учитывать и тот факт, что эмоции не проявляются в чистом виде, а их вербальная идентификация всегда субъективна [Diller, 1992: 26-27]. Разные языковые личности выражают одну и ту же эмоцию по-разному, что обусловлено комплексом факторов, в том числе и неязыковых (например, от фона общения). А. Хеллер прав в том, что эмоции всегда когнитивны и ситуативны [Heller, 1979; Vonheim, 1992: 182], и поэтому выбор языковых средств их выражения также ситуативен.

Эмоции относимы к «довербальным информационным структурам сознания, поскольку формирование сознания происходит в процессе деятельности, мотив которой всегда эмоциональный» [Шаховский, 2006: 65].

Эмоциональность – совокупность качеств личности, определяемая содержанием, качеством и динамикой его эмоций и чувств; «содержательные аспекты эмоциональности отражают явления и ситуации, имеющие особую значимость для субъекта» [Краткий психологический словарь, URL: <http://Psychology.academic.ru>].

Все человеческое существование пронизано эмоциями, которые к тому же обобщаются в национальном опыте конкретного народа, воплощаясь в его языковой картине мира. С позиций лингвистики необходимо говорить об эмотивности как о «свойстве языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы речи – эмотивы» [Шаховский, 2008а: 5].

Лексикон эмоций всех языков характеризуется дихотомией по типу оценочного знака, что дает основания судить об эмотивности как о семантической универсалии. Эмотивная лексика представлена эмотивами с отрицательной оценочной семантикой и эмотивами с положительной оценкой, причем первых во многих языках значительно больше, но в процессе коммуникации они употребляются значительно реже вторых. Значит, системы выражения эмоций в разных лингвокультурах имеют черты сходства: в лексиконе преобладает негативность, которая уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании. Такое положение дел объясняется психологическим стремлением человечества к позитивности. Другая черта сходства определяется относительно однообразным и диффузным выражением положительных эмоций средствами разных языков, в то время как отрицательные эмоции характеризуются многообразием, отчетливостью и конкретностью [Noth, 1992: 83].

В лингвистике длительное время обсуждался вопрос о том, должна ли эмоциональная составляющая быть предметом лингвистических исследований. Эта дискуссия обуславливается, прежде всего, тем, какую функцию тот или иной исследователь считает для языка приоритетной: так,

К. Бюлер [1993], Г. Гийом [1992] выдвигают в качестве доминирующей когнитивную функцию, Ш. Балли, напротив, считает основной функцией языка выражение эмоций [Балли, 1955]. Современный когнитивный подход и «во многом пересекающаяся с ним психолингвистика адресуются к языку как к феномену психики, как к инструменту познания и способу фиксации результатов когнитивных процессов» [Фрумкина, 2004: 4, См. также Фрумкина, 2003], а «интерес направлен, прежде всего, на понимание реальных процессов, происходящих в психике говорящего и слушающего» [Там же: 8]. Исследования в сфере когнитивной лингвистики и психологии показывают, что когнитивные и эмоциональные процессы тесно взаимосвязаны: «При анализе структуры реальных межблоковых связей психологической системы деятельности обнаруживается, что каждый блок находится в теснейшей взаимосвязи с другими блоками, что блоки фактически взаимопроникают друг в друга. <...> Эмоции же пронизывают все подсистемы деятельности. В силу этого они выступают одним из мощных факторов формирования самой психологической функциональной системы деятельности – фактора интеграции системы» [Шадриков, 2002: 57-58]. К.Э. Изард в этой связи отмечает, что «эмоции служат организующим и мотивирующим фактором поведения человека, его личностного развития и отношений с окружающим миром» [Изард, 2000: 5].

Безусловно, изучение вербализации эмоций необходимо: «Человек и его эмоции, с одной стороны, являются частью самой объективной действительности, то есть отражаемыми объектами реальной картины мира, а с другой – участвуют в формировании языковой картины мира: человек как активный отражающий субъект, язык как средство отражения, эмоции человека как одна из форм отражения объективной действительности» [Шаховский, 2012: 7], именно языковые данные позволили обосновать и уточнить «важнейшие положения теории эмоциональности человека и лингвистической теории» [Шаховский, 2008a: 16].

Лингвистика эмоций сейчас представляет собой самостоятельное направление науки о языке [Бабенко,1989; Водяха, 1993, 2011; Графова, 1991; Дониная, 2016; Лукьянова,1986; Пиотровская,1994, 2015; Шаховский, 1983, 2006, 2008, 2008а, 2012 и др.]. Адекватный анализ и семантическая категоризация эмоций базируются на дифференциации понятий на долингвистические и лингвистические. К долингвистическим относят понятия «эмоция», «эмоциональность», «эмоционально окрашенное мышление», «выражение эмоций», входящие в систему терминов психологии; к лингвистическим принадлежат понятия «эмотивность», «эмотивный», «эмотив», «фонд эмотивных лексических средств языка» и др. [Шаховский, 2012: 23-24].

Лингвистика эмоций включает в настоящее время несколько уже сложившихся направлений:

- типология эмотивных знаков, фиксирующих проявления эмоций;
- влияние преобладающего типа эмоциональности конкретной личности и/ или этноса на формирование языковой картины мира, формирование концепции эмоциональной языковой картины мира;
- коммуникация эмоций;
- соотношение лексиконов эмоций различных языков мира;
- национально-культурные особенности выражения эмоций;
- критерии эмотивности языка и его знаков;
- лингвистика и паралингвистика эмоций;
- влияние эмансипации эмоций на языковые процессы;
- эмоциональная окраска текста;
- эмотивное семантическое пространство языка и эмотивное смысловое пространство языковой личности;
- лексикография эмотивности;
- прагматика описания и выражения своих ситуативных, прошлых и чужих эмоций, сокрытие, имитация, симуляция эмоций.

С позиций функционального подхода к языку эмотивность представляет собой функцию языковых единиц, связанную «с выражением либо эмоционального состояния субъекта речи, либо его эмоционального отношения к объективной действительности, к содержанию высказывания адресата, к самому адресату» [Пиотровская, 2015: 322]. Языковые единицы, которые выполняют эмотивную функцию, рассматриваются как эмотивные, а их значение определяется как эмотивное, т.к. они предназначены «для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения адресанта» [Там же]. Эмотивы, по Х. Буссманну, имеют следующую дефиницию: «sprachliche Mittel, die dazu verwendet werden, Emotionen auszudrücken» [Bußmann, 2002: 187].

Мы понимаем под эмотивностью лингвистическую составляющую эмоциональности, это функционально-семантическая категория, реализующаяся в дискурсивной деятельности языковой личности. Эмоциональность, вербализованная посредством эмотивов, трактуется современной лингвистикой не на основе анализа отдельных эмотивных единиц, а посредством выявления эмоционально-смысловых доминант, эмотивных тем, субъективных смыслов, которые представляют собой текстовые элементы.

Достижения в сфере изучения эмотивной структуры текста составляют необходимый компонент анализа текста как такового: например, модель толкования номинаций эмоций, предложенная А. Вежбицкой, основывается на универсальных семантических понятиях: «врожденные и универсальные понятия должны выявляться в описании многих языков мира (генетически и культурно различных)» [Вежбицкая, 2001: 233].

В.И. Шаховский подчеркивает, что эмоции представляют собой компоненты когнитивных структур и связаны с квалификативно-оценивающей деятельностью человека: «Эмоции формируют в некоторых понятиях индуктивно-прагматический сектор, находящий отражение в эмотивной семантике слова, соотносимого с данным понятием» [Шаховский,

2008б: 96]. В соответствии с этим постулатом исследователь определяет три типа эмотивности слова (собственно эмотивность, эмотивность как одна из реализаций семантики слова и контекстуальная эмотивность) и соответствующие им три уровня выражения эмотивности: «1) эмотивное значение; 2) коннотация как компонент, сопряженный с логико-предметным компонентом значения; 3) уровень эмотивного потенциала» [Шаховский, 2012: 131].

На основании систематизации эмотивных единиц языка возможно моделирование лексико-семантического поля эмотивов. Эмотивная лексика, таким образом, системна по своему характеру, а эмотивная функция релевантна языку. Специфика коммуникативной ситуации и психологические особенности участников общения находят отражение в эмотивной семантике текста. Можно сделать вывод о том, что коммуникативная ценность эмотивной семантики слова определяется той смысловой информацией, которую оно несет.

В.И. Шаховский рассматривает эмотивность как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженный в семантике языковых единиц, социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский, 2008б: 24]. Как и другим языковым категориям, эмотивности текста свойственны план содержания и план выражения. Авторские интенции и наличие в тексте эмотива определяют эмотивное содержание текста, а план выражения эмотивности детерминирован набором языковых и текстовых маркеров эмоций. Подчеркнем в этой связи, что субъективная оценочность выражена в структуре плана содержания, категория экспрессивности обуславливается в тексте организацией плана выражения. Единство плана содержания и плана выражения определяют прагматику языковых единиц, их эмоциогенность.

Эмотивность как функционально-семантическая категория реализуется в тексте посредством эмотивного фона, эмотивной тональности, эмотивной окраски. Эмотивное содержание текста обуславливается эмотивным фоном и

эмотивной тональностью, воплощаясь в нем посредством эмотивной окраски. Различные типы текстов характеризуются наличием эмотивности: «Эмотивная специфика текстов может быть определена через соотношение эмотивного фона, эмотивной тональности и эмотивной окраски и регламентируется функционально-стилевыми нормами» [Ионова, 1998: 43]. В пределах одного функционального стиля возможно различать эмотивный текст и эмотивность текста на основании специфики эмотивного фона, эмотивной тональности и эмотивной окраски текстов. Различные элементы эмотивного содержания текста определяют комплекс функций текстовой эмотивности, в рамки которого включены дублирующая, компенсирующая, замещающая, функции, а также функции эмоциональной оценки и эмоционального воздействия на адресата.

Эмотивность текста и эмотивный текст не являются дублирующими друг друга понятиями: «Эмотивным считается такой текст, который отвечает следующим базовым параметрам: передает информацию об эмоциях, а не о фактах; характеризуется эмоциональными коммуникативными целями; содержит в поверхностной структуре языковые и речевые эмотивные знаки, кодирующие эмоции» [Шаховский, 2008б: 44]. Эмотивное содержание, как и эмоциональная информация, организовано посредством эмотивности текста.

Эмотивные языковые средства являются основным источником эмотивности текста; разнообразие способов описания эмотивных ситуаций в тексте может быть непротиворечиво описано в границах от свернутых (слово) до развернутых (словосочетание, предложение, текст) структур. На основании коммуникативного подхода В.А. Маслова выдвигает идею об обусловленности содержанием текста его эмотивности: «содержание текста является потенциально эмоциогенным, потому что всегда найдется реципиент, для которого оно окажется лично значимым. Эмоциогенность содержания текста – это, в конечном счете, эмоциогенность фрагментов мира, отраженных в тексте» [Маслова, 2009: 21].

Л.Г. Бабенко отмечает, что «целостное эмотивное содержание предполагает обязательную интерпретацию мира человеческих эмоций (уровень персонажа) и оценку этого мира с позиции автора с целью воздействия на этот мир, его преобразования» [Бабенко, 2009: 167]. Два уровня эмотивного пространства текста – уровень персонажа и уровень его создателя-автора – транслируют эмотивные смыслы: «Совокупность эмоций в тексте (в образе персонажа) – своеобразное динамическое множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах, в отношениях с другими персонажами» [Бабенко, 2009: 169]. Любой микро- и/или макроконтекст имеет «эмоциональную доминанту», под которой понимается преобладание эмоционального состояния. Конкретные эмоциональный признак персонажа, в зависимости от авторских интенций, становится центральным в различных контекстах. Мы согласны с Л.Г. Бабенко в том, что «конфликтность эмоциональной сферы персонажа, с одной стороны, и наличие эмоциональной доминанты, с другой, не противоречат законам художественного текста и положению дел в мире вообще; напротив, первое отражает общие законы организации художественного текста, а последнее соответствует особенностям психологии человека: психологи давно отмечали в качестве основополагающих черт личности ее эмоциональную направленность, т. е. тяготение каждого человека к той или иной системе переживаний» [Там же: 269].

Понятие эмотивной семантики текста находит воплощение в его эмотивности: «Эмотивная лексика в художественном тексте выполняет несколько функций, основными из которых являются создание эмотивного содержания и эмотивной тональности текста» [Там же: 283]. Функции эмоционально-оценочных лексем в тексте различны, а сама совокупность таких лексем и лексических сочетаний формирует роль того или иного корпуса эмоционально-оценочной лексики в координатах индивидуально-авторского стиля. Авторское мировосприятие выражается на всех текстовых

уровнях, формируясь сквозь призму собственного восприятия автором объекта описания и его оценки. Исследователи также приходят к выводу об обусловленности эмотивной функции языковых единиц «способностью говорящего выбрать конкретную языковую единицу, содержащую эмотивную информацию» [Фаткуллина, Халимова, 2012: 44].

Проблемная сфера изучения эмоциональной составляющей – один из актуальных аспектов исследования специфики внутреннего мира героев в литературоведческой парадигме. Так, М.М. Бахтин, изучая природу корреляций эмоции и ее текстового воплощения, указывает, что «переживание и для самого переживающего существует только в знаковом материале, и вне этого материала переживания как такового просто нет» [Бахтин, 1979: 107]. В художественном тексте эмотивность воплощается вербальными и невербальными средствами, что позволяет Ю.М. Лотману в труде «Семиосфера» обосновать описание структуры художественного текста с применением терминов «внешнее пространство текста» и «внутреннее пространство текста». На этом основании исследователь выделяет проблему «вторжения внешнего пространства (стихии) во внутреннее» [Лотман, 2000: 399]. В исследовательской концепции настоящей диссертации понимаем под «внутренним пространством», в том числе, и сферу человеческих эмоций, которая является центральной в творчестве авторов, развивающих в своем творчестве метод психологизма.

Взаимодействие внешнего и внутреннего в эмоциях человека, синтеза и расподобления «внешнего» и «внутреннего» пространств художественного текста, способов и механизмов манифестирования эмоций в художественном тексте – тот круг проблем современной лингвистики, который требует дальнейшего углубленного изучения. При всем многообразии подходов к изучению эмотивности отметим важную роль психолингвистики в исследовании сферы чувств и эмоций. Так, В. Вундт, один из крупнейших представителей психолингвистики, использует термин «эмоция» в целях рассмотрения психических процессов переживания человеком его

взаимоотношений с окружающей действительностью. Выдвинутая исследователем теория эмоций опирается на трихотомию: удовольствие – неудовольствие (приятное – неприятное); напряжение – расслабление; возбуждение – успокоение. Процесс взаимодействия когнитивной и эмотивной сфер двусторонний: эмоции как внутренние изменения, которые влияют непосредственно на представления, сами подвергаются обратному влиянию чувств. Эмотивность с позиций психологии рассматривается через понятие чувства: выделяют положительные чувства (ликование, блаженство, восторг, радость, торжество, восхищение, наслаждение, растроганность, умиление, удовлетворение и пр.), отрицательные чувства (грусть, отчаяние, скорбь, огорчение, досада, разочарование, обида, неудовлетворение и т.п.), нейтральные чувства (например, задумчивость, рассеянность, спокойствие) [Вундт, 1984: 51].

Одной из основных функций эмоций является ориентационная, т.к. именно эмоции позволяют человеку оценивать феномены окружающей действительности с позиций их желательности или нежелательности, полезности или бесполезности, тем самым, определяя ориентированность личности в мире. Эмоциональные состояния, для которых характерны бóльшая частотность переживания и более осязаемая длительность протекания, фиксируются языком. Поэтому в языке закрепились слова, обозначающие наиболее частые и устойчивые чувства, однако, разумеется, вся эмоциональная палитра не может быть вербализована, а передача сложных по своей структуре переживаний осуществляется посредством развернутых описаний при опоре на возможности конкретной национальной языковой картины мира. Следовательно, приближенный к объективному анализ эмотивности языка и художественного текста может быть осуществлен на основе применения методологии междисциплинарного подхода, интегрирующего принципы когнитивной лингвистики, прагма- и социолингвистики, психолингвистики, стилистики, а также литературоведения и психологии.

Выводы

На изучение художественного текста в современной лингвистике оказывает особое влияние антропоцентрическая научная парадигма, с позиций которой коммуникативно-прагматический анализ художественного текста определяет исследовательский интерес к объему его содержательной информации. Поэтому особую роль приобретает установление основной темы и микротем фрагмента, кратко характеризуются время и место событий текста, круг персонажей. Выявление и описание авторских интенций, определение отношения автора к событиям, которые изображены в тексте, возможно благодаря применению коммуникативно-прагматического подхода.

Для современной филологии характерны две основные стратегии анализа художественного текста – дескриптивная (описательная) и идентифицирующая (типологизирующая). Художественный текст представляет собой продукт сложного семиозиса, который опирается в своей реализации на компоненты естественного языка, а языковые средства в таком тексте кодируют динамику мыслительных процессов.

Текст изучается и как совокупность способов кодирования национальных стереотипов. Интерес к аспектам лингвокультурологии связан с осознанием наличия культурных барьеров даже при условии соблюдения всех языковых норм: такие барьеры могут быть связаны как с различиями в нормах речевого поведения, так и с различными значениями, которые коммуниканты приписывают одним и тем же лексическим единицам. Коммуникативно-прагматический подход позволяет установить параметры коммуникативной толерантности и возможности ее реализации в общении представителей разных социальных групп и этносов.

Одним из определяющих свойств художественного текста является его суггестивность, способность текста к воздействию на адресата. При этом адресат относителен в своей объективности и субъективности в восприятии текста: объективность необходима для изучения текста с лингвистических

позиций, субъективность обеспечивает понимание текста как художественного целого.

Формирование коммуникативной толерантности как коммуникативно-прагматической категории происходит в процессе развертывания текста и включает синтонные и конфликтогенные маркеры конкретного речевого акта. Коммуникативный репертуар языковой личности автора и его героев обуславливается как отдельными коммуникативными тактиками, свойственными конкретной лингвокультуре, так и общей коммуникативной стратегией конкретного речевого акта в тексте, являющейся его целевой интенцией. На основании применения коммуникативно-прагматического анализа в художественных текстах конкретного автора могут быть определены и описаны коммуникативные маркеры, которые репрезентируют толерантное / интолерантное общение персонажей, фиксируемое на всех уровнях текста, а также установление индивидуально-авторской специфики вербализации различными языковыми и речевыми средствами коммуникативной толерантности / интолерантности. Теоретико-методологические основы коммуникативной толерантности в парадигме лингвистической науки рассматриваются с позиции философских, социолингвистических, прагмалингвистических, лингвокультурологических, психолингвистических универсалий.

Социолингвистический подход рассматривает коммуникативную толерантность в условиях гармонизации социальных взаимоотношений, взаимоуважения, терпимости, взаимного доверия и понимания. Социальная природа коммуникативной толерантности языковой личности связана с социальными обстоятельствами, умением принимать жизненные ситуации. Преобразования в обществе влияют на коммуникативные характеристики языковой личности, участвуют в формировании языкового и речевого потенциала коммуникативной толерантности. С психолингвистической точки зрения коммуникативная толерантность рассматривается в ключе коммуникативного поведения языковой личности и ее психических

состояний в процессе коммуникативного взаимодействия. Лингвокультурологический подход к исследованию коммуникативной толерантности связывает речевые и языковые средства с особенностями культуры, менталитета, традиций и обычаев.

Виды и уровни коммуникативной толерантности языковой личности в речевых условиях характеризуются зависимостью от сфер языковой личности, а также от ее коммуникативной компетентности. В парадигме лингвистической науки выделены виды коммуникации: ситуативная, типологическая, профессиональная, общая.

Психолингвистическая сущность коммуникативной толерантности исследует лексический состав языка, проявление данного феномена в речевом поведении. Совокупность речевых событий и ситуаций в языковой картине и мировоззрении языковой личности связывает коммуникативную толерантность с языковыми нормами, стандартами, речевым этикетом в реализации речевого поведения. Этическое основание коммуникативной толерантности является духовно-нравственной сущностью языковой личности.

Уровни проявления коммуникативной толерантности в речевом общении (низкий, средний, высокий) влияют на выбор речевых и языковых средств языковой личностью в диалоговом общении. Высокий уровень проявления коммуникативной толерантности показывают высокую степень коммуникативной компетентности, ведущей к успешной коммуникации и конструктивному взаимодействию. Средний уровень коммуникативной толерантности языковой личности позволяет установить межличностный контакт в процессе коммуникации, отстаивать собственную точку зрения, устраняя конфликтные ситуации. Низкий уровень проявления коммуникативной толерантности языковой личности в коммуникативном процессе не позволяет строить конструктивное общение и избегать конфликтные ситуации, показателем которых является отсутствие

эмпатийности, эмоциональной устойчивости, самопредъявления и самовыражения.

Проявление коммуникативной толерантности в речевом общении зависит от индивидуальных характеристик языковой личности, обусловленных жизненным опытом, свойством характера, нравственными принципами, возрастными и половыми особенностями. Коммуникативная толерантность как социолингвистическая категория обусловлена эмоциональной, интеллектуальной и мотивационной сферой внутренней активности языковой личности. Эмоциональная компетентность, эмпатия, способность к разрешению конфликтов, самоконтроль и самоопределение – важные составляющие коммуникативной толерантности языковой личности.

Учитывая вышеперечисленные характеристики коммуникативной толерантности в парадигме лингвистической науки, мы предприняли попытку формулирования рабочего определения в контексте исследования: *коммуникативная толерантность - это способность языковой личности к терпимости, пониманию и принятию точки зрения коммуниканта в межличностном конструктивном диалоговом общении, которое основано на достижении взаимопонимания, с учетом национально-культурных, традиционных и ситуативных особенностей коммуникативного поведения, при использовании языковых и речевых средств толерантной коммуникации (определение наше – Л. Д.).*

Закономерна диалектическая связь коммуникативной толерантности с эмотивностью, реализуемой в коммуникации на разных уровнях, что вполне объяснимо: эмоции представляют собой мотивирующую основу сознания и, тем самым, определяют как уровень коммуникативной компетентности, так и особенности ее проявления в процессе общения, а также сам выбор продуцентом высказывания тех или иных средств коммуникативной толерантности.

Эмотивность трактуется нами как функционально-семантическая категория, которая реализуется в дискурсивной деятельности языковой

личности, это лингвистический компонент эмоциональности: эмоциональность вербализуется посредством эмотивов. Эмотивность рассматривается с позиций современной лингвистики не на основе анализа отдельных эмотивных единиц, а посредством выявления эмоционально-смысловых доминант, эмотивных тем, субъективных смыслов, которые представляют собой текстовые элементы.

Характер коммуникативной ситуации и психологические особенности ее участников отражены в эмотивной семантике текста. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что коммуникативная ценность эмотивной семантики слова определяется той смысловой информацией, которую оно несет. Основным источником эмотивности текста – эмотивные языковые средства, а само разнообразие способов описания эмотивных ситуаций может быть непротиворечиво исследовано в границах от свернутых (слово) до развернутых (словосочетание, предложение, текст) структур. Особый интерес для современной лингвистики представляет взаимодействие внешнего и внутреннего в эмоциях человека, синтеза и распада «внешнего» и «внутреннего» пространств художественного текста, способов и механизмов репрезентации эмоций в художественном тексте.

Глава 2. Прагматика и функции коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте

2.1. Прагматические маркеры коммуникативной толерантности в тексте романа Т. Манна «Будденброки»

Коммуникативная толерантность как самостоятельная коммуникативно-прагматическая категория обладает специфическими признаками: к ним традиционно относят диалогичность, коммуникативно-ценностный потенциал, реализацию в фонде языка и некоторые другие. В художественном тексте коммуникативная толерантность характеризует синтонные коммуникативные намерения в общении собеседников, и такие намерения реализуются как особым образом маркированные комплексы. Отметим в этой связи, что прагматическими маркерами коммуникативной толерантности в таких комплексах выступают синтонные обращения, коннотативные лексические единицы, усиливающие позитивную семантику грамматические компоненты, а также символы, ассоциированные с положительными эмоциями. Несомненным представляется определенное сходство коммуникативной толерантности и прагматической категории вежливости, однако коммуникативная толерантность имеет и дифференциальные признаки, отличающие ее от собственно вежливости.

Один из признаков, которые позволяют выявить категориальную сущность коммуникативной толерантности, – признак успешности (эффективности) диалогического взаимодействия коммуникантов, коммуникативная толерантность в понимании «лингвистики толерантности» [Михайлова, 2015] представляет собой категорию, которая регулирует «процесс общения и служащая конституирующим *признаком успешного диалога*» [Михайлова, 2004: 21]. Коммуникативная толерантность обнаруживается в таком коммуникативном поведении, когда «субъект признает равноправие сторон в диалоге, отрицает насилие и агрессию как

способ разрешения конфликта и выбирает стратегии и тактики, приводящие к гармонизирующему коммуникативному результату» [См.: Шалина, 2000], при этом лингво- и социокультурные модели толерантности «предписывают говорящему не наносить своей речью и своим поведением ущерба другому, а напротив, всячески его поддерживать и создавать тем самым благоприятный климат общения» [Формановская, 2005: 348].

М.Я. Дымарский изучает коммуникативную толерантность как категорию, определяющую связь между понятием коммуникативной неудачи и принципом толерантности [Дымарский, 2004: 74-83]. Речевое поведение языковой личности может быть охарактеризовано как толерантное в случае, если хотя бы один из коммуникантов осознает затруднения своего собеседника в общении и предпринимает определенные действия для их нивелирования и устранения. Однако можно говорить и о возможном неэффективном диалоге в таком случае. На наш взгляд, правомерно утверждение ряда исследователей о том, что проблематика коммуникативной толерантности находится в плоскости «способов снятия конфликтности» [Голев, 2005: 173], «в ситуации конфликта, или – шире – разногласий» [Михайлова, 2004: 19], и «если конфликт или разногласия между субъектами отсутствуют, т.е. одному из субъектов взаимодействия нет дела до ценностей другого, то следует говорить о безразличии – категория толерантности не является организующей такого взаимодействия» [Там же]. Современная лингвистика уже располагает весьма подробным анализом организующих, контролирующих и координирующих регулятивных действий [Романов, 1988].

Очевидно, в изучении механизмов толерантности обладает обширным эвристическим потенциалом для построения перспективных научных концепций такая социальная среда, в которой коммуникативная толерантность является одной из базисных категорий, организующих общественное и личностное существование. Именно таким социальным пространством стоит считать среду бюргерства, представителем которой

является и сам Т. Манн как сын сенатора из ганзейского города Любека, в конце XIX в. управляемого крупным купечеством.

Невозможно однозначно и исчерпывающе определить бюргерство как как понятие так же, как и те обычаи и нормы, которые свойственны этой гетерогенной социальной группе. В западноевропейской научной парадигме проблеме бюргерства, его роли в истории Европы и Германии, а также социокультурному статусу посвящено большое количество работ. История понятия бюргерства может быть непротиворечиво рассмотрена на основании эволюции значения данной лексемы. Так, М. Ридель в статье «Бюргер, гражданин, бюргерство» («Bürger, Staatsbürger, Bürgertum») из «Лексикона исторических понятий» (1974) дифференцирует значения, которые это понятие приобрело в XVIII в., следующим образом: «1. городской житель; 2. член бюргерского сословия в отличие от духовного сословия и дворянства (или крестьянского сословия); 3. подданный какого-либо государства; 4. человек в его особом качестве „гражданина (Bürger)“» [Riedel, 1974: 681]. Особо следует уточнить второе значение в определении М. Риделя: в соответствии с сословной дифференциацией общества, сложившейся в Средние века, бюргер – привилегированный городской житель с особыми правами, которых лишено остальное городское население: например, у бюргера есть возможность участия в политической жизни города. Именно поэтому сословие бюргеров давало значительное количество экономически и политически влиятельных людей, составлявших среду «бюргерского патрициата».

Безусловно, весьма полезным для нашего исследования считаем и дифференциацию бюргерства на основании критерия наличия образования: примечательно, что образование без изначальной экономической независимости считается вполне достаточным основанием для экономической деятельности, поэтому бюргерство зачастую дифференцируют на «экономически активное» (Wirtschaftsbürgertum) и «образованное» (Bildungsbürgertum). Так называемое «образованное

бюргерство» включает учителей, университетских преподавателей, государственных служащих, а также людей искусства. Отметим в этой связи, что «образованное бюргерство» в немецком культурном ареале, особенно в Пруссии, находится в зависимости от государства [Rüschmeyer, 1987]. Интересно, что «образованное бюргерство» относится к государству двойственно: считая государство необходимым условием собственного благоденствия, оно критически относится и к государству, и к бюргерству, что в конечном счете приводит к идеологизации самого понятия *Бюргерство*. Разумеется, и сам Т. Манн, и основной круг его читателей принадлежат к «образованному бюргерству».

В романе Т. Манна «Будденброки» находим целый ряд микро- и макроконтестов, в которых прагматическая категория коммуникативной толерантности выступает фундаментом интеракции персонажей именно с целью снятия конфликтности вне выяснения каких-либо мировоззренческих позиций личности. Например, при том, что Тильда, племянница Будденброков, взятая в их дом из жалости и желания помочь родственникам в довольно стесненных материальных обстоятельствах, не может быть поставлена вровень с младшим поколением семейства, детьми консула Будденброка, – Томасом, Антонией и Христианом, читатель на всем протяжении повествования видит не только внешнюю терпимость по отношению к Тильде, но и попеременно проявляющуюся покровительственность к ней со стороны всех членов семейства: « –*So ist es recht, Thilda! Bete und arbeite, heißt es. Unsere Tony sollte sich ein Beispiel daran nehmen. Sie neigt nur allzu oft zu Müßiggang und Übermut ...*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«–*Молодец, Тильда! Недаром говорится: трудись и молись! Нашей Тони следовало бы брать с тебя пример, – ее частенько одолевают лень и гордыня...*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном фрагменте похвала, адресованная Тильде, заключается не только в частотно употребляемом «молодец», но и интерпретируется через

выявление наиболее явных качеств маленькой девочки – *трудись и молись*. Отметим в этой связи, что ценности, выдвинутые в данном контексте на первый план, не только являются организующими для этического пространства протестантизма, но и представляют собой фундамент благополучия семейства Будденброков на протяжении жизни нескольких ее поколений. Коммуникативная толерантность реализована в данном контексте и посредством антитезы: *лень* и *гордыня* противопоставляются труду и богобоязненности, при этом необходимо обратить особое внимание на то, что для реализации принципов толерантности принижаются достоинства родной внучки старшего в семействе – Иоганна Будденброка. Интересно, что автор гармонизирует в дальнейшем повествовании такие взаимоотношения: Иоганн Будденброк восстанавливает справедливость в суждениях, не позволяя принижать достоинства Тони: «Tony ließ den Kopf hängen und blickte von unten herauf den Großvater an, denn sie wußte wohl, daß er sie, wie gewöhnlich, verteidigen werde.

– Nein, nein, sagte er.– Kopf hoch, Tony, courage! Eines schickt sich nicht für alle. Jeder nach seiner Art. Thilda ist brav, aber wir sind auch nicht zu verachten. Spreche ich raisonnable, Bethsy?» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Тони опустила головку и снизу вверх поглядела на деда, зная, что он непременно вступится за нее.

–Э, нет! Так не годится, –сказал старик. – Голову выше. Тони, courage!1 Каждому свое. Заметь себе: одинаковых людей не бывает. Тильда хорошая девочка, но и мы не плохи. J'ai raison2, Бетси?» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Обращает на себя внимание и то, что Тони уверена в том, что всегда найдет поддержку у

¹ смелее! (*фр.*)

² не так ли (*фр.*)

членов семьи, и в этом смысле коммуникативная толерантность во многом становится основой не только ее уверенного поведения и во взрослой жизни, но и счастливого избавления от многих несчастий. Иными словами, в приведенной здесь ситуации никому нет дела до истинных способностей ровесниц – Тони и Тильде на этот момент восемь лет. Задача диалога здесь иная: обратить внимание на обеих, показать их достоинства (может быть, пока мнимые), продемонстрировать равенство родной внучки и воспитанницы в выражении по отношению к ним родственных чувств и теплой семейственности.

Коммуникативная толерантность распространяется на весь устоявшийся быт семьи Будденброков, на этикетные модели, которые семейство и его гости реализуют в поведении: «*Man setzte sich gar nicht erst, sondern stand, in Erwartung der Hauptsache, in einem vorläufigen und nachlässigen Gespräch beieinander. Und Johann Buddenbrook, der Ältere, bot auch schon Madame Köppen seinen Arm, indem er mit vernehmlicher Stimme sagte:*

–Na, wenn wir alle Appetit haben, *mesdames et messieurs ...*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«*Никто не спешил садиться, все стояли в ожидании,* лениво ведя предобеденный разговор. Но вот Иоганн Будденброк-старший предложил руку мадам Кёппен и громко провозгласил:

– Ну-с, надо думать, что у всех уже разыгрался аппетит, а посему, *mesdames et messieurs...*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. На наш взгляд, наиболее показательным вербальным маркером толерантности является, конечно, употребление местоимения *всех*, а также обращение к присутствующим по-французски в соответствии с правилами этикета *mesdames et messieurs*. Также показателен в реализации коммуникативной толерантности и текстовый фрагмент: *Никто не спешил садиться, все стояли в ожидании,* в котором

внимательный читатель распознает глубокое уважение приглашенных к хозяевам дома.

Особо нами выделены макроконтексты, в которых маркеры коммуникативной толерантности, свойственные персонажной зоне и реализуемые в диалогах героев, тесно взаимодействуют с авторской зоной повествования, содержащей оценку действий, поступков и эмоций персонажей, например: «– Wann ist das Haus noch gebaut worden? – fragte Herr Hoffstede schräg über den Tisch hinüber den alten Buddenbrook, der sich in jovialem und etwas spöttischem Tone mit Madame Köppen unterhielt.

– Anno ... warte mal ... Um 1680, *wenn ich nicht irre. Mein Sohn weiß übrigens besser mit solchen Daten Bescheid ...*

– Zweiundachtzig, –bestätigte, sich vorbeugend, der Konsul, der weiter unten, ohne eine Tischdame, neben Senator Langhals seinen Platz hatte. –*1682, im Winter, ist es fertig geworden. Mit Ratenkamp & Komp. fing es damals an, aufs glänzendste bergauf zu gehen ... Traurig, dieses Sinken der Firma in den letzten zwanzig Jahren ...*

Ein allgemeiner Stillstand des Gespräches trat ein und dauerte eine halbe Minute. *Man blickte in seinen Teller und gedachte dieser ehemals so glänzenden Familie, die das Haus erbaut und bewohnt hatte und die verarmt, heruntergekommen, davongezogen war...»* [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Когда, собственно, был построен этот дом? – обратился через стол г-н Гофштеде к старому Будденброку, который веселым и слегка насмешливым голосом переговаривался с мадам Кеппен.

– Anno...3 погоди-ка... anno... тысяча шестьсот восьмидесятом, *если не ошибаюсь. Впрочем, мой сын лучше меня это знает...*

– В восемьдесят втором, – подымая глаза от тарелки, уточнил консул, сидевший несколько ниже; он остался без дамы, и его соседом был сенатор

³ в году... (лат.)

Лангхальс. – *Постройку закончили зимой восемьдесят второго года. «Ратенкамп и компания» тогда быстро шли в гору... Тяжело думать об упадке, в котором вот уже двадцать лет находится эта фирма...*

Разговор замолк, и с полминуты за столом царила тишина. *Все уставились в тарелки, думая о семействе, некогда столь славном. Ратенкампы выстроили этот дом и жили в нем, а позднее, обеднев и опустившись, должны были его покинуть...* [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В диалоге отражена информация о прежних хозяевах нынешнего дома Будденброков и о том упадке, в котором внезапно оказались Ратенкампы, уважаемое ранее семейство бюргеров: *Постройку закончили зимой восемьдесят второго года. «Ратенкамп и компания» тогда быстро шли в гору... Тяжело думать об упадке, в котором вот уже двадцать лет находится эта фирма.* Участники застолья, помня о правилах этикета и стараясь не судить никого, тем более без присутствия тех, о ком зашел разговор, хранят молчание (*с полминуты царила тишина, Все уставились в тарелки, думая о семействе, некогда столь славном*), зная, что жизнь непредсказуема, и каждый может оказаться в трудной ситуации (Ратенкампы выстроили этот дом и жили в нем, а позднее, обеднев и опустившись, должны были его покинуть).

Диалог в координатах типовой ситуации общения считается коммуникативно толерантным взаимодействием, если он способствует так называемой «внешней» эффективности и бесконфликтности диалогового общения. В этом случае собеседникам свойственно обоюдное желание избежать конфликтных ситуаций, чтобы не «наносить ущерба другому». Т. Манн в романе «Будденброки» обращается именно к таким диалогам своих героев, когда одной из его целей является демонстрация уважительного отношения младшего поколения к старшему, понимание своего места и твердое наследование устоявшихся норм и правил, например: «Na, mein Sohn Johann! wo gehst du da? – Er blieb stehen und streckte dem Sohne die Hand entgegen, die weiße, ein wenig zu kurze, aber feingegliederte Hand der

Buddenbrooks. Seine rüstige Gestalt, an der nur die gepuderte Perücke und das Spitzen-Jabot weiß aufleuchteten, hob sich matt und unruhig beleuchtet von dem Dunkelrot der Fenstervorhänge ab.

– Noch nicht müde? Ich gehe hier und horche auf den Wind ... verflixtes Wetter! Kapitän Kloht ist von Riga unterwegs ...

– O Vater, mit Gottes Hilfe wird alles gut gehen!

– Kann ich mich darauf verlassen? Zugegeben, daß du mit dem Herrgott auf du und du stehst ...

Dem Konsul ward wohler zumute angesichts dieser guten Laune.

– Ja, um zur Sache zu kommen, – fing er an, – so wollte ich Ihnen nicht nur gute Nacht sagen, Papa, sondern ... aber Sie dürfen nicht böse werden, wie? Ich habe Sie mit diesem Briewe – er ist heute Nachmittag gekommen – bis jetzt nicht ennuyieren wollen ... an diesem heiteren Abend ...» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Ну, сын мой Иоганн, как себя чувствуешь? – Старик остановился и протянул консулу руку, белую, коротковатую и все же изящную руку Будденброков. Его моложавая фигура отделилась от темно-красного фона занавесей, в тусклом и беспокойном свете догорающих свечей блеснули только пудренный парик и кружевное жабо. – Не очень устал? Я вот хожу здесь да слушаю ветер... Дрянная погода! А капитан Клоот уже вышел из Риги...

– С божьей помощью все обойдется, отец!

– А могу ли я положиться на божью помощь! Правда, вы с господом богом приятели...

У консула отлегло от сердца, когда он увидел, что отец в наилучшем расположении духа.

– Я, откровенно говоря, собирался не только пожелать вам доброй ночи, папа... – начал он. – Но уговор, не сердитесь на меня. Вот письмо, оно пришло еще сегодня утром, да я не хотел расстраивать вас в такой радостный день...» [Mann: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Необходимо подчеркнуть, что маркеры коммуникативной толерантности присутствуют здесь не только в диалоге Иоганна-старшего и его сына, консула Иоганна Будденброка-младшего, но и в авторской зоне повествования: *У консула отлегло от сердца, когда он увидел, что отец в наилучшем расположении духа.*

Также таков и следующий диалог отца и сына Будденброков: «—En bien, was stehst du, was sagst du? Du mußt doch irgendetwas sagen!

— *Was soll ich sagen, Vater? — Ich bin ratlos.*

— Es passiert leicht, daß du ratlos bist!— warf Johann Buddenbrook mit böser Betonung hin, obgleich er selbst wußte, daß diese Bemerkung nicht viel Wahres enthielt, und daß sein Sohn und Associé ihm manches Mal im entschlossenen Ergreifen des Vorteils überlegen gewesen war» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«—En bien 4, что ты стоишь и молчишь? Ты в конце концов обязан говорить!

— *Что мне сказать, отец? Я в нерешительности...*

— Ты часто бываешь в нерешительности! — гневно выкрикнул старик, сам зная, что это замечание несправедливо, ибо сын и компаньон не раз превосходил его решительностью действий, направленных к их обоюдной выгоде» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Автор неслучайно демонстрирует здесь не обоюдную толерантность, а проявленную только Иоганном Будденброком-младшим вежливость по отношению к раздраженному отцу: *Что мне сказать, отец? Я в нерешительности.* На наш взгляд, здесь особо важно то, что в действительности сын давно знает, как поступить, но не желает открыто влиять на решение своего отца, в чем также манифестирована коммуникативная толерантность.

⁴ итак (фр.)

Так, маркеры коммуникативной толерантности (выделены в нижеприведенном контексте курсивом), которые вовсе не противоречат искренним взаимоотношениям в семье Будденброков, заметны в следующем высказывании Будденброка-младшего, в котором обозначены лейтмотивы всей семейной хроники, на жанровую модель которой опирается Т. Манн в создании своего романа: « – Vater, ... wir haben hier heute so heiter *beieinander* gegessen, *wir haben* einen schönen Tag gefeiert, *wir waren stolz und glücklich* in dem Bewußtsein, etwas *geleistet zu haben*, etwas erreicht zu haben ... *unsere* Firma, *unsere* Familie auf eine Höhe gebracht zu haben, wo ihr *Anerkennung und Ansehen im reichsten Maße* zuteil wird Aber, Vater, diese böse Feindschaft mit meinem Bruder, deinem ältesten Sohne Es sollte kein heimlicher Riß durch das Gebäude laufen, das wir mit Gottes gnädiger Hilfe errichtet haben Eine Familie muß einig sein, muß zusammenhalten, Vater, sonst klopft das Übel an die Tür ...»[Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Отец, нам сегодня было так хорошо *всем вместе*, это был *наш* праздник, *мы были горды и счастливы* сознанием, что многое сделано *нами*, многое достигнуто. Благодаря нашим общим усилиям *наша* фирма, *наша* семья *получили признание самых* широких кругов, *нас уважают...* Но, отец, эта злобная вражда с братом, с вашим старшим сыном... Нельзя допустить, чтобы невидимая трещина расколола здание, с божьей помощью воздвигнутое нами... В семье все должны стоять друг за друга, отец, иначе беда постучится в двери» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном контексте лексемы и лексические сочетания маркируют чувство общности, взаимопонимание в семье (*наш, нами, нам, всем вместе, общим усилиям получили признание, нас уважают, мы были горды и счастливы*). Таким образом, говоря о маркерах коммуникативной толерантности, необходимо подчеркнуть, что в романе Т. Манна она прагматически поддержана языковыми и текстовыми маркерами разноуровневой принадлежности,

манифестирующими взаимопонимание, искренние взаимоотношения, стремление к единству.

Реализация коммуникативной толерантности на лексическом уровне обычно характеризуется наиболее показательными случаями: синтонная коммуникация осуществляется в данном случае при опоре на номинации предмета в аспекте толерантности / интолерантности высказывания. Коммуникативная толерантность на лексическом уровне реализуется на следующих этапах коммуникации: коммуниканты осуществляют поиск лексем или свободных словосочетаний, которые называют одно явление, предмет, характеристику личности; реципиент воспринимает такие лексемы и лексические сочетания в едином синонимическом ряду; выбор лексемы или лексического сочетания происходит на основании учета микро- и макроконтраста и иллокутивной цели высказывания; лексический элемент употребляется в художественном тексте на всем протяжении повествования или реализуется градация в синонимической парадигме. Все эти этапы процесса могут быть последовательно реализованы в номинации объекта речевого общения.

Так, автор реализует маркеры коммуникативной толерантности в случае передачи несобственно прямой речи своих персонажей при открытой авторской оценке в тексте, которая, в свою очередь, зачастую совпадает с тем, что подразумевают сами персонажи, например: «Ein anderes Mal kamen Vater und Sohn zornig und deprimiert zu Tische. Was passiert sei? *Ach, nichts.* Eine große Lieferung Roggen nach Holland sei ihnen verloren gegangen; Strunck & Hagenström hätten sie ihnen vor der Nase weggeschnappt; ein Fuchs, dieser Hinrich Hagenström» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Как-то раз консул и его отец вернулись домой к обеду злые и расстроенные. Что случилось? *Ах, ничего особенного.* Просто мимо носа прошла поставка большой партии ржи в Голландию – ее перехватили «Штрунк и Хагенштрем». Ну и лиса же, этот Хинрих Хагенштрем!..»[Манн:

URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Выделенное курсивом реализует коммуникативную толерантность по отношению к собственной семье, нежелание переносить в семейную сферу проблемы предпринимательской деятельности бюргеров Будденброков. Однако окружающий макроконтекст свидетельствует об интолерантности к Хегенштрему и его фирме – конкуренту Будденброков (*лиса Хагенштрем*), к тому же маркеры эмоционального настроя самих персонажей подтверждают, что эта внешне проявляемая толерантность дается им очень непросто.

Разумеется, интолерантность также свойственна отношениям персонажей в романе Т. Манна, ведь без конфликтов сложно представить жизнь человека, всегда будет существовать несоответствие взглядов, мировоззренческих позиций, условий воспитания и уровня культуры, наконец. Весьма показателен следующий пример: «Solche Äußerungen hatte Tony oft genug angehört, um gar nicht zum besten gegen Julchen Hagenström gestimmt zu sein. Sie gingen gemeinsam, weil sie einmal Nachbarinnen waren, aber meistens ärgerten sie einander.

– Mein Vater hat tausend Taler! – sagte Julchen und glaubte entsetzlich zu lügen. – Deiner vielleicht?

Tony schwieg vor Neid und Demütigung. Dann sagte sie ganz ruhig und beiläufig:

– Meine Schokolade eben hat furchtbar gut geschmeckt ... Was trinkst du eigentlich zum Frühstück, Julchen?

– Ja, ehe ich es vergesse, – antwortete Julchen, – möchtest du gern einen von meinen Äpfeln haben? – *Ja päh! Ich gebe dir aber keinen!* Und dabei kniff sie ihre Lippen zusammen, und ihre schwarzen Augen wurden feucht vor Vergnügen» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Тони достаточно часто слышала такие разговоры <об удачливости и богатстве Хинриха Хагенштрема>, чтобы не питать к Юльхен Хагенштрем особенно нежных чувств. Они ходили в школу вместе, потому что им было по пути, но при этом всячески старались досадить друг другу.

– У моего папы тысяча талеров, – говорила Юльхен, воображая, что беспардонно лжет. – А у твоего?

Тони *отмалчивалась, изнемогая от зависти и унижения*. А потом замечала *спокойно и как бы мимоходом*:

– Ах, до чего вкусный был сегодня шоколад.... А что ты пьешь за завтраком, Юльхен?

– Да, пока я не забыла, – отвечала Юльхен, – скушай-ка яблочко, у меня много с собой. *Много-то много, а тебе не дам ни одного*, – заключала она, поджимая губы, и ее черные глаза становились влажными от удовольствия»

[Манн: URL:

https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Именно уровень общей культуры и коммуникативная толерантность, являющаяся следствием достойного воспитания, не позволяют Антонии откровенно дерзить своей спутнице, о чем свидетельствует следующее авторское замечание – *отмалчивалась, изнемогая от зависти и унижения*. Она, являясь представительницей более родовитого бюргерского семейства, нежели Хагенштремы, разбогатевшие недавно и во многом случайно, избирает более тонкую тактику (*замечала спокойно и как бы мимоходом*), однако на новоявленных нуворишей эта тонкость, к сожалению, не действует, а оттенков оценки такие, как Юльхен, не ощущают (*Много-то много, а тебе не дам ни одного*).

Авторская зона повествования содержит макроконтекст, позволяющий понять, что отсутствие снобизма с одновременным осознанием ценности собственной личности – вот те определяющие качества, которые стремятся не только воспитать, но и поддержать в своей семье Будденброки, и дети Иоганна Будденброка-младшего – не исключение: «Es war kein Schade, daß Tony auf ihren Gängen durch die Stadt alle Welt kannte und mit aller Welt plauderte; *der Konsul zumal war hiermit einverstanden, weil es keinen Hochmut, sondern Gemeinsinn und Nächstenliebe verriet*. Sie *kletterte*, gemeinsam mit Thomas, in den Speichern an der Trave zwischen den Mengen von Hafer und

Weizen umher, die auf den Böden ausgebreitet waren, sie *schwatzte* mit den Arbeitern und den Schreibern, die dort in den kleinen dunklen Kontoren zu ebener Erde saßen, ja, sie *half* sogar draußen beim Aufwinden der Säcke. Sie kannte die Schlachter, die mit ihren weißen Schürzen und Mulden durch die Breite Straße wanderten; sie *kannte* die Milchfrauen, die mit ihren Blechkannen vom Lande hereinkamen und ließ sich manchmal ein Stück von ihnen kutschieren; sie *kannte* die graubärtigen Meister in den kleinen, hölzernen Goldschmiedebuden, die in die Marktarkaden hineingebaut waren, die Fisch-, Obst- und Gemüsefrauen auf dem Markte, sowie die Dienstmänner, die an den Straßenecken ihren Tabak kauten Gut und schön!» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Тони знала решительно всю округу и решительно со всеми вступала в разговор: *консул, не терпевший гордыни, даже сочувствовал этому, как проявлению простодушия и любви к ближнему. Она толкалась* вместе с Томасом в амбарах на берегу Травы среди лежавших на земле груд пшеницы и ржи, *болтала* с рабочими и писцами, сидевшими в маленьких темных конторах с оконцами на уровне земли, *помогала* грузчикам поднимать мешки с пшеницей. Она знала всех мясников, проходивших по Брейтенштрассе в белых фартуках, с лотками на голове; *подсаживалась* к молочницам, приезжавшим из деревень в повозках, уставленных жестяными жбанам; *заговаривала* с седоволосыми ювелирами, которые сидели в маленьких деревянных будках, приютившихся под сводами рынка; *дружила* со всеми торговками рыбой, фруктами, зеленью, так же как с рассыльными, меланхолично жевавшими табак на перекрестках. Хорошо, пускай!» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном макроконтексте лексемы и лексические сочетания демонстрируют действенность толерантности, которую реализует Тони в своем поведении, – практически все являются глаголами: *толкалась, болтала, помогала, подсаживалась, заговаривала, дружила*. Немаловажное

значение придается и способности Тони заводить знакомства (*знала...*), которая отражает толерантные компетенции этой героини.

Необходимо особо подчеркнуть, что толерантность является одной из важных особенностей общения и осуществления совместной деятельности не только в семье самих Будденброков, но и вне этой семьи, например, в реальном училище, которое посещают Томас и Христиан: «... die vortrefflichen Gelehrten, die unter der freundlichen Herrschaft eines humanen, tabakschnupfenden, alten Direktors in den Gewölben der alten Schule – einer ehemaligen Klosterschule – ihres Amtes walteten, waren harmlose und gutmütige Leute, einig in der Ansicht, daß *Wissenschaft und Heiterkeit einander nicht ausschließen*, und bestrebt, mit Wohlwollen und Behagen zu Werke zu gehen» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«... Ученые мужи, просвещавшие юношество в стенах старой, некогда монастырской, школы, под мягким руководством добродушного, вечно нюхавшего табак старика директора, были люди безобидные и незлобивые, все, как один, полагавшие, что *наука и веселье отнюдь не исключают друг друга*, и старавшиеся внести в свое дело снисходительную благожелательность» [Манн: URL:

https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Прагматическим маркерами коммуникативной толерантности, несомненно, оказывающими особое влияние на восприятие читателем художественного мира романа, являются в данном контексте лексемы и лексические сочетания *мягким руководством, добродушного, безобидные и незлобивые, старавшиеся внести, снисходительную благожелательность*. На наш взгляд, также показательным в этом контексте высказывание, принадлежащее авторской зоне повествования и имплицитно реализующее коммуникативную толерантность не только персонажей по отношению друг к другу, но и автора к своим героям: *наука и веселье отнюдь не исключают друг друга*.

Диалог представляет собой основное поле реализации категории коммуникативной толерантности, при этом необходимо подчеркнуть, что

семантика диалогической реплики может быть интерпретирована без искажений только в соответствии с ее определенным местом в общем процессе общения. Иначе говоря, семантика высказывания речевого акта уточняется самой коммуникативной ситуацией. Именно поэтому анализ диалогической речи в коммуникативно-прагматическом аспекте становится доказательным и непротиворечивым только при учете контекста самой коммуникации и тех функций, которые осуществляются в речевом общении такой коммуникативной ситуации.

Для корректного декодирования такой коммуникативной ситуации, в которой реализуется диалогическая речь, прагматически маркированная в плане коммуникативной толерантности, позволим себе привести протяженный макроконтекст: «– Johann, sagte er, *ohne dem Bruder die Hand zu reichen*, mit hoher, angenehmer Stimme, – wie steht es?

– Heute Nacht ist er heimgegangen! – sagte der Konsul bewegt und *ergriff die Hand des Bruders, die einen Regenschirm hielt*. – Er, der beste Vater!

Gotthold senkte die Brauen so tief, daß seine Lider sich schlossen. Nach einem Schweigen *sagte er nachdrücklich*:

– Es ist nichts geändert worden, bis zum Schlusse, Johann?

Und sofort ließ der Konsul seine Hand fahren, ja, er trat sogar eine Stufe zurück, und während seine runden, tiefliegenden Augen klar wurden, sagte er:

– Nichts.

Gottholds Brauen wanderten wieder unter die Hutkrempe hinauf, und seine Augen richteten sich mit Anstrengung auf den Bruder.

– Und was habe ich von deiner Gerechtigkeit zu gewärtigen? – sagte er mit gesenkter Stimme.

Der Konsul seinerseits senkte nun den Blick; dann aber, *ohne ihn wieder zu erheben*, machte er jene entschiedene Handbewegung von oben nach unten und antwortete leise und fest:

– *Ich habe dir in diesem schweren und ernsten Augenblick meine Hand als Bruder gereicht*; was aber geschäftliche Dinge betrifft, so kann ich dir immer nur

als Chef der ehrwürdigen Firma gegenüberstehen, deren alleiniger Inhaber ich heute geworden bin. *Du kannst nichts von mir gewärtigen, was den Verpflichtungen widerspricht, die mir diese Eigenschaft auferlegt; meine sonstigen Gefühle müssen schweigen»* [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Что слышно, Иоганн? – произнес он высоким и приятным голосом, не подавая руки брату.

– Сегодня ночью он скончался, – взволнованно отвечал консул и схватил руку брата, державшую зонтик. – Наш дорогой отец!

Готхольд насупил брови; они нависли так низко, что веки сами собой закрылись. Помолчав, он *холодно спросил:*

– До последней минуты так ничего и не изменилось, Иоганн?

Консул *тотчас же выпустил его руку, более того – поднялся на одну ступеньку вверх; взгляд его круглых глубоко посаженных глаз вдруг стал ясным,* когда он ответил:

– Ничего!

Брови Готхольда снова взлетели вверх к полям шляпы, а глаза выжидательно уставились на брата.

– Могу ли я рассчитывать на твое чувство справедливости? – спросил он, понизив голос.

Консул *тоже потупился,* но затем, *так и не поднимая глаз,* сделал решительное движение рукой – сверху вниз и ответил тихо, но твердо:

– *В эту тяжкую и трудную минуту я протянул тебе руку как брату.*

Что же касается деловых вопросов, то я могу обсуждать их только как глава всеми уважаемой фирмы, единоличным владельцем которой я являюсь с сегодняшнего дня. *Ты не можешь ждать от меня ничего, что противоречило бы долгу, который налагает на меня это звание. Здесь все другие мои чувства должны умолкнуть»* [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Отметим, что

толерантность проявляет только Иоганн Будденброк по отношению к своему

единокровному брату по отцу. Готхольд явился в дом Будденброков сразу после кончины Иоганна Будденброка-старшего только затем, чтобы узнать, не изменилась ли последняя воля скончавшегося главы семейства по отношению к нему. Консул Будденброк же первоначально ожидает от Готхольда братского отношения и поддержки, однако необходимо подчеркнуть, что даже в такой двойственной ситуации, когда он был изначально против постоянных выплат Готхольду даже после выделения ему доли из отцовского состояния, Иоганн Будденброк вежлив и подчеркнуто корректен: *Ты не можешь ждать от меня ничего, что противоречило бы долгу, который налагает на меня это звание. Здесь все другие мои чувства должны умолкнуть.* Невербальные же маркеры весьма показательны: вначале Иоганн даже совершает попытку подать руку сводному брату (*схватил руку брата, державшую зонтик*), затем же терпимость и вежливость даются ему весьма нелегко (*Консул тотчас же выпустил его руку, более того – поднялся на одну ступеньку вверх; взгляд его круглых глубоко посаженных глаз вдруг стал ясным, тоже потупился, так и не поднимая глаз*), хотя в Готхольде изначально можно было предположить отсутствие какой-либо душевной теплоты (*не подавая руки брату, холодно спросил*).

Коммуникативная толерантность может выступать и препятствием для реализации эффективной коммуникации. Именно таков эпизод, в котором читатель впервые знакомится с будущим зятем Будденброков – господином Грюнлихом: *«Ich störe, ich trete in einen Familienkreis, – sprach er mit weicher Stimme und feiner Zurückhaltung. – Man hat gute Bücher zur Hand genommen, man plaudert ... Ich muß um Verzeihung bitten!*

– Sie sind willkommen, mein werter Herr Grünlich! – sagte der Konsul, der sich, wie seine beiden Söhne, erhoben hatte und dem Gaste die Hand drückte. – Ich freue mich, Sie auch außerhalb des Kontors und im Kreise meiner Familie begrüßen zu können. Herr Grünlich, Bethsy, mein wackerer Geschäftsfreund ...

Meine Tochter Antonie ... Meine Nichte Klothilde ... Sie kennen Thomas bereits ... Das ist mein zweiter Sohn, Christian, ein Gymnasiast.

Herr Grünlich hatte wiederum auf jeden Namen *mit einer Verbeugung* geantwortet.

– *Wie gesagt*, – fuhr er fort, – *ich habe nicht die Absicht, den Eindringling zu spielen* ... Ich komme in Geschäften, und wenn ich den Herrn Konsul ersuchen dürfte, einen Gang mit mir durch den Garten zu tun ...»[Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Я помешал, я вторгся в недра семьи, – произнес он *бархатным голосом*. – *Здесь все заняты чтением интересных книг, беседой... Прошу прощения!*

–Добро пожаловать, уважаемый господин Грюнлих! – отвечал консул. Он поднялся с места, как и оба его сына, и теперь пожимал руку гостю. – Рад случаю приветствовать вас у себя вне стен конторы. Бетси, господин Грюнлих, наш давнишний клиент... Моя дочь Антония... Клотильда, моя племянница... С Томасом вы уже знакомы... а это мой младший сын. Христиан, гимназист...

После каждого имени г-н Грюнлих *отвешивал поклон*.

–*Смею вас уверить*, – продолжал он, –*что я не хотел нарушить ваш покой*. Я пришел по делу, и, если мне позволено будет просить господина консула прогуляться по саду...» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Толерантность и учтивость Грюнлиха граничит с угодливостью и подобострастием, которые, разумеется, диктуют читателю соответствующее отношение к этому персонажу. Выделенные курсивом прагматические маркеры коммуникативной толерантности позволяют утверждать, что Грюнлих реализует принципы вежливости, знаком с этикетными нормами невербального поведения, что, несомненно, усиливает доверие к нему всего семейства Будденброков.

Единицами диалогического единства выступают речевой шаг и речевой ход. Речевой шаг – минимальная единица диалогического единства, включающая одно или несколько высказываний, тесно связанных семантически и принадлежащих одному коммуниканту. Речевой шаг характеризуется применением одной синтаксической модели. По критерию речевой интенции выделяют иницирующие и реагирующие речевые шаги. Речевой ход представляет собой совокупность речевых шагов, он формируется речевыми актами одного коммуниканта от начала диалога до смены коммуникативной роли – передачи роли говорящего слушающему. Приведем макроконтекст, в котором речевые шаги отражают как желание идти навстречу собеседнику, поддерживая разговор (старшие Будденброки по отношению к Грюнлиху), так и реализуют внутреннее отторжение, антипатию к нему (Тони, причем оценка ее невербального поведения в авторской зоне повествования весьма красноречива: *холодный, испытующий взгляд, каким девушки меряют незнакомых молодых людей и который, кажется, вот-вот готов изобразить уничижительное презрение*): «*Rastlose Tätigkeit ist für mich Lebensbedingung, setzte Herr Grünlich halb zum Konsul gewendet hinzu, und er hüstelte aufs neue, als er den Blick bemerkte, den Fräulein Antonie auf ihm ruhen ließ, diesen kalten und musternden Blick, mit dem junge Mädchen fremde junge Herren messen, und dessen Ausdruck jeden Augenblick bereit scheint, in Verachtung überzugehen.*

- Wir haben Verwandte in Hamburg, bemerkte Tony, um etwas zu sagen.
- Die Duchamps, erklärte der Konsul, – die Familie meiner seligen Mutter.
- Oh, ich bin vollkommen orientiert! – beeilte sich Herr Grünlich zu erwidern. – Ich habe die Ehre, ein wenig bei den Herrschaften bekannt zu sein. Es sind ausgezeichnete Menschen insgesamt, Menschen von Herz und Geist, – hä-ä-hm. In der Tat, wenn in allen Familien ein Geist herrschte wie in dieser, so stünde es besser um die Welt. Hier findet man Gottesglaube, Mildherzigkeit, innige Frömmigkeit, kurz die wahre Christlichkeit, die mein Ideal ist; und damit

verbinden diese Herrschaften eine edle Weltläufigkeit, eine Vornehmheit, eine glänzende Eleganz, Frau Konsulin, die mich persönlich nun einmal charmiert!

Tony dachte: Woher kennt er meine Eltern? Er sagt ihnen, was sie hören wollen ...

Der Konsul aber sprach beifällig:

– Diese doppelte Geschmacksrichtung kleidet jeden Mann aufs beste»
[Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Неустанная деятельность – первейшая моя потребность, – добавил г-н Грюнлих, полуобернувшись к консулу, и опять кашлянул, заметив взгляд фрейлейн Антонии – *холодный, испытующий взгляд, каким девушки меряют незнакомых молодых людей и который, кажется, вот-вот готов изобразить уничижительное презрение.*

– У нас есть родные в Гамбурге, – произнесла Тони, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Дюшаны, – пояснил консул, – семейство моей покойной матери.

– О, мне это отлично известно, – поторопился заявить г-н Грюнлих. – Я имел честь быть им представленным. Все члены этой семьи превосходные люди, люди с большим умом и сердцем, хэ-эм! Право, если бы во всех семьях царила такая атмосфера, мир был бы много краше. Тут и вера, и отзывчивость, и подлинное благочестие – короче говоря, мой идеал: истинное христианство. И наряду с этим изящная светскость, благородство манер, подлинный аристократизм. Меня, госпожа консульша, все это просто очаровало!

«Откуда он знает моих родителей? – подумала Тони. – Он говорит именно то, что они хотят услышать...»

Но тут консул заметил:

– Такой идеал, господин Грюнлих, я могу только приветствовать»
[Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Представляется весьма показательным, что Тони верно оценивает неискренность Грюнлиха, в которую превращается его внешняя

воспитанность и вербально реализуемая коммуникативная толерантность (*Он говорит именно то, что они хотят услышать*).

Речевой ход включает два или более шагов, для него характерна принадлежность одному коммуниканту и реализация определенной интенции говорящего. Как и речевые шаги, речевые ходы дифференцируются на иницирующие и реагирующие. В координатах диалогического единства речевой ход репрезентируется репликой, например: «Der Konsulsagte:

– Ich habe, im Gegensatz zu meinem seligen Vater, immer meine Einwände gehabt gegen diese fortwährende Beschäftigung der jungen Köpfe mit dem Griechischen und Lateinischen. Es gibt so viele ernste und wichtige Dinge, die zur Vorbereitung auf das praktische Leben nötig sind

– Sie sprechen meine Meinung aus, Herr Konsul, beeilte sich Herr Grünlich zu antworten, – bevor ich ihr Worte verleihen konnte! Eine schwierige und, wie ich hinzuzufügen vergaß, nicht unanfechtbare Lektüre. Von allem abgesehen, erinnere ich mich einiger direkt anstößiger Stellen in diesen Reden ...» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Консул сказал:

–В противоположность моему покойному отцу, я никогда не одобрял этого систематического вдавливания латыни и греческого в головы молодых людей. Ведь есть так много серьезных, важных предметов, необходимых для подготовки к практической жизни...

–Вы высказываете мое мнение, господин консул, – поторопился вставить г-н Грюнлих, – которое я еще не успел облечь в слова! Это трудное и, по-моему, с точки зрения морали, не слишком полезное чтение. Не говоря уж обо всем прочем, в этих речах, насколько мне помнится, есть места прямо-таки предосудительные» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Отметим здесь, что Иоганн Будденброк, реализуя явно толерантное коммуникативное поведение, не опасается высказать и собственное мнение, руководствуясь верным принципом: чтобы быть интересным для других, надо быть самим собой.

Грюнлих же осуществляет другой принцип: коммуникативная толерантность в координатах этоса его языковой личности маркирована «встраиванием» в аксиологическую систему собеседника, что не может не вызывать антипатии. На наш взгляд, такой ракурс рассмотрения коммуникативной толерантности в пространстве художественного текста очень важен, поскольку данная прагматическая категория далеко не всегда является условием эффективной коммуникации, призванной выявить позиции собеседников по кардинально важным для них вопросам.

Коммуникативный анализ семантической структуры речевого шага позволяет выделить в нем два уровня – прагматический компонент как индикатор иллокутивной силы высказываний в составе речевого шага и его пропозицию. Посредством прагматического компонента, определяющего актуализацию конкретного типа высказывания, в диалогическом единстве реализуется коммуникативная интенция говорящего. По Г.Г. Почепцову, коммуникативная интенция представляет собой свойственную предложению направленность на разрешение конкретной коммуникативной задачи [Почепцов, 2001]. Формирующая речевой ход пропозиция диалоговой реплики отражает когнитивное содержание этого хода. Особую актуальность в современной прагмалингвистике приобретает изучение речевых ходов в диалогическом единстве с позиций выявления их прагматической связности. Прагматическая связность речевых ходов в диалоге возникает на основе связей, которые детерминированы характером речевого акта: так, речевой акт запроса информации обуславливается желанием коммуниканта иметь информацию по интересующему его аспекту. В следующем макроконтексте Грюнлих желает определенности в отношении его предложения Тони стать его женой: «– Fräulein Antonie ... Seit dem ersten Augenblicke, seit jenem Nachmittage ... Sie erinnern sich jenes Nachmittages? ... Als ich Sie zum ersten Male im Kreise der Ihrigen, eine so vornehme, so traumhaft liebliche Erscheinung, erblickte ... Ist Ihr Name mit unauslöschlichen Buchstaben in mein Herz geschrieben ... Er verbesserte sich und sagte: «gegraben».

–Seit jenem Tage, Fräulein Antonie, ist es mein einziger, mein heißer Wunsch, Ihre schöne Hand fürs Leben zu gewinnen, und was der Brief Ihres lieben Herrn Vaters mich nur hoffen ließ, das werden Sie mir nun zur glücklichen Gewissheit machen ... nicht wahr?! Ich darf mit Ihrer Gegenneigung rechnen ... Ihrer Gegenneigung sicher sein! Hierbei ergriff er auch mit der anderen Hand die ihre und blickte ihr tief in die ängstlich geöffneten Augen. *Er trug heute keine Zwirnhandschuhe; seine Hände waren lang, weiß und von hohen, blauen Adern durchzogen*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Мадемуазель Антония... С первого мгновенья, с того самого вечера... Вы помните этот вечер?.. Когда я впервые увидел вас в кругу семьи... ваш облик, такой благородный, такой сказочно прелестный, навек вселился в мое сердце... – Он поправился и сказал: «внедрился».

– С того мгновенья, мадемуазель Антония, моим единственным страстным желаньем стало: завладеть вашей прекрасной рукой. Так претворите же в счастливую уверенность ту надежду, которую подало мне письмо вашего папеньки. Правда? Я ведь могу рассчитывать на взаимность?.. Могу быть уверен в ней? – С этими словами он сжал ее руку и заглянул в ее широко раскрытые глаза. *Сегодня он явился без перчаток; руки у него были белые, с длинными пальцами и вздутыми синеватыми жилами*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном примере прагматическая связность речевых шагов в диалоге с Тони обусловлена собственно коммуникативной задачей, однако вовсе не это обращает на себя особое внимание: последняя фраза фрагмента, выделенная курсивом *Сегодня он явился без перчаток; руки у него были белые, с длинными пальцами и вздутыми синеватыми жилами* эксплицирует отношение самой Тони к Грюнлиху: он ей противен, она видит малейшие недостатки (*с вздутыми синеватыми жилами*) и замечает то, что вызывает у нее отторжение (*белые с длинными пальцами*), в том числе, и недостатки его воспитания (*наносит визит в неподобающем виде: явился без перчаток*).

Речевые ходы в диалогическом единстве могут быть связаны друг с другом общей темой. Вербализация такой общей темы реализуется в диалоге разноуровневыми повторами. Представляется, что автор художественного текста не может ограничиваться простыми лексическими повторами для реализации прагматической связности в диалогическом единстве, поэтому закономерно появление диалогов, в которых собеседники, не только толерантные к мнению друг друга, но и обретшие согласие по какому-либо поводу, реализуют повтор на семантическом уровне, маркеры которого принадлежат одному ассоциативно-семантическому полю (выделены в контексте курсивом): «Als Herr Grünlich sich an diesem Abend verabschiedete, hatte er den Eindruck verstärkt, den sein erster Besuch hervorgebracht. – *Ein vollkommen erzogener Mann*, – sagte die Konsulin. – *Ein christlicher und achtbarer Mensch*, – sagte der Konsul» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Господин Грюнлих откланялся, оставив по себе впечатление, еще более выгодное, чем в свой первый визит.

– Он очень *хорошо воспитан*, – сказала консульша.

– И к тому же весьма *почтенный человек и добрый христианин*, – подтвердил консул» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном примере значима ассоциативно-семантическая связь лексических сочетаний *хорошо воспитан*, *почтенный человек*, *добрый христианин*, что в целом подтверждает приверженность семьи Будденброков традициям немецкого бюргерства и ценностям лютеранской протестанской церкви.

Тем не менее, и лексические повторы в организации диалогических единств, отражающих стремление собеседников к реализации коммуникативной толерантности, представлены в тексте романа Т. Манна также весьма широко и частотно, например (маркеры выделены курсивом):

«– *Iss nur zuvor, mein Kind*, – sagte die Konsulin, und als Tony trotzdem ihr Messer niederlegte und rief: –Nur gleich heraus damit, bitte, Papa! Wiederholte der

Консул, der durchaus nicht aufhörte, mit der Zeitung zu spielen: – Iss nur» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«–*Поешь* сперва, дитя мое, – сказала консульша. Но Тони, вопреки ее совету, положила нож и воскликнула:

– Только, ради бога, не томи меня, папа! Консул, по-прежнему хлопая по столу газетой, повторил за женой:

–*Ешь, ешь!*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Такие повторы могут быть представлены не только контактно (в пределах одного – двух речевых шагов), но и дистантно, когда реципиент художественного текста благодаря контексту реконструирует вслед за автором семантическое пространство соответствующей коммуникативной ситуации, например: «– Ich *weiß gar nichts* von ihm, – brachte Tony *trostlos hervor* und drückte mit der kleinen weißen Batistserviette, in der sich Eiflecke befanden, ihre Augen. – Ich *weiß* nur, daß *ereinengoldgelben* Backenbarthatundeinreges Geschäft Ihre Oberlippe, die beim Weinen zitterte, machte einen unaussprechlich rührenden Eindruck.

Der Konsul rückte mit einer Bewegung plötzlicher Zärtlichkeit seinen Stuhl an sie heran und strich lächelnd über ihr Haar.

– Meine kleine Tony, – sagte er, – *was solltest du auch von ihm wissen?* Du bist ein Kind, siehst du, du *würdest* nicht mehr von ihm *wissen*, wenn er nicht vier Wochen, sondern deren zweiundfünfzig hier verlebt hätte ... Du bist ein kleines Mädchen, das noch keine Augen hat für die Welt, und das sich auf die Augen anderer Leute verlassen muss, die Gutes mit dir im Sinne haben ...» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Да я ровно ничего о нем *не знаю*, – прервала ее вконец расстроенная Тони и прижала к глазам батистовую салфетку с пятнышками от яиц. – Я *знаю* только, что у него золотисто-желтые бакенбарды и «живое дело» ...– Верхняя ее губка, вздрагивавшая от всхлипываний, производила невыразимо трогательное впечатление.

Консул во внезапном порыве нежности пододвинул свой стул поближе к ней и, улыбаясь, стал гладить ее по волосам.

– Дочурка моя, – проговорил он, – *что же тебе и знать о нем?* Ты еще дитя, и проживи он здесь не месяц, а целый год, ты бы *узнала* о нем не больше... Девушка твоих лет не разбирается в жизни и должна полагаться на суждение зрелых людей, которые желают ей добра» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Безусловно, лексемы и лексические сочетания со значением ‘знание’ (выделены курсивом) фокусируют внимание читателя на той пугающей неизвестности, которая удерживает Тони от помолвки, на которой настаивают ее родители.

Одним из важных прагматических компонентов коммуникации, отражающих уровень коммуникативной толерантности, следует считать интонацию собеседников. Диалогическая речь характеризуется тесной взаимосвязью оценки коммуникативной ситуации собеседниками, участвующими в этой коммуникации: адресат, на которого направлена реплика адресанта, определенным образом интерпретирует и оценивает реплики, а также их интонацию. Интересно, что Т. Манн обращается не только к таким диалогам, которые обнаруживают корректное декодирование интонации героями – участниками такой диалогической коммуникации, но и реализует диалогические единства, в которых один из собеседников намеренно не улавливает интонационного богатства другого коммуниканта, например: «Fräulein Buddenbrook war stehengeblieben, da Herr Grünlich zu sprechen begann; aber ihre Augen, die sie halb geschlossen hatte und die plötzlich dunkel wurden, richteten sich nicht höher als auf Herrn Grünlichs Brust, und um ihren Mund lag das spöttische und vollkommen unbarmherzige Lächeln, mit dem ein junges Mädchen einen Mann mißt und verwirft ... Ihre Lippen bewegten sich – was sollte sie antworten? Ha! Es musste ein Wort sein, das diesen Bendix Grünlich ein für allemal zurückschleuderte, vernichtete ... aber es musste ein gewandtes, witziges, schlagendes Wort sein, das ihn zugleich spitzig verwundete und ihm imponierte

– *Das ist nicht gegenseitig!* – sagte sie, immer den Blick auf Herrn Grünlich's Brust geheftet; und nachdem sie diesen fein vergifteten Pfeil abgeschossen, ließ sie ihn stehen, legte den Kopf zurück und ging rot vor Stolz über ihre sarkastische Redegewandtheit nach Hause, woselbst sie erfuhr, dass Herr Grünlich zum nächsten Sonntag auf einen Kalbsbraten gebeten sei ...» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Фрейлейн Будденброк пришлось остановиться, поскольку г-н Грюнлих заговорил с нею; но, полузакрыв внезапно потемневшие глаза, она так и не подняла их выше уровня груди г-на Грюнлиха, и на ее губах появилась та насмешливая и беспощадно жестокая улыбка, которой молодые девушки обычно встречают мужчину, от которого они решили тут же отвернуться. Губы ее шевелились. Что ему ответить? Надо найти слово, которое раз и навсегда оттолкнет, уничтожит этого Бендикса Грюнлиха, внушит ему уважение к ней и в то же самое время больно его ранит.

– *Не могу сказать того же о себе,* – ответила она, так и не отводя взора от груди г-на Грюнлиха.

Выпустив эту коварную и ядовитую стрелу, она отвернувшись, закинула голову и, вся красная от гордого сознания своей находчивости и саркастической язвительности, пошла домой, где ей сообщили, что г-н Грюнлих зван к ним в следующее воскресенье отвесть телячьего жаркого» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Дерзость Тони Будденброк, на которую она осмелилась несмотря на свое прекрасное воспитание, никак не действует на Грюнлиха, потому что он не только напыщен и отличается высочайшей степенью самовлюбленности, но и вообще не способен оценить тонкой иронии, т.к. интеллектуально не развит.

Различное интонационное оформление одного и того же высказывания способно применяться к различным ситуациям речевого общения. Анализ языкового материала, репрезентированного в художественном тексте, разумеется, встречает определенные сложности ввиду того, что реципиент художественного текста воспринимает зафиксированные на письме диалоги,

и интонация живой речи никак не может участвовать в прагматической организации высказываний. Однако продуцент художественного текста, его автор, сопровождает диалогические единства определенными лексическим маркерами, позволяющими распознать определенные интенции собеседников, представить вполне адекватно интонационную оформленность речевых шагов и речевых ходов. И поэтому в случае обращения к художественному тексту можно утверждать, что интонация, которую автор придает высказываниям участников описываемых диалогов, способна транслировать коммуникативную определенность и цель высказывания, отнесение этого высказывания к ситуации, ориентированность в социо- и лингвокультурном контексте, а также раскрывать эмоционально-оценочный подтекст диалогических единств. Иначе говоря, интонация определяет в художественном тексте действенность высказывания. Так, Т. Манн прибегает к вербальным маркерам интонационного оформления высказывания персонажей, например: «– Ich finde ihn albern, – *erlaubte sich Tony zu bemerken und zwar mit Nachdruck.*

<...> – Ja, er macht sich allzu wichtig! – fing Tony wieder an. – Er sprach beständig von sich selbst! Sein Geschäft ist rege, er liebt die Natur, er bevorzugt die und die Namen, er heißt Bendix ... Was geht uns das an, möchte ich wissen ... Er sagt alles nur, um sich herauszustreichen! – *rief sie plötzlich ganz wütend.* – Er sagte dir, Mama, und dir, Papa, nur, was ihr gern hört, um sich bei euch einzuschmeicheln!» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«<...>, по-моему, он кривляка, – *налегая на последнее слово, позволила себе заметить* Тони.<...> – Да, он ужасно кривляется, – снова начала Тони. – И все время говорит о себе! Его «дело живое», он любит природу, он предпочитает какие-то там имена, его зовут Бендикс... Нам-то какое до этого дело, скажите на милость! Что ни слово, то похвальба! –*под конец даже злобно выкрикнула* она. – Он говорил тебе, мама, и тебе, папа, только то, что вы любите слышать, чтобы втереться к вам в доверие!» [Mann: URL:

https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном примере выделены курсивом лексемы и лексические сочетания, позволяющие читателю ясно представить себе интонацию, с которой говорит героиня.

Для передачи интонации и корректного ее декодирования читателем автор прибегает не только к лексическим маркерам, указывающим на тот тон, которым произнесено то или иное высказывание персонажа, но и использует графические средства – многоточия для обозначения пауз, восклицательный и вопросительный знаки, например: «– Na, die Herrschaften entschuldigen, – sagte er <der Lotsenkommandeur Schwarzkopf>. – Ich habe nun noch drüben im Lotsenhouse zu tun...Wir essen um achte, wenn's gefällig ist Oder heut' mal ein bisschen später, Meta, wie? Und du,– hier nannte er wieder den Vornamen, – nun sitz hier nur nicht herum ... Nun geh nur hinaus und gib dich wieder mit deinen Knochen ab ... Mamsell Buddenbrook wird wohl auspacken ... Oder wenn die Herrschaften an den Strand gehen wollen Störe nur nicht!

– Diederich, mein Gott, warum soll er nicht noch sitzen bleiben, sagte Frau Schwarzkopf sanft und vorwurfsvoll.– Und wenn die Herrschaften an den Strand gehen wollen, warum soll er nicht mitgehen? Er hat doch Ferien, Diederich! Und soll er denn gar nichts von unserem Besuche haben?» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Прошу прощения, – сказал он <лоцман Шварцкопф>. – Мне надо еще побывать в лоцманском доме... Ужинаем мы, с вашего позволения, в восемь часов. – Или сегодня позднее, Мета? А ты, – он снова буркнул какое-то имя, – слишком долго не расслаживайся... Пойди да займись своими скелетами... Мадемуазель Будденброк, верно, надобно разобрать вещи... Или, может, наши гости хотят прогуляться к морю? Так ты их не задерживай.

– Помилуй, Дидрих! Да почему же ему и не посидеть здесь? – с ласковым упреком воскликнула г-жа Шварцкопф. – А если молодые люди вздумают прогуляться к морю, так почему ему не пойти с ними? У него ведь каникулы, Дидрих. Неужто же мальчику и гостям-то порадоваться нельзя?..» [Mann: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В

приведенном примере органично сочетаются графические и лексические средства, транслирующие интонационное оформление высказываний персонажей.

Коммуникативно-прагматическая категория коммуникативной толерантности действует в интерактивном пространстве, которое ограничивается бесконфликтностью диалога собеседников. Коммуникативная толерантность принципиально не допускает реализации деструктивных высказываний или противодействующих коммуникативной инициативе говорящего регулятивных действий [Романов, 1988], предполагая при этом прагматическую эффективность для обеих сторон коммуникации. Взаимодействие при осуществлении принципов коммуникативной толерантности ограничивается также комфортным эмоциональным состоянием партнеров по общению, что также может быть признано прагматически эффективным. Например, в следующем макроконтексте примечательно общее стремление собеседников не доставлять дискомфорт друг другу (маркеры выделены курсивом):

«– Tausendmal um Vergebung, sagte sie, indem sie aufstand, dass wir nicht gewartet haben, Mamsell Buddenbrook! Wir sind früh auf, wir einfachen Leute. Da gibt es hunderterlei zu tun ... Schwarzkopf ist in seinem Büro Nicht wahr, Mamsell ist nicht böse?»

Tony ihrerseits entschuldigte sich. – Sie müssen nicht glauben, dass ich immer so lange schlafe. Ich habe ein sehr böses Gewissen. Aber die Bowle von gestern Abend<...> Sie haben mir den Kaffee warm gehalten, Frau Schwarzkopf! Aber einschenken tue ich mir selbst Vielen Dank!» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Вы уж не обессудьте, мадемуазель Будденброк, что мы вас не подождали, – сказала г-жа Шварцкопф. – Мы люди простые, поднимаемся рано. С утра хлопот не оберешься... Шварцкопф в конторе. Ну, да ведь мадемуазель не сердится? Правда?»

Тони в свою очередь извинилась:

–*Ради бога, не думайте, что я всегда так долго сплю. Мне очень совестно, но вчерашний крющон... <...>– О, вы даже позаботились, чтоб мой кофе не остыл, сударыня! Ну, налью-то уж я сама... Большое спасибо!»*
[Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Таким же коммуникативно толерантным следует считать и общение Тони с сыном лощмана Шварцкопфа – Мортеном: «– Ich halte mich an den Scheibenhonig, – sagte Tony, als die beiden allein waren. – Sehen Sie, da weiß man doch, was man verschluckt!

Der junge Schwarzkopf stand auf und legte seine Pfeife auf die Brüstung der Veranda.

– *Aber rauchen Sie doch! Nein, das stört mich ganz und gar nicht. Wenn ich zu Hause zum Frühstück komme, ist immer schon Papas Zigarrenrauch in der Stube....»* [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Итак, я принимаюсь за сотовый мед, – сказала Тони, когда они остались вдвоем, – «тут по крайней мере известно, что вводишь в организм!

Молодой Шварцкопф встал и положил свою трубочку на перила веранды.

– *Курите, пожалуйста! Мне это нисколько не мешает. Дома, когда я сажусь завтракать, комната уже полна дыма от папиной сигары...»* [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Также приведем еще один контекст, в котором значимым считаем такт и высокий уровень культуры Мортена, проявляющийся в каждом его действии, в том числе, и в общении с Тони (маркеры выделены курсивом): «– Soll ich Sie nicht vorstellen, Herr Schwarzkopf? – fragte Tony mit Wichtigkeit.

– Nein, ach nein, sagte Morten eilig, – *ich danke sehr. Ich gehöre doch wohl kaum dazu, wissen Sie. Ich setze mich dahinten auf die Steine ...»* [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– А вы не хотите, чтобы я представила вас, господин Шварцкопф? – с важностью спросила Тони.

– Ох, нет, нет! – поспешно отказался Мортен. – *Очень вам благодарен. Ведь я, знаете, им все равно чужой человек. Я пойду и посижу на камнях»* [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Итак, проанализированный языковой материал позволяет утверждать, что коммуникативная толерантность может быть многообразно реализована в тех случаях, когда коммуниканты испытывают друг к другу симпатию или, по крайней мере, не антипатичны друг другу. В случае же явного нежелания продолжения общения, несогласия по каким-либо важным мировоззренческим проблемам и т.п. толерантная коммуникация весьма сложно реализуется при помощи устойчивых этикетных формул и обращений. Необходимо особо подчеркнуть, что ориентированность участников общения на принципы коммуникативной толерантности и на соответствующее речевое поведение, способствуя, в конечном счете, бесконфликтному диалогу, не позволяет собеседнику в полной мере реализовать коммуникативное намерение, выразить собственную, вполне возможно, отрицательную оценку происходящего либо самого высказывания, которое к нему обращено. Следовательно, коммуникативная толерантность способна нанести ощутимый вред в плане самой возможности адекватной оценки искренности того или иного коммуниканта.

2.2. Реализация эмотивности в художественном тексте: языковые и речевые средства

Научная парадигма современной лингвистики постоянно расширяет предмет изучения под влиянием тенденции к укрупнению единиц исследования, в том числе, за счет учета экстралингвистических факторов, влияющих на реализацию коммуникативной функции языка. В этой связи обращение лингвистов к аспектам реализации функционально-семантической категории эмотивности характеризуется особой актуальностью в сфере прагмалингвистики и лингвистики текста [См.:

Ионова, 1998]. Категория эмотивности поливариативна в своей реализации, что наиболее репрезентативно в тексте, для которого характерна интеграция различных категориальных явлений: «Категория текстовой эмотивности является двусторонней, в связи с тем что она имеет план содержания, который распространяется по всем уровням текста, и план выражения, который представлен набором эмоциональных лексем, посредством которых манифестируются эмоциональные состояния и отношения говорящего» [Разоренова, Шляхова, 2015: 83].

Исследование эмотивности в сфере лингвистики текста диктует необходимость выявления и адекватного описания способов, механизмов и средств ее репрезентации в языке и тексте. Так, Л.Г. Бабенко различает два способа обнаружения эмоции в языке: «эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска» [Бабенко, 1989: 11], которые реализованы как эмоциональная оценка и являются результатом проекции эмоционального состояния языковой личности (говорящего) в речи и «языковые знаки» [Там же], т.е. объективно существующую реальность.

Как мы указывали в п. 1.3, экспликация эмотивности осуществляется посредством эмотивов с положительной и отрицательной оценкой, при этом эмотивная лексика представляет собой совокупность языковых единиц, называющих конкретную эмоцию, которую переживает человек [Шаховский, 2004]. Подход, предложенный В.И. Шаховским, позволяет дифференцировать собственно эмотивы и потенциальные эмотивы: к первым относят эмотивы-номинативы (называют эмоцию прямо путем акцентируя эмосемы в значении лексемы) и эмотивы-ассоциативы (вызывают положительные и /или отрицательные ассоциации в отношении возникновения и протекания эмоциональной реакции (зоонимы, колоронимы и ассоциативы-рефлексивы)). Под потенциальными эмотивами понимают такие лексические единицы, эмоциональный компонент которых «зависит от валентностной характеристики и семантики текста» [Маслова, 2009: 21]. В.И. Шаховский определяет потенциальные эмотивы как контекстуальные

эмотивы – «нейтральные языковые единицы, к семантике которых окказионально приращиваются эмотивные семы» [Шаховский, 2004: 41]. Это закономерно, т.к. определенные контексты способствуют приданию эмотивного значения лексемам и лексическим сочетаниям.

Следует также принимать во внимание, помимо эмотивной лексики, языковые и речевые средства выражения субъективной модальности и оценочности, способствующие реализации функционально-семантической категории эмотивности в тексте, в том числе и художественном. Немаловажное значение имеют интонационные средства, которые на письме передаются средствами графическими – прежде всего, пунктуационными знаками, а также абзацным членением, логично связанным с синтаксической структурой текста.

В романе Т. Манна «Будденброки» представлены разнообразные контексты, позволяющие судить о богатстве эмоциональных проявлений как персонажей, так и самого автора. С целью структурирования представления языкового материала, полученного методом сплошной выборки, мы воспользуемся возможностью условного разделения текстового пространства романа на персонажную и авторскую зоны повествования, в которых репрезентирована эмотивность как одна из ведущих функционально-семантических категорий художественного текста.

Т. Манн обращается к эмотивам с положительной оценкой в речи своих персонажей с целью характеристики их эмоционального мира, выстраивания их характеров и демонстрации их взаимоотношений с другими героями, например: «– Sie sind sehr *gut*, Papa, – sagte die Konsulin <Elisabeth Buddenbrook>. – Tony wird sich bemühen, eine *kluge und tüchtige* Frau zu werden...» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Вы очень *добры* к ней, папа, – сказала консульша <Элизабет Будденброк>. – Ну, Тони постарается стать *умной и трудолюбивой*...» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Обращает

на себя внимание как этикетная формула в речи супруги Иоганна Будденброка-младшего *Вы очень добры*, так и искренность, которая характеризует эту формулу: действительно, Иоганн-старший души не чает в своей внучке Тони и не только добр к ней, но и всячески поощряет девочку и балует ее. Во второй части примера представлены также эмотивы с положительной оценкой умной и трудолюбивой – это именно те идеалы, на которые бюргерство опирается в выстраивании своей жизни и роли в обществе.

Также эмотивы с положительной оценкой представлены и в следующем контексте: «Mit ländlich watschelnden Schritten ging Trina zu öffnen, und der Pastor, in der Absicht, ein leutseliges Wort an sie zu richten und sie ein wenig zu prüfen, fragte freundlich: «– Liebscht den Herrn?» ... Vielleicht war er willens, ihr etwas zu schenken, wenn sie sich treu zu ihrem Heiland bekannte. «– Je, Herr Paster» ... sagte Trina zögernd, errötend und mit großen Augen. «*Wekken meenen's denn? den Ollen oder den Jungen?*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Трина, так и не отучившаяся от деревенской походки «уточкой», пошла открывать, а пастор, желая показать ей свою благосклонность и заодно добродушно попытаться ее насчет веры, спросил:

– Чтишь ты отца, сына и...

– Что ж, у нас старый барин *тихий*, а молодой – так *уж лучше и не сыщешь*, – стыдливо зардевшись, ответила Трина» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В речи героини курсивом выделены эмотивы, которые свидетельствуют о глубоком почтении Трины к ее господам – Будденброкам, которые, действительно, с уважением относятся к домашним слугам и работникам. Эти эмотивы, на наш взгляд, весьма показательно характеризуют взаимоотношения бюргерства и других слоев общества города Любека, построенные на основе взаимной выгоды и толерантности, в том числе, и эксплицируемой коммуникативно, в общении представителей бюргерских семей.

Эмотивы с положительной оценкой присутствуют в речи персонажей в том случае, если герои искренне позитивно относятся к чему-либо в их жизни. И, разумеется, одной из наиболее важных, фундаментальных черт практически всех Будденброков (пожалуй, за исключением Христиана) следует считать почтительное отношение к прошлому уважаемой семьи. Так, Иоганн Будденброк-младший с проникновенными чувствами относится к представителям старшего поколения и опирается в своей деятельности на тот этический «фундамент», который был возведен его отцом, дедом и прадедом (*должен быть всей душой благодарен отцу, деду и прадеду за то, что они проложили мне путь*): «—Ja, damit habe ich wohl etwas Eindruck gemacht, und der gute Wille ist jedenfalls vorhanden. *Ich kann nur dankbar sein, wissen Sie, daß mein Vater, Großvater und Urgroßvater mir die Wege geebnet haben, und daß viel von dem Vertrauen und dem Ansehen, das sie sich in der Stadt erworben haben, ohne weiteres auf mich übertragen wird, denn sonst könnte ich mich gar nicht so regen ... Was hat zum Beispiel nach 48 und zu Anfang dieses Jahrzehnts mein Vater nicht alles für die Reformation unseres Postwesens getan*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«— Да, тогда мне действительно удалось произвести некоторое впечатление или хотя бы доказать наличие доброй воли с моей стороны. Я *должен быть всей душой благодарен отцу, деду и прадеду за то, что они проложили мне путь*: большая доля доверия и уважения, которое они снискали в городе, теперь механически переносится на меня, иначе разве бы мне удалось развить такую энергичную деятельность?.. *Чего только не сделал мой отец после сорок восьмого года и в начале этого десятилетия для преобразования нашего почтового ведомства*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Кроме того, в приведенном контексте значимы лексемы, номинирующие не только эмоции, но и этические категории, основу которых такие чувства составляют, - *доверие* и *уважение*. Однако только эмотивов с положительной оценкой в речи настоящего бюргера-гражданина недостаточно, именно поэтому

обращение к таким значимым для него эмоциям Иоганн дополняет указанием на реальную преобразовательную деятельность своего отца (*Чего только не сделал мой отец после сорок восьмого года и в начале этого десятилетия для преобразования нашего почтового ведомства*).

Как мы отмечали в п. 1.3 настоящего исследования, эмотивы с отрицательной оценкой наиболее многочисленны в лексиконе любого языка, подтверждение чему находим и в тексте романа Т. Манна «Будденброки». Отметим в этой связи, что само употребление эмотивов с отрицательной оценкой вовсе не свидетельствует о негативном отношении представителей семьи Будденброков к окружающим: напротив, такие эмотивы обнаруживают основную черту лучших представителей этого семейства – искренность, которая часто несовместима с коммуникативной толерантностью, но зато манифестирует истинное положение дел. К тому же Будденброки в большинстве своем – люди, уверенные в себе, что, конечно, подкреплено и стабильным материальным благополучием семьи, и эта уверенность в верности своих оценок позволяет им называть вещи своими именами, не подстраиваясь под мнение других участников коммуникации, например: «– Ich weiß nicht, – sagte Tom mit einer Betonung, die übertrieben gleichgültig war, um nicht ungeduldig zu sein. – Ich kümmere mich jetzt nicht darum» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Не знаю, – отвечал Том, преувеличенно равнодушно, чтобы скрыть свое раздражение. – В настоящее время меня это не интересует» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном контексте обращает на себя внимание авторское замечание (выделено курсивом), благодаря которому становится ясно, что воспитание, полученное Томасом Будденброком, не позволяет ему перейти вполне конкретную границу вежливости, но в то же время герой сохраняет невозмутимость и способен скрыть раздражение за маской равнодушия (*отвечал Том, преувеличенно равнодушно, чтобы скрыть свое раздражение*).

Эмотив *раздражение*, имеющий отрицательную оценку, достаточно часто встречается в характеристиках именно Томаса, что, на наш взгляд, свидетельствует о внутриличностном конфликте, свойственном этому персонажу: «– Warum sagst du eigentlich fortwährend «Du lieber Gott»? – *fragte Thomas gereizt. Aber das war es nicht, was ihn ärgerte. Sondern er fühlte, daß Christian diese Geschichte nur deshalb mit soviel Freude erzählte, weil sie ihm eine Gelegenheit bot, mit Spott und Verachtung von der Arbeit zu sprechen*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Почему, собственно, ты все время приговариваешь «боже милостивый»? – с *раздражением спросил* однажды Томас. *Но на самом деле раздражала его не любимая приговорка брата, а то, что Христиан рассказывал эту историю лишь для того, чтобы презрительно и насмешиливо отозваться о работе вообще*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Внутриличностный конфликт, причину которого автор-повествователь открыто обозначает в повествовании (выделено курсивом), дополняя речь персонажа, на самом деле имеет еще более глубинные причины – принципы вежливости и, шире, коммуникативной толерантности, не позволяют Томасу открыто высказать брату, чем он раздражен, при том, что Христиан посягает на святая святых бюргерской идеологии – потребность в созидательном труде, который должен приносить и моральное удовлетворение, и материальную выгоду.

Отец Томаса, Иоганн Будденброк-младший, также склонен держаться принципов вежливости и коммуникативной толерантности, поэтому даже в случаях, когда эмотивы с отрицательной оценкой присутствуют в его речи, многое остается имплицитным: читатель может лишь догадываться, исходя из косвенных указаний автора, о мыслях и чувствах персонажа: «–Herr, *ich verachte Ihre Worte, – brachte er mit geringer Sicherheit hervor. –Ich verachte Ihre wahnsinnigen Verleumdungen um so mehr, als sie auch mich treffen ... mich, der ich meine Tochter nicht leichtfertigerweise ins Unglück gebracht habe. Ich habe sichere Erkundigungen über meinen Schwiegersohn eingezogen ... das übrige*

war Gottes Wille!» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«—Сударь! *Я презираю ваши слова, —не совсем уверенно проговорил он. —Я презираю вашу злобную клевету*, тем более что она задевает и меня, который *отнюдь не по легкомыслию вверг свою дочь в несчастье*. Сведения о моем зяте я получил из достоверных источников... На остальное была воля божия!» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Обращает на себя внимание, что он не говорит *Я презираю Вас*: напротив, он говорит *Я презираю ваши слова, Я презираю вашу злобную клевету*, реагируя не на человека, а на ситуацию. Отметим также, что авторская оценка эмоционального состояния героя красноречиво свидетельствует о такте и высоком уровне культуры Иоганна Будденброка (*не совсем уверенно проговорил он*), а некоторая неуверенность, герой отвечает Кессельмейеру, имеет своей причиной, скорее всего, общую подавленность и низкий уровень культуры собеседника, с которым консул сталкивается абсолютно неожиданно. Важно и то, что консул Будденброк считает себя виноватым в несчастливом браке дочери, о чем говорит совершенно открыто, признавая и то, что желал ей только счастья и вовсе не легкомысленно подошел к вопросу выбора ей супруга: *отнюдь не по легкомыслию вверг свою дочь в несчастье*.

Тони, характеризуя своего второго мужа, господина Перманедера, также употребляет в своей речи характеристики, включающие эмотивы с отрицательной оценкой, например: «— Nun, das Schlimme ist, daß Erika ein wenig zur Melancholie neigt, Tom, sie muß es von mir haben. Sie ist hier und da ernst und schweigsam und gedankenvoll, und dann *schilt* er sie *und braust auf, in Worten, die, ehrlich gesagt, nicht immer ganz zartfühlend sind*. Man merkt es eben allzu häufig, daß er eigentlich *kein Mann von Familie* ist und *das, was man eine vornehme Erziehung nennt, leider nicht genossen hat*. Ja, ich gestehe dir offen: noch ein paar Tage vor meiner Abreise nach Pöppenrade ist es vorgekommen, daß er den Deckel der Suppenterrine am Boden zerschlagen hat, weil die Suppe

versalzen war ...»[Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Беда в том, что Эрика скорее склонна к меланхолии. У нее это, верно, от меня. Случается, что она настроена молчаливо и задумчиво. Тогда он *возмущается* и, надо сказать, *прибегает к выражениям не очень-то деликатным–попросту ругается*. К сожалению, слишком часто замечаешь, что это человек *не из хорошей семьи и не получивший добропорядочного воспитания*. Ну вот, например, такой случай: дня за два до моего отъезда в Пеппенраде он хватил об пол крышкой от супницы из-за того, что суп был пересолен...»

[Mann: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном контексте курсивом выделены лексемы и лексические сочетания, эксплицирующие отрицательную эмотивность, которая характеризует отношения Антонии и ее супруга (*возмущается, прибегает к выражениям не очень-то деликатным, ругается*), контекст также включает эмотивы-лексические сочетания, которые приобретают отрицательную оценку посредством употребления с ними частицы *не*: это весьма показательный случай потому, что Тони таким образом противопоставляет свой круг, свое воспитание, свою семью (ведь она – урожденная Будденброк!) чужому ценностному пространству (*не из хорошей семьи, не получивший добропорядочного воспитания*).

Негативные эмоции, репрезентированные вербально в персонажной и авторской зонах повествования, обнаруживаются и в следующем контексте: «– Sie können *wohl einmal* mit einem von uns zur Erholung ein bißchen an der See spazieren gehen, aber wenn Sie wieder in Ihren Kreis der Bevorzugten und Auserwählten treten, dann kann man auf den Steinen sitzen Seine Stimme war ganz fremdartig erregt geworden.

– Morten, – *sagte Tony traurig*. – Nun haben Sie sich doch *geärgert*, wenn Sie auf den Steinen saßen! Ich habe Sie doch gebeten, sich vorstellen zu

lassen ...» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Вы можете, конечно, *забавы ради* прогуляться с одним из нас на взморье, но вы все равно вернетесь в свой круг избранных и привилегированных, и тогда наш брат... «сиди на камнях». – Его голос звучал до странности взволнованно.

– Вот видите, Мортен, – *печально сказала Тони*. – Значит, *вы все-таки злились*, когда сидели там, на камнях! Я же хотела вас представить...» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В речи Мортена заметна обида, хотя автор и сопровождает его высказывание замечанием *Его голос звучал до странности взволнованно*. В речи Тони также присутствует эмотив с отрицательной оценкой (*вы все-таки злились*), значение которого усилено и ее эмоциональной реакцией на реплику Мортена (*печально сказала*). Обращает на себя особое внимание также и то, что Тони ввиду своего правильного воспитания в духе старинного немецкого бюргерства абсолютно лишена снобизма и заносчивости, столь характерных для недавно разбогатевших семейств, не являющихся бюргерскими династиями, и она говорит Мортену: «*Я же хотела вас представить*».

Интересно, что эмотивы с отрицательной оценкой, употребленные в речи персонажей, в романе Т. Манна гораздо чаще сопровождаются авторской речью, нежели эмотивы с оценкой положительной. Приведем в этой связи еще один пример: «– *Es passiert leicht, daß du ratlos bist! – warf Johann Buddenbrook mit böser Betonung hin, obgleich er selbst wußte, daß diese Bemerkung nicht viel Wahres enthielt, und daß sein Sohn und Associé ihm manches Mal im entschlossenen Ergreifen des Vorteils überlegen gewesen war*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Ты часто бываешь *в нерешительности!* – *гневно* выкрикнул старик, сам зная, что это замечание несправедливо, ибо сын и компаньон не раз превосходил его *решительностью действий, направленных к их обоюдной выгоде*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Необходимо отметить в этой связи, что нерешительность в понимании Иоганна Будденброка-старшего, конечно, является сугубо отрицательной чертой, ведь сомневаться и медлить в бизнесе нельзя. И эту резкость в речи отца (*гневно выкрикнул*), обращенной к сыну, автор смягчает посредством пространного объяснения *сам зная, что это замечание несправедливо, ибо сын и компаньон не раз превосходил его решительностью действий, направленных к их обоюдной выгоде.*

Важным средством репрезентации эмотивности в тексте романа «Будденброки» являются и графические средства – прежде всего, таковы конечные пунктуационные знаки (восклицательный и вопросительный знаки, многоточие). На наш взгляд, важным графическим средством, позволяющим судить об степени проявления эмотивности в персонажной и авторской зонах повествования, служит и абзацное членение, которое объединяет синтаксические структуры (предложения разных типов, сверхфразовые единства) и собственно графику (абзацный отступ как начало репрезентации новых мыслительных и речевых операций). Например, в следующем текстовом фрагменте основным средством выражения эмотивности становится вовсе не эмотивная лексика, а графическое оформление речи одного из персонажей – господина Кессельмейера: «–*Wie haben wir das eigentlich gemacht? – fuhr Herr Kesselmeier fort. –Wie haben wir es eigentlich angefangen, das Töchterchen und die achtzigtausend Mark zu ergattern? O-ho! das arrangiert sich! Wenn man auch nur für einen Sechsling Regsamkeit und Findigkeit besitzt, so arrangiert sich das! Man legt dem rettenden Herrn Paparecht hübsche Bücher vor, allerliebste, reinliche Bücher, in denen alles aufs beste bestellt ist ... nur daß sie mit der rauhen Wirklichkeit nicht völlig übereinstimmen ... Denn in der rauhen Wirklichkeit sind drei Viertel der Mitgift schon Wechselschulden!*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– *Как мы это сварганили?* – продолжал г-н Кессельмейер. –*Как нам удалось подобраться к дочке и к приданому в восемьдесят тысяч марок? Ого-*

го! У человека «живого и находчивого» за этим дело не станет! Надо только выложить перед папенькой хорошие, чудные, аккуратные книги, в которых все в образцовом порядке... За исключением одного... что они не вполне совпадают с суровой действительностью!.. Ибо в действительности три четверти приданого уже были предназначены для уплаты по векселям!» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном примере нет повествовательных предложений: все входящие в состав этого фрагмента высказывания характеризуются вопросительной или восклицательной интонацией. Разумеется, без обращения к лексике с определенным эмотивным значением сложно представить репрезентацию эмотивности, и такие лексические единицы представлены в приведенном макроконтексте, однако эмотивные семы здесь имплицитны, лексика употреблена в иронических контекстах: *Как мы это сварганили; Как нам удалось подобраться к дочке и к приданому; за этим дело не станет; Надо только выложить перед папенькой.*

Также интонация маркирует эмотивность персонажа (в данном фрагменте – высказывания Тони) в отношении священников посредством графического оформления – восклицательных знаков: «– Mutter! – sagte sie; – o Gott, man soll seinem Nächsten nichts Übles nachsagen ... gut, ich weiß es! Aber das eine muß ich denn doch aussprechen, und ich würde mich wundern, wenn das Leben dich das nicht gelehrt hätte, nämlich, daß nicht alle, die einen langen Rock tragen und «Herr, Herr!» sagen, immer ganz makellos sind!» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– О, господи, мама! – говорила она. – Я знаю, что не следует порицать ближнего! Но одно я должна сказать: удивляюсь, как жизнь тебе еще не доказала, что те, кто ходит в длинных сюртуках и через каждые два слова говорит «господи, господи», сами отнюдь не безгрешны» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. И при имплицитно содержащейся в этих высказываниях негативной эмотивности необходимо вновь отметить коммуникативную толерантность, которую проявляет Тони в

отношении религиозности своей матери, не говоря ей прямо о том, что все священнослужители – ханжи. Героиня лишь высказывает предположение, недоумение по поводу того, что ее мать, Элизабет Будденброк, так и не понимает, что священники отнюдь не обладают даже малой частью тех добродетелей, к которым призывают.

Важное место в текстовом пространстве романа Т. Манна занимают также описания невербальных проявлений эмоций персонажей, причем вербализацию таких не выраженных с помощью языковых и речевых средств чувств и переживаний нельзя, по всей видимости, напрямую связать лишь с авторской зоной повествования, т.к. зачастую они представляют собой как бы взгляд героя на самого себя «со стороны». Например, в следующем фрагменте: «Der Konsul stand *totenblaß* an der Tür, den Griff in der Hand. *Das Grauen rann ihm den Rücken hinunter*. Befand er sich in dieser kleinen, unruhig beleuchteten Stube allein mit einem Gauner und einem vor Bosheit tollen Affen?» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Консул, *смертельно бледный*, стоял, схватившись за ручку двери. *Мороз подирал его по коже*. Представить себе, что в этой маленькой, освещенной тревожным светом комнате он один лицом к лицу с мошенником и с взбесившейся от злобы обезьяной!» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html] особо следует отметить как внешние проявления эмоций (*смертельно бледный*), так и ощущаемые самим героем (*мороз подирал его по коже*). Высказывание *Представить себе, что в этой маленькой, освещенной тревожным светом комнате он один лицом к лицу с мошенником и с взбесившейся от злобы обезьяной!* подтверждает наше предположение, что имплицитно выраженную эмотивность следует отнести в данном случае к персонажной зоне повествования, т.к. данное высказывание принадлежит внутренней речи самого Томаса.

В следующем фрагменте также можно выделить со- и противопоставление внешнего проявления эмоций (и, соответственно,

вербализованной в тексте эмотивности) и имплицитного, представленного в подтексте состояния эмоционального мира персонажа: «Dann lachte Thomas Buddenbrook – ein lautes, herzliches, ermunterndes, fast dankbares Lachen, wie ein Mensch, dem eine hocheufreuliche, heitere Genugtuung zuteil geworden ist, ja, er fing an, seinen Sohn zu unterstützen und selbst *in die Neckerei einzustimmen*: und doch *hatte er sich eigentlich seit Jahr und Tag dieses Tones gegen die arme Verwandte begeben. Es war so billig, so gänzlich gefahrlos, seine Überlegenheit über die beschränkte, demütige, magere und immer hungrige Klothilde geltend zu machen*, daß er es trotz aller Harmlosigkeit, die dabei herrschte, als gemein empfand» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«И тут Томас Будденброк *от души смеялся громким, счастливым, почти благодарным смехом, как человек, только что испытавший радостное удовлетворение*. Он даже присоединялся к сыну и тоже начинал *поддразнивать* бедную родственницу, хотя *сам давно отказался от этого тона в общении с ней: слишком уж было просто и безопасно утверждать свое превосходство над ограниченной, смиренной, тощей и всегда голодной Клотильдой*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Так, вербальными маркерами эмотивности выступают в приведенном примере лексические сочетания *от души смеялся, громким, счастливым, почти благодарным смехом, как человек, только что испытавший радостное удовлетворение, начинал поддразнивать*. К имплицитному слою, на наш взгляд, необходимо отнести следующее высказывание: *сам давно отказался от этого тона в общении с ней: слишком уж было просто и безопасно утверждать свое превосходство над ограниченной, смиренной, тощей и всегда голодной Клотильдой*. Подтверждает наше предположение о синтезе авторской и персонажной речи, внутренней и внешней, в плане манифестирования эмотивности следующий далее контекст: «Es war so billig, so gänzlich gefahrlos, seine Überlegenheit über die beschränkte, demütige, magere und immer

hungrige Klothilde geltend zu machen, daß er es trotz aller Harmlosigkeit, die dabei herrschte, *als gemein empfand*. Mit Widerstreben empfand er es so, *mit jenem verzweifelten Widerstreben*, das er alltäglich im praktischen Leben *seiner skrupulösen Natur entgegensetzen mußte, wenn er es wieder einmal nicht fassen, nicht darüber hinwegkommen konnte, wie es möglich sei, eine Situation zu erkennen, zu durchschauen und sie dennoch ohne Schamempfindung auszunutzen* ... Aber die Situation ohne Schamgefühl auszunutzen, sagte er sich, das ist *Lebenstüchtigkeit!*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Томасу эти насмешки, несмотря на их неизменно добродушный тон, *все-таки казались низостью*. Ему претила, *донельзя претила мысль*, ежедневно по множеству поводов возникавшая в нем, но тем не менее *органически чуждая его скрупулезной натуре, никак не мирившейся с тем, что можно понимать неблагоприятность ситуации, прозревать ее и все-таки без стыда оборачивать эту ситуацию в свою пользу*: «Но без стыда оборачивать в свою пользу неблагоприятную ситуацию – это и есть *жизнеспособность*», – говорил он себе» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Необходимо особо выделить в приведенном фрагменте опорные лексические сочетания, указывающие на эмоции, переживаемые персонажем и характеризующие и с внешней «точки зрения» автора, и как бы изнутри, с позиций самого персонажа: *все-таки казались низостью, донельзя претила мысль, органически чуждая его скрупулезной натуре, никак не мирившейся с тем, что можно понимать неблагоприятность ситуации, прозревать ее и все-таки без стыда оборачивать эту ситуацию в свою пользу*. Также следующий контекст манифестирует невербализованную эмотивность в речи персонажа, но эксплицированную в переживаемых им чувствах (маркеры выделены курсивом): «Ach, wie *froh*, wieg *lücklich*, wie *hoffnungsvoll entzückt* er über jedes geringste Anzeichen dieser *Lebenstüchtigkeit* war, das der kleine Johann an den

Tag legte!» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Ах, как он *радовался*, какие *надежды окрыляли* его всякий раз, когда маленький Иоганн выказывал хоть тень этой жизнеспособности!» [Mann: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Разумеется, роль авторской речи может быть наиболее важной в реализации эмотивности персонажа с позиций представления внешнего проявления эмоций, например: «*Nach der kurzen Heiterkeit begann nun plötzlich Tonys Oberlippe zu zittern. Sie richtete ein Paar großer und betrübter Augen auf ihn, die langsam blank von Tränen wurden, und sagte leise:*

– Nein, Morten, glauben Sie das von mir? Das müssen Sie nicht von mir glauben» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«*Веселое выражение* сбежало с лица Тони, ее *верхняя губка задрожала*. Она подняла на него *глаза, большие, грустные, наполнившиеся слезами, и прошептала:*

– Нет, Мортен, не надо так думать обо мне... Не надо!» [Mann: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном контексте выделены курсивом маркеры эмотивности, реализованные посредством лексем и лексических сочетаний со значением эмоциональности.

Реализация эмотивности с помощью средств авторской зоны повествования наблюдается и в следующем фрагменте (маркеры эмотивности, реализованные в невербальном поведении персонажей, выделены курсивом): «– Ich werde wohl zu tun bekommen, – sagte der Doktor, indem er auf die Süßigkeiten wies und *den Kindern drohte*. Dann hob er *mit wiegendem Kopf* ein gediegenes Gerät für Salz, Pfeffer und Senf empor» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Да, работы у меня будет немало, – сказал доктор, глядя на эти сласти, и *погрозил детям пальцем*. Затем, *покачав головой*, взвесил на руке

тяжелый золотой судок для соли, перца и горчицы» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Приведем здесь также фрагмент, в котором авторское видение персонажей «со стороны» органично представляет не вербализованную в речи персонажей эмотивность через невербальное проявление эмоций (маркеры выделены курсивом): «Mit ländlich watschelnden Schritten ging Trina zu öffnen, und der Pastor, *in der Absicht, ein leutseliges Wort an sie zu richten und sie ein wenig zu prüfen*, fragte freundlich: «– LiebschtdenHerrn?» ... Vielleicht war er willens, ihr etwas zu schenken, wenn sie sich treu zu ihrem Heiland bekannte. «– Je, Herr Paster» ... sagte Trina *zögernd, errötend* und mit großen Augen. «Wekken meenen's denn? den Ollen oder den Jungen?» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Трина, так и не отучившаяся от деревенской походки «уточкой», пошла открывать, а пастор, *желая показать ей свою благосклонность и заодно добродушно попытать ее насчет веры*, спросил:

– Чтишь ты отца, сына и...

– Что ж, у нас старый барин тихий, а молодой – так уж лучше и не сыщешь, *–стыдливо зардевшись*, ответила Трина» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Безусловно, наиболее показательными в плане репрезентации такой скрытой эмотивности, не явленной в речи персонажей, но являющейся следствием глубоких переживаний, следует считать те фрагменты текста романа, в которых автор представляет своего рода психологическую кульминацию развития образа героя. Так, для маленького Ганно́, сына Герды и Томаса, глубокие переживания и сильные эмоциональные проявления связаны с музыкой, игрой на фортепиано: «Er <Hanno> wußte: Das Glück ist nur ein Augenblick ... Hannos Oberkörper *reckte sich langsam empor, seine Augen wurden ganz groß, seine geschlossenen Lippen zitterten, mit einem stoßweisen Beben zog er die Luft durch die Nase ein ... und dann war die Wonne nicht mehr zurückzuhalten*. Sie kam, kam über ihn, und er wehrte ihr nicht länger.

Seine Muskeln spannten sich ab, ermattet und überwältigt sank sein Kopf auf die Schulter nieder, seine Augen schlossen sich, und ein wehmütiges, fast schmerzliches Lächeln unaussprechlicher Beseligung umspielte seinen Mund, während mit Verschiebung und Pedal, umflüstert, umwoben, umrauscht und umwogt von den Läufen der Violine, sein Tremolo, dem er nun Baßläufe gesellte, nach H-Dur hinüberglied, sich ganz rasch zum fortissimo steigerte und dann mit einem kurzen, nachhallosen Aufbrausen abbrach» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Ганно знал: счастье – это только миг... Мальчик медленно выпрямился, глаза его расширились, сомкнутые губы затрепетали... он вздрогнул, втянул воздух носом и... блаженство неудержимо хлынуло на него. Оно обуяло, охватило все его существо. Мускулы Ганно ослабели, голова бессильно склонилась на плечо, глаза закрылись, печальная, почти болезненная улыбка несказанного счастья появилась на его губах, когда он, модулируя и нажимая педали, околдованный плеском, рокотом, пением, журчанием скрипичных пассажей, перенес свое тремоло, сопровождаемое басовым аккомпанементом в H-dur, довел его до fortissimo и вдруг оборвал в коротком, чуть приглушенном всплеске звуков» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Все выделенные здесь курсивом лексические сочетания манифестируют внешние проявления эмоций, это не эмотивная лексика в ее прямом значении, однако необходимо подчеркнуть, что именно через передачу внешнего состояния своего героя Т. Манну удается передать всю силу овладения музыкой душой талантливого мальчика. Представляется, что само обращение к экфрасису, к возможности описания языковыми средствами произведения другого вида искусства, его воздействия на внутренний мир персонажа – это и есть наиболее важная задача функционально-семантической категории эмотивности в художественном тексте.

Безусловно, и Томас Будденброк не лишен способности к глубоким переживаниям истины, но приходит она к нему в иной форме. Приведем

также кульминационный в развитии этого характера фрагмент: «*Er weinte; preßte das Gesicht in die Kissen und weinte, durchbebt und wie im Rausche emporgehoben von einem Glück, dem keins in der Welt an schmerzlicher Süßigkeit zu vergleichen. Dies war es, dies alles, was ihn seit gestern nachmittag trunken und dunkel erfüllt, was sich inmitten der Nacht in seinem Herzen geregt und ihn geweckt hatte wie eine keimende Liebe. Und während er es nun begreifen und erkennen durfte – nicht in Worten und aufeinanderfolgenden Gedanken, sondern in plötzlichen, beseligenden Erhellungen seines Inneren–, war er schon frei, war er ganz eigentlich schon erlöst und aller natürlichen wie künstlichen Schranken und Bande entledigt. Die Mauern seiner Vaterstadt, in denen er sich mit Willen und Bewußtsein eingeschlossen, taten sich auf und erschlossen seinem Blicke die Welt, die ganze Welt, von der er in jungen Jahren dies und jenes Stückchen gesehen, und die der Tod ihm ganz und gar zu schenken versprach. Die trügerischen Erkenntnisformen des Raumes, der Zeit und also der Geschichte, die Sorge um ein rühmliches, historisches Fortbestehen in der Person von Nachkommen, die Furcht vor irgendeiner endlichen historischen Auflösung und Zersetzung, – dies alles gab seinen Geist frei und hinderte ihn nicht mehr, die stete Ewigkeit zu begreifen. Nichts begann und nichts hörte auf. Es gab nur eine unendliche Gegenwart, und diejenige Kraft in ihm, die mit einer so schmerzlich süßen, drängenden und sehnsüchtigen Liebe das Leben liebte, und von der seine Person nur ein verfehelter Ausdruck war – sie würde die Zugänge zu dieser Gegenwart immer zu finden wissen» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].*

«Он заплакал. Прижавшись лицом к подушке, плакал потрясенный, в дурмане счастья вознесшийся ввысь, – счастья, такого болезненно-сладостного, с которым ничто на свете не могло сравниться. Это и было все то, что со вчерашнего дня пьянило его смутным волнением, что ночью шевельнулось у него в сердце и разбудило его, как зарождающаяся любовь. И теперь, когда ему было даровано все это прозреть и познать – не в словах, не в последовательных мыслях, но во внезапных, благодатных озарениях души,

– он уже был *свободен*, был спасен; узы разорвались, оковы спали с него. Стены его родного города, в которых он замкнулся сознательно и добровольно, раздвинулись, открывая его взору *мир* – весь мир, клочки которого он видел в *молодости* и который смерть сулила подарить ему целиком. *Обманные формы познания пространства, времени, а, следовательно, и истории, забота о достойном исторически преемственном существовании в потомках, страх перед окончательным историческим распадом и разложением* – все это отпустило его, не мешало больше постижению *вечности*. Ничто не начиналось и ничто не имело конца. Существовало только бескрайнее настоящее и та *сила* в нем, Томасе Будденброке, которая любила жизнь *болезненно-сладостной, настойчивой, страстной любовью*; и хотя личность его была всего-навсего искаженным выражением этой любви, ей все же дано было теперь найти доступ к бескрайнему настоящему» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Представляется, что этот макроконтекст в качестве доминантных включает лексемы и лексические сочетания – эмотивы с положительной оценкой (выделены курсивом в контексте: *счастья, любовь благодатных озарениях души, свободен, мир, молодости, вечности, сила*), в то время как эмотивы с отрицательной оценкой либо отражают эмоциональное напряжение и вербализуют физиологическую реакцию на переживание (*заплакал, прижавшись лицом к подушке, плакал потрясенный, в дурмане счастья вознесшийся ввысь*), либо имплицитно содержат такую отрицательную оценку с тем, чтобы наиболее явно обнаружить позитивный эмоциональный настрой всего макроконтекста (*Обманные формы познания пространства, времени, а следовательно, и истории, забота о достойном исторически преемственном существовании в потомках, страх перед окончательным историческим распадом и разложением*).

Репрезентация эмотивности основана у Т. Манна на синтезе проявления вербального и невербального в конкретных контекстах тогда,

когда необходимо указать на какой-либо вид речевой деятельности персонажей без приведения их реплик либо текстов, ими созданных, в ходе повествования. Маркерами таких контекстов выступают глаголы речи, в том числе, письменной, а также глаголы мысли, чувств, например: «Aus irgendwelchen Gründen wurden solche *Erzählungen*, an denen Christian reich war, und über die Madame Grünlich *sich köstlich amüsierte*, während die Konsulin, Klara und Klothilde *sich entsetzten* und Mamsell Jungmann nebst Erika *mit offenem Munde zuhörten*, von Thomas stets *ohne Beifall aufgenommen*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Нескончаемые *рассказы* Христиана, над которыми от души *смеялась* мадам Грюнлих, в то время как консульша, Клара и Клотильда *ужасались*, а мамзель Юнгман и Эрика *слушали с открытыми ртами*, у Томаса почему-то *не пользовались ни малейшим успехом*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Отметим в этой связи, что если Тони прямо реагирует на рассказы брата Христиана (*смеялась*), то Томасу эти рассказы не нравятся, однако он скрывает свою эмоциональную реакцию на них, именно поэтому автор употребляет здесь описательную конструкцию *не пользовались ни малейшим успехом*. Такое отношение, причина которого тщательно скрывается, но предполагается автором, раскрыта в последующем контексте: «*Er pflegte sie mit kühlen und spöttischen Bemerkungen zu begleiten* und sich den deutlichen Anschein zu geben, als glaube er, daß Christian übertreibe und blagiere ... was sicherlich nicht der Fall war; aber *er erzählte mit Verve und Farbe*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Он *обычно прерывал их холодными и колкими замечаниями*, как бы желая сказать, что, по его мнению, Христиан преувеличивает и подвирает, – хотя на самом деле это было не так, а только *рассказывал он очень красочно и увлеченно*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Особое внимание обращает на себя синтаксическая конструкция с применением частицы *бы*,

указывающей на предположительность значения высказывания: *как бы желая сказать, что, по его мнению, Христиан преувеличивает и подвигает*. Значима здесь, бесспорно, и индивидуально-авторское противопоставление, возникающее между атрибутами *холодными и колкими – красочно и увлеченно*.

В плане реализации эмотивности таким же показательным представляется и следующий контекст: «*Er willigte mit schlichten Worten in die Scheidung. Er schrieb, daß er das Vorgefallene herzlich bedaure, daß er aber Antoniens Wünsche respektiere, denn er sähe ein: sie und er paßten «doch halt nimmer so recht zueinand'». Wenn er ihr schwere Jahre bereitet habe, so möge sie versuchen, sie zu vergessen und ihm zu verzeihen ... Da er sie und Erika wohl nicht wiedersehen werde, so wünsche er ihr und dem Kinde für immer alles erdenkliche Glück ... Alois Permaneder» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].*

«Господин Перманедер без обиняков *соглашался на развод*. Он писал, что *от души сожалеет о случившемся*, но *согласен пойти навстречу желаниям Антонии*, так как и сам понимает, «что они люди не очень-то подходящие». *Если он заставил ее пережить трудное время, то пусть она постарается забыть это и простить его...* Верно, ему уж никогда не доведется увидеть ни ее, ни Эрику, но он *желает им обeim всяческого счастья*. «Алоиз Перманедер»» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Примечательно, что в приведенном фрагменте автор передает стиль письма господина Перманедера, сопровождая его и цитированием подписи адресанта. Эмоциональные проявления автора письма весьма примечательны: они соответствуют этикетным формулам, но в то же время отражают и искренность натуры Перманедера (маркеры выделены курсивом). Интересно, что в последующем контексте весьма органично и представление характера героя – он независим и порядочен, т.к. возвращает приданое Тони из-за развода, не допуская мысли о бракоразводном процессе (выделено

курсивом): *«Ausdrücklich erbot er sich in einer Nachschrift zur sofortigen Restituierung der Mitgift. Er für sein Teil könne mit dem Seinen sorglos leben. Er brauche keine Frist, denn Geschäfte seien nicht abzuwickeln, das Haus sei seine Sache, und die Summe sei sofort liquid»* [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«За подписью шла приписка, в которой он выражал готовность немедленно вернуть приданое. Он может безбедно прожить и на свои средства. Ни в каких отсрочках он не нуждается, так как деньги у него свободны, с домом он поступит по собственному усмотрению, а посему сумма в семнадцать тысяч талеров будет выплачена немедленно» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Интересен и следующий фрагмент, в котором эмотивность представлена посредством обращения к глаголам речи и манифестированию вербального поведения персонажа с помощью несобственно прямой речи: *«Der letztere Punkt ging Thomas an; aber er schwieg darüber, während seine Schwester hie und da etwas von Leuten vor sich hin murmelte, die der Witwen Häuser fressen und lange Gebete vorwenden»* [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Тони же время от времени раздражалась гневными тирадами относительно тех, что пожирают «дома вдовиц» и произносят слишком уж долгие проповеди» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]; по своим характеристикам с этим контекстом схож и следующий: *«Sie <Tony> haßte diese schwarzen Herren aufs bitterlichste. Als gereifte Frau, die das Leben kennengelernt hatte und kein dummes Ding mehr war, sah sie sich nicht in der Lage, an ihre unbedingte Heiligkeit zu glauben»* [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Она <Тони> яростно ненавидела всех этих посетителей в черных одеждах. И, как зрелая женщина, знающая жизнь, а не какая-нибудь дурочка, не считала для себя обязательным верить в их безусловную

добродетель»

[Манн:

URL:

https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Выделенное курсивом – это несобственно прямая речь, принадлежащая самой Тони, эта принадлежность маркирована лексемами и лексическими сочетаниями, характеризующими ее тезаурус ее языковой личности (*зрелая женщина, знающая жизнь, какая-нибудь дуручка, не считала для себя обязательным*). Репрезентативным в отношении представления невербального и вербального выражения эмотивности считаем следующий контекст: «*Sie <Tony> war nicht glücklich, sie empfand Langeweile und ärgerte sich über die Pastoren und Missionare, deren Besuche nach dem Tode des Konsuls sich vielleicht noch vermehrt hatten und die nach Tonys Meinung im Hause allzusehr das Regiment führten und allzuviel Geld bekamen. Der letztere Punkt ging Thomas an; aber er schwieg darüber, ...*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Счастливой Тони себя не чувствовала. Она скучала и злилась на пасторов и миссионеров, посещения которых после смерти консула, пожалуй, еще участились; кроме того, она считала, что они забрали слишком уж много власти в доме и слишком дорого обходятся. Последнее больше касалось Тома, но он молчал» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. На наш взгляд, опорными лексемами, манифестирующими эмотивность в данном контексте, являются глаголы *чувствовала, скучала, злилась, считала, молчал*.

И, разумеется, одним из значимых в плане реализации эмотивности способов в художественном тексте является краткая портретная характеристика, например: «*Er <Johann Buddenbrook> betrachtete sie <Tony> mit emporgezogenen Brauen, mit seinen kleinen, tiefliegenden Augen, die traurig und müde aussahen und dennoch eine ganz außerordentliche Spannung verrieten*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Консул <Иоганн Будденброк-младший>, *нахмури в брови*, смотрел на нее <Тони> своими маленькими, глубоко сидящими глазами, в которых

сквозь печаль и усталость проглядывало напряженное ожидание» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Маркеры эмотивности, выделенные в контексте курсивом, отражают эмоциональное состояние героя, которое подкрепляется в контексте и невербальным поведением – прежде всего, мимикой (*нахмутив брови*).

Не менее значимым становится и портрет героя, который сопровождается эмотивными характеристиками косвенного характера – эмоции, по мысли автора, накладывают отпечаток на внешность человека так же, как и внешность способна отразить наиболее постоянные из них, например: «Thomas Buddenbrook, in so jungen Jahren bereits der Chef des großen Handelshauses, legte in Miene und Haltung ein ernstes Würdegefühl an den Tag; aber er war bleich, und seine Hände im besonderen, an deren einer nun der große Erbsiegelring mit grünem Steine glänzte, waren weiß wie die Manschetten, die aus den schwarzen Tuchärmeln hervorsahen, *von einer frostigen Blässe, die erkennen ließ, daß sie vollkommen trocken und kalt waren*. Diese Hände, deren schön gepflegte ovale Fingernägel dazu neigten, eine bläuliche Färbung zu zeigen, *konnten in gewissen Augenblicken, in gewissen, ein wenig krampfhaften und unbewußten Stellungen einen unbeschreiblichen Ausdruck von abweisender Empfindsamkeit und einer beinahe ängstlichen Zurückhaltung annehmen*, einen Ausdruck, der den ziemlich breiten und bürgerlichen, wenn auch fein gegliederten Händen der Buddenbrooks bis dahin fremd gewesen war und *wenig zu ihnen paßte ...* » [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Отличительной чертой Томаса Будденброка, уже в столь юные годы ставшего главой большого торгового дома, было чувство собственного достоинства, сказывавшееся в выражении лица и в осанке; но он был все так же бледен, а руки его – на одной поблескивал фамильный перстень с изумрудной печаткой – белизной соперничали с манжетами, выглядывавшими из-под черного сукна рукавов; *по неестественной, зябкой белизне этих рук можно было догадаться, что они всегда холодны и сухи*. Эти руки с холеными ногтями чуть-чуть синеватого оттенка в иные минуты,

при иных *бессознательно принимаемых положениях, вдруг поражали, даже в какой-то мере отталкивали своей судорожной нервностью и боязливой скованностью*, никогда раньше не присущей широким, отнюдь не аристократическим, хотя и изящным рукам Будденброков, *нервностью, очень уж к ним неподходящей...*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Безусловно, наиболее важными здесь становятся не столько внешние качества Томаса, сколько те скрытые, имплицитно представленные эмоции, которые только угадываются читателем и могут быть корректно декодированы при внимательном отношении к маркерам эмотивности в художественном тексте (выделены курсивом).

Также важным средством выражения эмотивности в художественном тексте является субъективная модальность, маркеры которой весьма разнообразно представлены, по нашим наблюдениям, как в персонажной, так и в авторской зонах повествования. Приведем лишь некоторые контексты, свидетельствующие об этом (маркеры субъективной модальности выделены курсивом): «–*Wie geht es dem guten Jürgen? – begann die Konsulin aufs neue. – Wie fühlt er sich in Wismar?*

– Gut, – antwortete Justus Kröger, indem er sich mit einem Achselzucken wieder niedersetzte ...– Ich *glaube*, er hat nun seinen Platz gefunden. – Er ist ein braver Junge, Betsy, ein Junge von Ehre; aber ... nachdem ihm das Examen zweimal mißglückt, war es das Beste ...» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Что слышно о нашем милом Юргене? – снова заговорила консульша. – Как он себя чувствует в Висмаре?

– Хорошо, – отвечал Юстус Крeгер, опускаясь на стул и слегка пожимая плечами. –*Хочу думать*, что он нашел свое место в жизни. Он славный малый, Бетси, и весьма добропорядочный, но... после того как ему дважды не повезло с экзаменами, это был, *пожалуй*, наилучший исход...» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]; «Erfuhr

Thomas *es nicht gern*, daß sein jüngerer Bruder weiter herumgekommen sei und mehr gesehen habe als er? *Oder* empfand er mit Widerwillen ein Lob der Unordnung und der exotischen Gewalttätigkeit in diesen Messer – und Revolvergeschichten?... *Feststeht*, daß Christian sich durchaus nicht um die Ablehnung seiner Erzählungen von seiten seines Bruders bekümmerte; er selbst war *allzusehr* in Anspruch genommen von seinen Schilderungen, als daß er auf Erfolg oder Mißerfolg bei anderen geachtet hätte, und wenn er geendet hatte, so blickte er nachdenklich und abwesend im Zimmer um» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«*Может быть*, Томаса уязвляло, что младший брат больше видел, чем он сам? *Или же* ему не по душе была хвала беспорядку, экзотике и насилию, слышавшаяся в этих рассказах о поножовщине и пистолетных выстрелах. *Так или иначе*, но Христиан нимало не смущался неодобрительным отношением брата к его повествованиям; он *так* упивался своим рассказом, что вопрос об успехе или неуспехе уже не заботил его, а кончив, озирался вокруг с видом задумчивым и отсутствующим» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Подчеркнем, что наибольшей частотностью в обеих зонах повествования характеризуются вводные слова и сочетания, а также вставные конструкции наряду с частицами, актуализирующими сослагательное наклонение в контекстах.

Закономерно, что функционально-семантическая категория эмотивности манифестирована с помощью маркеров авторской оценочности, которая, в свою очередь, проявляется в художественном тексте на всех его уровнях. Приведенные выше контексты зачастую представляют собой синтез показателей персонажной и авторской зон повествования, поскольку вне участия языковой личности автора и, в частности, вне реализации субъективной модальности и оценочности продуцента художественного высказывания невозможно представить структурирование семантического пространства художественного текста.

Так, авторская субъективность разнопланово репрезентирована в случаях, когда автор фокусирует внимание читателя на внешних проявлениях эмотивности персонажей, переключая коммуникативный регистр на внешнее восприятие, предположительно отличное от восприятия данного героя другими персонажами, например: «Doktor Grabowaber, ein Mann vom Alter des Konsuls, zwischen dessen spärlichem Backenbart *ein langes, gutes und mildes Gesicht lächelte*, betrachtete die Kuchen, Korinthenbrote und verschiedenartigen gefüllten Salzfüßchen, die auf dem Tische zur Schau gestellt waren. Es war das «Salz und Brot», das der Familie von Verwandten und Freunden zum Wohnungswechsel übersandt worden war. *Da man aber sehen sollte, daß die Gabe nicht aus geringen Häusern komme*, bestand das Brot in süßem, gewürztem und schwerem Gebäck und war das Salz von massivem Golde umschlossen» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Доктор Грабов, ровесник консула, *с благодушной улыбкой на длинном добром лице*, выглядывавшем из поросли жидких бакенбардов, рассматривал пирожные, булочки с изюмом и всевозможные солонки, выставленные напоказ гостям. То была «хлеб-соль», которой друзья и родственники обильно одарили Будденброков по случаю новоселья. *А дабы каждому было ясно, что дары исходят из богатых домов*, роль хлеба здесь выполняло сладкое, пряное и сдобное печенье, а соль была насыпана в массивные золотые солонки» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Выделенные курсивом маркеры эмотивности явно принадлежат авторской зоне повествования, поскольку описание внешности, разумеется, дано с позиций внешнего наблюдателя, а указание на строго соблюдаемую традицию любекских богатых домов бюргеров также явно не принадлежит самому персонажу, для которого такой обычай естественен и не подлежит объяснению.

Ещеоднимпоказательнымпримеромреализацииавторскойоценочности в выступаетследующиймакроконтекст: «*Wer den alten Familienzweist in Form einer allgemeinen und unbestimmten Animosität hegte und bewahrte*, das waren

vielmehr seine Damen: seine *gutmütige und beschränkte Gattin* nicht sowohl, wie die drei ältlichen Mädchen, die weder die Konsulin, noch Antonie, noch Thomas *ohne ein kleines giftiges Flämmchen in den Augen anzublicken vermochten ...»* [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Если кто-нибудь еще и вспоминал *старинную семейную распрю*, с годами *вылившуюся в какую-то расплывчатую, неопределенную неприязнь*, то разве что дамы из семейства дяди Готхольда, и не столько его *добродушная и недалекая* супруга, сколько дочери – три старые девы, которые *без злобного огонька во взоре не могли смотреть* ни на консульшу, ни на Антонию или Томаса» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Представляется, в приведенном фрагменте также представлена точка зрения внешнего наблюдателя (маркеры авторской оценочности выделены курсивом). О присутствии такой внешней точки зрения свидетельствует, прежде всего, лексическое сочетание *старинную семейную распрю*, которое задает определенную субъективную модальность всему высказыванию, опирающуюся, в свою очередь, на лексические доминанты *неприязнь, злобного огонька во взоре*.

Интересен в отношении органического синтеза авторской и персонажной зон повествования в плане реализации авторской оценочности следующий фрагмент: «Die Konsulin betrachtete sie, *und sie konnte sich nicht verhehlen, daß es trotz der stattlichen Mitgift und Klaras häuslicher Tüchtigkeit schwer halten werde, dies Kind zu verehelichen*. Keinen der skeptischen, rotspontrinkenden und jovialen Kaufherren ihrer Umgebung, wohl aber einen Geistlichen konnte sie sich an der Seite *des ernstesten und gottesfürchtigen* Mädchens vorstellen, und da *dieser Gedanke* die Konsulin *freudig bewegte*, so fanden des Pastors Tiburtius zarte Einleitungen von ihrer Seite *ein maßvolles und freundliches Entgegenkommen»* [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Наблюдая за ней, консульша ясно *отдавала себе отчет, что, несмотря на солидное приданое, энергичный характер и домовитость, Клару нелегко будет выдать замуж.* Рядом с этой *серьезной, богобоязненной* девушкой нельзя было себе представить ни одного из насмешливых, охочих до красного вина, развязно-веселых коммерсантов их круга, а разве что лицо духовного звания. И так как *мысль об этом служила некоторым утешением консульше, то нежные намеки пастора Тибуртиуса встретили с ее стороны сдержанное, но вполне доброжелательное отношение*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном макроконтексте заметны как маркеры персонажной эмотивности (*отдавала себе отчет, что, несмотря на солидное приданое, энергичный характер и домовитость, Клару нелегко будет выдать замуж, серьезной, богобоязненной*), так и авторской эмотивности, реализованной с позиций оценки (*мысль об этом служила некоторым утешением, сдержанное, но вполне доброжелательное отношение*). Представляется, что граница между персонажной и авторской зоной повествования в данном макроконтексте весьма четко обозначена через употребление лексемы *консульша*, которой сама Элизабет Будденброк вряд ли называла себя в собственной внутренней речи.

Также фрагментом, в котором реализована, прежде всего, авторская оценочность, считаем следующий: «Bald nach dem Einzug des neuen Direktors war auch *unter den vortrefflichsten hygienischen und ästhetischen Gesichtspunkten mit dem Umbau und der Neueinrichtung der Anstalt* begonnen und alles aufs glücklichste fertiggestellt worden. Allein es blieb die Frage, ob nicht früher, als *weniger Komfort der Neuzeit und ein bißchen mehr Gutmütigkeit, Gemüt, Heiterkeit, Wohlwollen und Behagen in diesen Räumen geherrscht hatte, die Schule ein sympathischeres und segenvolleres Institut gewesen war...*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Вскоре после прихода нового директора началась перестройка здания *в соответствии с требованиями гигиены и новейших представлений о*

красоте, благополучно завершившаяся в положенный срок. Но не исключено, что в прежние времена, когда *в стенах школы было меньше современного комфорта и больше добродушия, уюта, веселья, доброжелательства, товарищеских отношений*, она была учреждением куда более симпатичным и полезным» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Здесь, как и в других, приведенных выше, примерах, заметно органичное взаимодействие речи персонажей (*в соответствии с требованиями гигиены и новейших представлений о красоте*) и речевых характеристик самого автора (*в стенах школы было меньше современного комфорта и больше добродушия, уюта, веселья, доброжелательства, товарищеских отношений, она была учреждением куда более симпатичным и полезным*). Представляется, что граница между персонажной и авторской зонами повествования маркирована высказыванием *не исключено*, которому свойственна оценочность с позиций внешнего наблюдателя, не являющегося персонажем.

Также целый ряд фрагментов, представляющих собой целостные макроконтексты, обнаруживают авторскую оценочность, репрезентированную вербальными маркерами разноуровневой принадлежности, например: «Die alte Konsulin kam, in grau und schwarz gestreifter Seide, einen diskreten Patschuliduft um sich verbreitend, *ließ ihre hellen Augen ruhig über alles hingleiten und legte, ohne laute Bewunderung zu äußern, eine anerkennende Befriedigung an den Tag*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Приходила старая консульша в полосатом – черном с серым – шелковом платье, распространявшая вокруг себя чуть слышный аромат пачули, *спокойно все оглядывала своими светлыми глазами и, вслух не высказывая особого восхищения, давала понять, что, безусловно, всем удовлетворена*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном примере выделенные курсивом лексемы и лексические сочетания репрезентируют

авторскую точку зрения на персонажа и его эмоциональные реакции (*спокойно все оглядывала своими светлыми глазами, вслух не высказывая особого восхищения, давала понять, безусловно, всем удовлетворена*). В следующем фрагменте макроконтекста находим сохраняющуюся точку зрения внешнего наблюдателя, манифестированную в лексемах и лексических сочетаниях, а также в синтаксической структуре высказываний (выделены курсивом): «Der Senator kam mit Frau und Kind, amüsierte sich mit Gerda über Tonys *glückselige Überheblichkeit* und verhinderte mit Mühe, daß *sie ihren angebotenen kleinen Hanno mit Korinthenbrot und Portwein erstickte...*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Приходил сенатор с женой и с сыном, вместе с Гердой подтрунивал над Тони, *так и светившейся гордостью*, и с трудом отстаивал маленького Ганно, которого *обожавшая его тетка норвила вконец закормить сластями*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В следующем примере также наблюдается тесное многоуровневое взаимодействие персонажной и авторской зон повествования: если в первом предложении приводится несобственно прямая речь дам Будденброк (*скромным девушкам, было бы не по душе, столь красивой обстановке*), то второе предложение манифестирует авторскую оценочность по отношению к персонажу (*серая, тощая, терпеливая, сносила все подшучиванья, выпивала четыре чашки кофе и затем протяжно и благожелательно высказывала свои одобрения*): «Es kamen die Damen Buddenbrook, welche einstimmig bemerkten, alles sei so schön, daß sie ihrerseits, bescheidene Mädchen wie sie seien, nicht darin wohnen möchten ... Die arme Klothilde kam, *grau, geduldig und hager, ließ sich auslachen und trank vier Tassen Kaffee, worauf sie auch alles übrige in gedehnten und freundlichen Worten belobte ...*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Приходили дамы Будденброк и в один голос заявляли, что им, скромным девушкам, было бы даже не по душе жить в столь красивой обстановке... Приходила бедная Клотильда, *серая, тощая, терпеливая,*

сносила все подшучиванья, выпивала четыре чашки кофе и затем протяжно и благожелательно высказывала свои одобрения» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Весьма показателен в плане взаимодействия авторской и персонажной зон повествования и экспликации эмоционально окрашенной авторской оценки по отношению к персонажу следующий пример: «Dann und wann, wenn im «Klub» niemand anwesend gewesen war, erschien auch Christian, nahm ein Gläschen Benediktiner, erzählte, daß er jetzt willens sei, die Agentur für eine Champagner- und Kognakfirma zu übernehmen – darauf verstehe er sich, und es sei eine leichte, angenehme Arbeit, man sei sein eigener Herr, schreibe sich hie und da ein bißchen in sein Notizbuch und habe im Handumdrehen dreißig Taler verdient – lieh sich hierauf vierzig Schilling von Frau Permaneder, um der ersten Liebhaberin vom Stadttheater ein Bukett überreichen zu können, kam, Gott weiß, infolge welcher Ideenverbindung, auf «Maria» und das «Laster» in London zu sprechen, verfiel in die Geschichte des räudigen Hundes, der in einer Schachtel von Valparaiso nach San Franzisko gereist war, und erzählte nun, da er im Zuge war, mit einer solchen Fülle, Schwunghaftigkeit und Komik, daß er einen Saal voll Menschen hätte unterhalten können» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Время от времени, когда в клубе почему-либо бывало пусто, заживал и Христиан, выпивал рюмочку бенедиктину, объявлял, что намеревается стать агентом одной винно-коньячной фирмы, – во-первых, он знает толк в этом деле, а во-вторых – работа эта легкая и приятная: «По крайней мере, ты сам себе хозяин, занесешь в записную книжку несколько адресов – и, глядь, уж заработал тридцать талеров», потом занимал у г-жи Перманедер сорок шиллингов на букет примадонне Городского театра, вспоминал вдруг – одному богу известно, в какой связи – лондонскую «Марию» и «Порок», перескакивал на историю с шелудивой собакой, отправленной в ящике из Вальпараисо в Сан-Франциско, и, если был в ударе, рассказывал все это с таким комизмом, так ярко и увлекательно, что мог бы

насмешить самую взыскательную публику» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Таким образом, функционально-семантическая категория эмотивности в художественном тексте репрезентирована с помощью разноуровневых речевых и языковых средств: в персонажной сфере это лексемы и лексические сочетания, представляющие собой эмотивы с положительной или отрицательной оценкой, графические средства, позволяющие эксплицитно оформлять интонационное оформление высказываний персонажей, средства структурирования субъективной модальности в персонажной зоне повествования, а также авторская оценочность, маркеры которой репрезентированы не только в авторской зоне повествования, но и тесно взаимодействуют с персонажной зоной, что вполне закономерно: Т. Манн не дифференцирует эти зоны однозначно, эмотивность свойственна как героям романа «Будденброки», так и автору, который мастерски создает эффект присутствия внешнего наблюдателя, формируя, тем самым, у читателя впечатление личного знакомства этого повествователя с персонажами.

2.3. Коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности в романе Т. Манна

Коммуникативная толерантность, являясь категорией коммуникативно-прагматической, представляет собой и психосоциальную характеристику языковой личности. Н.А. Асташова [Асташова, 2002] выделяет три взаимосвязанных компонента в структуре коммуникативной толерантности: когнитивный, эмоциональный и деятельностный. Коммуникативная толерантность представляет собой частное проявление толерантности личности, поэтому предположительно и собственно толерантность включает те же компоненты.

Когнитивный компонент как совокупность представлений личности о толерантности, о соответствии этическим принципам толерантности

способен отразить тип мышления каждого конкретного человека: принципы его понимания окружающей действительности, стереотипы подходов к осмыслению идей, мнений, принятия решений, свойственные конкретной личности. Этот компонент является как бы «информационным полем», способным охарактеризовать различные аспекты проявления личности в разных сферах деятельности.

В координатах эмоционального компонента фиксируются устойчивые чувства индивида в отношении различных объектов и процесса толерантного взаимодействия с ними, что, в конечном счете, находит отражение в эмоционально-ценностной оценке межличностной коммуникации. За оценочностью всегда в той или степени скрывается эмоция как базовая характеристика реализации психической деятельности, и характер оценки определяет толерантность / интолерантность личности в коммуникации, а также сами способы поведения и модели интеракции с окружающим миром.

Деятельностный компонент отражает саму предрасположенность личности к такому поведению, основу которого составляли бы сотрудничество, понимание, коммуникативные компетенции. Н.А. Асташова отмечает, что деятельностный компонент характеризуется особым статусом в структуре коммуникативной толерантности, и «лишь в границах деятельности определенного субъекта любые реальности – деятельностные и воображаемые – выстраиваются в смысловой ряд, в жизненную концепцию» [Асташова, 2002: 80]. Отметим в этой связи, что деятельностный компонент коммуникативной толерантности манифестирован в пространстве художественного текста как в персонажной, так и в авторской зонах повествования, определяя как действия героев, так и когнитивно-аксиологическую деятельность автора и его оценочность.

Изучение реализации эмотивности в художественном тексте включает выяснение и описание тех функций, которые облигаторны и релевантны данной категории в текстовом пространстве. По Л.Г. Бабенко, могут быть выделены частные текстовые функции эмотивной лексики: описательно-

характерологическая, с помощью которой создается психологический портрет образа персонажей; интерпретационная и эмоционально-оценочная, с помощью которых объективирована эмоциональная трактовка мира, изображенного в тексте и его оценка; интенциональная, задача которой состоит в обнаружении внутреннего эмоционального мира образа; эмоционально-регулятивная, посредством которой осуществляется воздействие на читателя [Бабенко, 2009: 155].

В художественном тексте эмотивность «может реализовываться также формально, вследствие взаимодействия языковых средств, т.е. не всегда непосредственно словами отражать эмоциональное отношение. Учитывая формальные признаки проявления эмотивности, можно выделить эксплицитные и имплицитные эмотивные средства» [Карпова, 2011]. Имплицитный способ репрезентации эмоций заключается в акцентировании внимания читателя на невербальных, физиологических проявлениях чувств (покраснение лица, смех, слезы и пр.), а также на описании окружающего мира, т.е. «эксплицитная оценка эмоциональной ситуации не дается, но полностью воспроизводится в художественном тексте. Характер эмотивности определяется здесь на основе эмоционального опыта читателя» [Ленько, 2014: 194].

Поскольку коммуникативная толерантность в качестве одного из своих необходимых уровней включает и эмоциональный, мы будем рассматривать коммуникативную толерантность и эмотивность в пространстве художественного текста как неразрывно связанные категории, имеющие обширный коммуникативно-прагматический потенциал как в плане реализации художественного замысла автора, так и в отношении эффективного воздействия на когнитивную деятельность и языковую картину мира читателя – адресата такого эстетического высказывания.

В романе Т. Манна «Будденброки» коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности определяется теми функциями, которые обе категории реализуют в художественном

тексте. Анализ языкового материала показал, что в текстовом пространстве этого романа коммуникативная толерантность / интолерантность и эмотивность зачастую неотделимы друг от друга и образуют синтез признаков. Именно поэтому считаем возможным рассмотрение реализации коммуникативно-прагматического потенциала коммуникативной толерантности и эмотивности на основании синкретического характера реализации этих категорий в художественном тексте.

Так, целый ряд контекстов, выявленных нами методом сплошной выборки из текста романа «Будденброки», манифестирует, в соответствии с художественным замыслом автора, отношение персонажей друг к другу и обнаруживает, помимо прагматических маркеров эмотивности, коммуникативную толерантность / интолерантность, свойственную тому или иному герою, например: «–Ich weiß was, Großvater!

–Tiens! Sie <Tony> weiß was!– rief der alte Herr und *tat, als ob ihn die Neugier im ganzen Körper plage*. – Hast du gehört, Mama? Sie weiß was! *Kann mir denn niemand sagen ...* » [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Я еще и другое знаю, дедушка.

–Tiens! Она <Тони> знает еще и другое! – воскликнул старик, *делая вид, что его снедает любопытство*. – Ты слышишь, мама? Она знает еще и другое! *Ну кто мог бы сказать...*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Необходимо обратить особое внимание на то, что, конечно, Иоганн Будденброк-старший проявляет не только нежность к своей любимице, но и коммуникативную толерантность, о чем свидетельствуют определенные лексические и синтаксические маркеры: *делая вид, что его снедает любопытство, ну кто мог бы сказать*. Понятно, что тем самым он укрепляет в своей внучке веру в себя и в то, что ее высказывания никогда не останутся без внимания.

Также интересен следующий пример: «–Du weißt, *daß solche Verdunkelung der Kinderköpfe mir verdrüßlich ist!* Wat, de Dunner sleit in? *Da sall doch gliiek de Dunner inslahn!* Geht mir mit eurer *Preußin...*

Die Sache war die, daß *der alte Herr auf Ida Jungmann nicht zum Besten zu sprechen war.* Er war kein beschränkter Kopf. *Er hatte ein Stück von der Welt gesehen...*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«–Ты же знаешь, что я *терпеть не могу, когда детям забивают мозги чепухой!* Как? Гром? *Да чтоб ее самое громом разразило!* Оставьте меня в покое с вашей *пруссачкой...*

Старый Будденброк не выносил Иду Юнгман. Он не был ограниченным человеком и немало повидал на своем веку» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Реакция на слова Антонии «– Wenn es ein warmer Schlag ist, – sprach Tony und nickte bei jedem Wort mit dem Kopfe, – so schlägt der Blitz ein. Wenn es aber ein kalter Schlag ist, so schlägt der Donner ein!» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Если теплый удар, – говорила Тони, кивая головкой при каждом слове, – так, значит, это молния; а если холодный удар, так, значит, – гром» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html] у Иоганна Будденброка однозначна: когда он слышит откровенную глупость, к тому же навязанную ребенку недалекой воспитательницей, он приходит в ярость, и здесь не остается места никакой толерантности. Высказывания старшего Будденброка интолерантны и глубоко эмоциональны: он принципиален в выражении своей позиции. Маркерами персонажной оценочности выступают следующие высказывания *я терпеть не могу, когда детям забивают мозги чепухой, да чтоб ее самое <Иду Юнгман> громом разразило.* Интересно здесь употребление и явно уничижительного в устах Будденброка *пруссачкой*, что понятно и в связи со сложным отношением представителей Германии (а город Любек, в котором происходит действие

романа Т. Манна, – один из самых крупных торговых центров, фактически центр Ганзейского союза) к представителям Пруссии. Особо следует выделить в данном контексте органичное подключение авторской зоны повествования к персонажной и их тесное взаимодействие: в высказываниях происходит переключение «регистров» из авторской зоны (*Старый Будденброк не выносил Иду Юнгман*) в персонажную (*и немало повидал на своем веку*).

В отношениях персонажей романа друг с другом присутствует и достаточное знание характеров, и ожидание возможной интолерантности, которое закономерно оказывает влияние на эмотивность конкретных макроконтестов, например: «*Nie hatte er geglaubt, daß das Wesender Musik seiner Familie so gänzlich fremd sei, wie es jetzt den Anschein gewann. Sein Großvater hatte gern ein wenig die Flöte geblasen, und er selbst hatte immer mit Wohlgefallen auf hübsche Melodien, die entweder eine leichte Grazie oder einige beschauliche Wehmut oder eine munterstimmende Schwunghaftigkeit an den Tag legten, gelauscht. Gab er aber seinem Geschmack an irgendeinem derartigen Gebilde Ausdruck, so konnte er gewärtig sein, daß Gerda die Achseln zuckte und mit einem mitleidigen Lächeln sagte: «Wie ist es möglich, mein Freund! Ein Ding so ganz ohne musikalischen Wert ...»» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].*

«Никогда бы он не поверил, что сущность музыки в такой мере чужда его семье, как это теперь оказалось. Его дед любил иногда поиграть на флейте, и сам он с неизменным удовольствием слушал красивые мелодии, грациозные, или смутно печальные, или бодрящие своей веселостью. Но *он твердо знал, что стоит ему только заикнуться о своих вкусах, как Герда пожмет плечами и с сострадательной усмешкой заметит: «Пустое, друг мой! Пьеска, лишенная всякой музыкальной ценности...»»* [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. На наш взгляд, Томас Будденброк значительно более толерантен в отношении музыкальных пристрастий своей супруги Герды (*стоит ему только заикнуться о своих*

вкусах), тогда как эмотивное проявление интолерантности героини в этом текстовом фрагменте манифестировано как на невербальном, так и на вербальном уровнях: *Герда пожмет плечами и с сострадательной усмешкой заметит: «Пустое, друг мой! Пьеска, лишенная всякой музыкальной ценности...».*

Такое же сочетание маркеров толерантного и интолерантного поведения наблюдаем в следующем фрагменте текста романа, репрезентирующего общение Грюнлиха и Кессельмейера: «–Ja, Kesselmeier, ich beschwöre Sie ... wenig, eine Kleinigkeit! ...Ich brauche nur nach rechts und links ein paar Aus- und Abschlagszahlungen zu machen, um mir wieder Respekt und Geduld zu verschaffen ... Halten Sie mich, und Sie werden ein großes Geschäft machen! Wie gesagt, eine Menge Angelegenheiten befinden sich in der Schwebе ... Alles wird sich zum Guten wenden ... Sie wissen, ich bin rege und findig

–Ja, ein Geck, ein Tapps sind Sie, mein Lieber! Wollen Sie nicht die übergroße Güte haben, mir zu sagen, was Sie jetzt noch ausfindig machen wollen? Vielleicht irgendwo in der weiten Welt eine Bank, die Ihnen auch nur einen Silbergroschen auf den Tisch legt? Oder noch einen Schwiegervater?... Ach nein ... Ihren Hauptcoup haben Sie doch wohl hinter sich! Dergleichen machen Sie nicht noch einmal! Alle Achtung! Na-hein, meine höchste Anerkennung ...»
[Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Да, Кессельмейер, заклинаю вас... Немного, сущие пустяки! Если я произведу кое-какие уплаты и частичные погашения, я верну себе доброе имя, и все опять будут терпеливо ждать... Поддержите меня ради собственной выгоды! Говорю вам, у меня наклеиваются крупные дела. Все уладится... Вы же знаете, я человек живой и находчивый...

– Вы дурак и балда, почтеннейший! Может быть, вы будете так любезны сообщить мне, что еще вы надеетесь найти со всей вашей находчивостью? Банк, который даст вам хоть ломаный грош? Или еще одного тестя?.. Ну нет, лучшая из ваших афер уже позади! Второй раз такую

штуку не выкинешь! Это было ловко сделано, ничего не скажешь! Что ловко, то ловко!» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Отметим, что коммуникативная толерантность, маркированная в речи Грюнлиха, имеет вполне тривиальные причины: он опасается разоблачения своих махинаций, в то время как г-н Кессельмайер не берет на себя труда каким-то образом обнадеживать своего собеседника, называя его прямо *дураком и балдой*.

Толерантность и интолерантность соотнесены в координатах персонажной зоны повествования – в диалоге Гофштеде и старшего Будденброка в следующем фрагменте: «– Diese beiden jungen Leute, – und er wies auf Tom und Christian, die in blauen Kitteln mit Ledergürteln bei ihm standen, – haben wir in der Königstraße getroffen, der Doktor und ich, als sie von ihren Studien kamen. *Prächtiger Bursche* – Frau Konsulin? Thomas, das ist *ein solider und ernster Kopf*; er muß Kaufmann werden, darüber besteht kein Zweifel. Christian dagegen scheint mir ein wenig Tausendsassa zu sein, wie? ein wenig Incroyable... *Allein ich verhehle nicht mein engouement*. Er wird studieren, dünkt mich; *er ist witzig und brillant veranlagt* ...

Herr Buddenbrook bediente sich seiner goldenen Tabakdose: –'n Aap is hei! Soll er nicht gleich *Dichter werden*, Hoffstede?» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«–Эти два молодых человека, – он указал на Тома и Христиана, стоявших подле него в синих курточках с кожаными поясами, – повстречались нам, мне и доктору, на Кенингштрассе, по которой они возвращались со своих учебных занятий. *Отличные ребята*, госпожа консульша! Томас – о, это *серьезный, положительный ум*! Не подлежит сомнению, что он станет негоциантом. Христиан же – тот, напротив, чуть-чуть шарлатан, а? Чуть-чуть incroyable. Но я не скрываю своего *engouement* к нему. Он пойдет по ученой части: *ум у мальчика острый, –великолепные задатки!*..

Господин Будденброк запустил два пальца в свою золотую табакерку:

– *Обезьяна он! Может, ему стать поэтом? А, Гофштеде?»* [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Маркерами коммуникативной толерантности поэта Гофштеде служат следующие лексические сочетания: *отличные ребята, серьезный, положительный ум, я не скрываю своего engouement к нему, ум у мальчика острый, великоленные задатки*. Интолерантность примечательна в речи Будденброка по отношению к своему внуку (*обезьяна он*) и к самому Гофштеде (*стать поэтом*), причем интолерантное отношение к последнему возникает в контексте случайно, ввиду контактного расположения высказываний старшего Будденброка.

В следующем примере также весьма значимым становится взаимодействие авторской и персонажной зон повествования в реализации коммуникативной толерантности и эмотивности: «–*Besten Dank*, – sagte er <Hoffstede>, nachdem er den Herren die Hände geschüttelt und vor den Damen – im besonderen vor der Konsulin, die er außerordentlich verehrte – ein paar seiner ausgesuchtesten compliments vollführt hatte, *compliments, wie die neue Generation sie schlechterdings nicht mehr zustande brachte*, und die von einem angenehm stillen und verbindlichen Lächeln begleitet waren.

– *Besten Dank für die freundliche Einladung, meine Hochverehrten*». [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– *Приношу сердечную благодарность*, – сказал он <Гофштеде>, пожав руки мужчинам и щегольнув перед дамами (в особенности перед консульшей, которую он почитал превыше всех остальных) парочкой-другой изысканнейших *комплиментов, какие уже не умело отпустить новейшее поколение*, и к тому же сопровождаемых приятнейшей и приветливейшей улыбкой. – *Приношу сердечную благодарность за любезное приглашение, друзья мои*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Толерантность персонажа обусловлена искренне дружеским отношением Гофштеде к семейству Будденброков, а эмотивность и оценочность реализованы здесь в авторской зоне повествования, которая, тем не менее,

все же взаимодействует с зоной пресонажной: высказывание *комплиментов*, *какие уже не умело отпускать новейшее поколение* явно принадлежит самому Гоштеде, а не автору-повествователю.

Такое же тесное взаимодействие авторской и персонажной зон повествования в плане реализации коммуникативной толерантности и эмотивности наблюдаем в следующем фрагменте: «Trina, die Köchin Trina, ein Mädchen, *das bislang nur Treue und Biedersinn an den Tag gelegt hatte, war plötzlich zu unverhüllter Empörung übergegangen. Zum großen Verdrusse der Konsulin* unterhielt sie seit einiger Zeit eine Freundschaft, eine Art von geistigem Bündnis mit einem Schlachtergesellen, und *dieser ewig blutige Mensch mußte die Entwicklung ihrer politischen Ansichten in der nachteiligsten Weise* beeinflussen haben. Als die Konsulin ihr wegen einer mißratenen Chalottensauce einen Verweis hatte zuteil werden lassen, hatte sie die nackten Arme in die Hüften gestemmt und sich wie folgt geäußert: «*Warten Sie man bloß, Fru Konsulin, dat duert nu nich mehr lang, denn kommt ne annere Ordnung in de Saak; denn sitt ick doar up'm Sofa in' sieden Kleed, un Sei bedeynen mich denn ...*». *Selbstverständlich war ihr sofort gekündigt worden*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Трина, кухарка Трина, до сих пор неизменно преданная и добросовестная, внезапно перешла к открытому возмущению. К вящему неудовольствию консульши, она в последнее время заключила дружбу, род духовного союза, с приказчиком из мясной лавки, и этот всегда окровавленный юноша, видимо, оказал губительное влияние на развитие ее политических воззрений. Едва только консульша начала выговаривать ей за неудавшийся луковый соус, как она уперла обнаженные руки в бока и сказала буквально следующее: «*Помяните мое слово, сударыня, вам уж недолго царевать! Скоро заведутся другие порядки, скоро я буду сидеть на диване в шелковом платье, а вы будете мне прислуживать...*» Само собой разумеется, ей было тотчас же отказано от места» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Представляется, что в

приведенном макроконтексте маркерами персонажной зоны реализации эмотивности являются неизменно *преданная и добросовестная, этот всегда окровавленный юноша, ей было тотчас же отказано от места*, тогда как авторская зона повествования представлена следующими лексемами и лексическими сочетаниями: *внезапно перешла к открытому возмущению, к вящему неудовольствию консульши, губельное влияние на развитие ее политических воззрений*. Отметим, что толерантность со стороны Будденброков и, прежде всего, со стороны Элизабет Будденброк, встречает интолерантность со стороны Трины, поддавшейся влиянию приказчика из мясной лавки (*Помяните мое слово, сударыня, вам уж недолго царевать! Скоро заведутся другие порядки, скоро я буду сидеть на диване в шелковом платье, а вы будете мне прислуживать...»*).

Коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности разнообразно реализован и с позиций авторской оценочности в отношении персонажей (применительно к эмотивности подробнее – см. об этом в п. 2.2). Так, например, в следующем контексте: *«Bei diesen Worten aber brach der alte M. Johann Buddenbrook einfach in Gelächter aus, in sein helles, verkniffenes Kichern, das er heimlich in Bereitschaft gehalten hatte. Er lachte vor Vergnügen, sich über den Katechismus mokieren zu können, und hatte wahrscheinlich nur zu diesem Zwecke das kleine Examen vorgenommen»* [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Старый Иоганн Будденброк неожиданно разразился смехом, вернее – хихикнул, громко и саркастически; этот смешок он уже давно держал наготове. Старика радовало, что вот опять удалось потешиться над катехизисом, – цель, ради которой, вероятно, и был учинен весь этот домашний экзамен» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html] примечательна позиция внешнего, но «всевидящего» автора-наблюдателя, маркерами которой выступают следующие лексические сочетания и высказывания: *неожиданно*

разразился смехом, хихикнул, громко и саркастически, радовало, что вот опять удалось потешиться над катехизисом, причем на такую позицию явно указывает употребление вводного слова вероятно.

Коммуникативно-прагматический потенциал эмотивности реализован и в следующем контексте (маркеры выделены курсивом): «*Sein <Johann Buddenbrook, der Ältere> rundes, rosig überhauchtes und wohlmeinendes Gesicht, dem er beim besten Willen keinen Ausdruck von Bosheit zu geben vermochte, wurde von schneeweiß gepudertem Haar eingerahmt, und etwas*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Его <Иоганна Будденброка-старшего> круглое розовое лицо, которому он при всем желании не умел придать выражения суровости, обрамлялось белыми, как снег, напудренными волосами» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном контексте вновь наблюдается реализация позиции внешнего наблюдателя – «всевидящего автора».

Необходимо подчеркнуть, что и авторская оценочность как один из прагматических аспектов эмотивности может включать некоторые компоненты, свойственные персонажной зоне повествования, например: «*Sie <Tony> ging schweigsam umher, sie lachte nicht mehr genug, sie verlor geradezu den Appetit und seufzte manchmal so herzbrechend, als ringe sie mit einem Entschlusse, um dann die Ihren kläglich anzusehen ... Man mußte Mitleid mit ihr haben. Sie magerte wahrhaftig ab und büßte an Frische ein*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Она <Тони> молча и уныло бродила по комнатам, редко смеялась, потеряла аппетит и временами вздыхала нестерпимо жалостно, словно борясь с какой-то навязчивой мыслью, и, вздохнув, грустно оглядывалась на тех, кто был подле нее. Не сострадать ей было невозможно. *Она очень похудела и выглядела уже не такой свеженькой*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Если вся первая часть контекста – это авторская зона повествования, то последнее предложение в

приведенном фрагменте *Она очень похудела и выглядела уже не такой свеженькой* – реализация персонажной точки зрения на героиню, здесь явно присутствует отношение к ней кого-то из близких: отца, матери или брата Томаса.

Глубоко эмоционально описание Элизабет Будденброк, которое дано в координатах авторской оценочности и эмотивности: «Ihre Schwiegertochter, die Konsulin Elisabeth Buddenbrook, eine geborene Kröger, lachte das Krögersche Lachen, das *mit einem pruschenden Lippenlaut* begann, und bei dem sie das Kinn auf die Brust drückte. Sie war, wie alle Krögers, *eine äußerst elegante Erscheinung*, und war sie auch keine Schönheit zu nennen, so gab sie doch mit ihrer hellen und besonnenen Stimme, ihren ruhigen, sicheren und sanften Bewegungen aller Welt ein Gefühl von Klarheit und Vertrauen» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Ее невестка, Элизабет Будденброк, урожденная Крегер, смеялась тем крегеровским хохотком, который начинался *неопределенным шипящим звуком*; смеясь, она прижимала к груди подбородок. Как все Крегеры, консульша *отличалась величавой осанкой*, и *хоть и не была красавицей*, но ее *чистый, ровный голос*, ее *спокойные, уверенные и мягкие движения* радовали всех и каждого своей *чинной неторопливостью*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Авторская оценка в приведенном фрагменте эмоциональна, т.к. передает отношение автора к персонажу (маркеры выделены курсивом), в том числе, и через обращение к оценочности персонажной (*крегеровским хохотком, как все Крегеры, не была красавицей*). Также авторская оценка поведения персонажа может предварять его портретное описание: «Der Konsul beugte sich mit einer etwas nervösen Bewegung im Sessel vornüber. Er trug einen zimmetfarbenen Rock mit breiten Aufschlägen und keulenförmigen Ärmeln, die sich erst unterhalb des Gelenkes eng um die Hand schlossen. Seine anschließenden Beinkleider bestanden aus einem weißen, waschbaren Stoff und waren an den Außenseiten mit schwarzen Streifen

versehen» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Консул нервно заерзал в креслах. Он был одет в светло-коричневый сюртук с широкими отворотами, с рукавами, пышными наверху и плотно облегающими руку от локтя до кисти, и в узкие белые панталоны с черными лампасами» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Коммуникативно-прагматический потенциал эмотивности и коммуникативной толерантности также позволяет актуализировать различные способы реализации психологизма в художественном тексте. Так, маркеры эмоционального состояния персонажей в толерантных / интолерантных коммуникативных ситуациях позволяют читателю воспринимать характеры героев не только как целостные, но и следить за их эволюцией на протяжении развития действия романа как семейной хроники. Так, в следующем макроконтексте «Und die kleine Antonie, *achtjährig und zartgebaut*, in einem Kleidchen aus ganz leichter changierender Seide, *den hübschen Blondkopf ein wenig vom Gesichte des Großvaters abgewandt*, *blickte aus ihren graublauen Augen angestrengt nachdenkend und ohne etwas zu sehen ins Zimmer hinein*, wiederholte noch einmal: – Was ist das, – *sprach* darauf *langsam*: – Ich glaube, daß mich Gott, – *fügte*, während ihr Gesicht sich aufklärte, *rasch hinzu*: – geschaffen hat samt allen Kreaturen, – *war plötzlich auf glatte Bahn geraten und schnurrte nun, glückstrahlend und unaufhaltsam*, den ganzen Artikel daher, getreu nach dem Katechismus, wie er soeben, anno 1835, unter Genehmigung eines hohen und wohlweisen Senates, neu revidiert herausgegeben war» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Маленькая Антония, *хрупкая восьмилетняя девочка* в платьице из легчайшего переливчатого шелка, *чуть отвернув белокурую головку от лица деда и напряженно глядяваясь в пустоту серо-голубыми глазами*, повторила еще раз: «Что сие означает?», – затем *медленно произнесла*: «Верую, что господь бог...» – *вдруг с прояснившимся лицом быстро добавила*: «...создал меня вместе с прочими тварями», – и, *войдя в*

привычную колею, вся так и светясь радостью, единым духом выпалила весь член катехизиса, точно по тексту издания 1835 года, только что выпущенного в свет с соизволения высокомудрого сената» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html] показательно как внешнее описание героини (*хрупкая восьмилетняя девочка, чуть отвернув белокурую головку от лица деда и напряженно глядя в пустоту серо-голубыми глазами, единым духом выпалила*) как бы «проявляющее» ее внутренний мир (*медленно произнесла, с прояснившимся лицом быстро добавила, войдя в привычную колею*), так и эмоциональные проявления персонажа (*вся так и светясь радостью*).

Читатель может наблюдать психологическое развитие героини: ее эмоциональность осталась той же, когда она стала взрослой, например, в следующем фрагменте: «– Unserer Zustimmung! – *wiederholte sie nach einer Pause, traurig und sogar mit einiger Bitterkeit.* – Lieber Gott, du weißt gut, Tom, daß du tun wirst, was du für richtig hältst, und daß wir anderen dir unsere Zustimmung nicht lange versagen können! ...Aber wenn wir ein Wort einlegen ... dich bitten dürfen, – *fuhr sie beinahe tonlos fort, und ihre Oberlippe begann zu beben* ... – Das Haus! Mutters Haus! Unser Elternhaus! In dem wir so glücklich gewesen sind! Wir sollen es verkaufen...!» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Без нашего согласия, – *помолчав, повторила она печально, даже горько.* – Боже мой! Ты ведь прекрасно знаешь, Том, что все будет сделано, как ты сочтешь нужным. За нашим согласием дело не станет. Но если нам можно сказать свое слово... попросить тебя...– *беззвучно добавила она, и верхняя ее губа задрожала.* – Дом! Мамин дом! Родительский дом! В котором мы были так счастливы! И его продать?..» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Через внешние проявления эмоциональности (выделены курсивом) автор воссоздает внутренние переживания Тони, тем самым, создавая эмотивный текст, благодаря чему читатель сопереживает создавшейся ситуации.

Безусловно, одна из наиболее показательных в отношении реализации коммуникативно-прагматического потенциала коммуникативной толерантности и эмотивности структур – это диалог между персонажами, в котором важную роль приобретают эмоциональные проявления обеих сторон коммуникации, к тому же широкие возможности возникают для включения в контекст маркеров, принадлежащих как персонажной зоне повествования (в данном случае – речевым характеристикам героев), так и авторской – замечаниям самого повествователя относительно происходящего и проявления внутреннего мира участников диалога, например: «–Nein ... Herr Oberlehrer ... Herr Doktor ... Einen Schlüssel?... Ich habe wahrhaftig keinen Schlüssel ... *Sie befinden sich im Irrtum ... Sie haben mich in einem falschen Verdacht ...*» Petersen redete, wie man eigentlich nicht zu reden pflegte. *Die Angst bewirkte, daß er ordentlich gewählt sprach, in der Absicht, dadurch den Ordinarius zu erschüttern. –Ich betrüge nicht, –sagte er aus übergroßer Not. –Ich bin immer ehrlich gewesen ... mein Lebtag!* Aber Doktor Mantelsack war *seiner traurigen Sache allzu sicher. – Geben Sie mir Ihr Buch, – sagte er kalt*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Нет, господин учитель...– господин учитель! Ключа, вы говорите? Право же, нет... *Вы ошибаетесь, питаете ложное подозрение...* – Петерсен говорил как-то необычно. *Страх заставил его прибегнуть к изысканным выражениям, которыми он надеялся произвести впечатление на доктора Мانتельзака. –Я вас не обманываю, – в тоске добавил он. –Я всегда был честен, всю жизнь!*

Но доктор Мانتельзак был слишком уверен в своей печальной правоте.

– Дайте мне книгу, –сухо сказал он» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном диалоге речь Петерсена коммуникативно толерантна и эмотивна, к тому же она сопровождается и авторскими замечаниями (*страх заставил его прибегнуть к изысканным выражениям, которыми он надеялся произвести*

впечатление), в то время как ответ доктора Мантельзака охарактеризован только с позиции автора (*сухо сказал*).

Коммуникативная толерантность свойственна Иоганну Будденброку-младшему, причем он сдерживает свои эмоции для реализации почтительного отношения к матери (*судите сами*) и нежелания посвящать в семейные дела посторонних (*тут же, оглянувшись на дверь, понизил голос*): «Aber es ist seine <Gotthold Buddenbrook> Schuld! – rief der Konsul beinahe laut und *mäßigte dann seine Stimme mit einem Blick nach dem Speisesaal*. – Es ist seine Schuld, dies traurige Verhältnis! *Urteilen Sie selbst!* Warum konnte er nicht vernünftig sein! Warum mußte er diese Demoiselle Stüwing heiraten und den ... Laden ... – Der Konsul *lachte ärgerlich und verlegen* bei diesem Worte. – Es ist eine Schwäche, Vaters Widerwille gegen den Laden; aber *Gotthold hätte diese kleine Eitelkeit respektieren müssen ...*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Но он <Готхольд Будденброк> сам виноват! – воскликнул консул довольно громко и *тут же, оглянувшись на дверь, понизил голос*: – Он, и только он, виноват во всей этой прискорбной истории. *Судите сами!* Почему он не мог вести себя разумно? Зачем ему понадобилось жениться на этой мадемуазель Штювинг с ее... лавкой? – Выговорив последнее слово, консул *досадливо и не без смущения рассмеялся*. – Конечно, нетерпимость отца в отношении этой злополучной лавки – чудачество, но *Готхольду следовало бы уважить маленькую слабость старого человека*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Значимы в этом контексте и маркеры авторской зоны повествования (*досадливо и не без смущения рассмеялся*), позволяющие углубить психологизм образа героя. На наш взгляд, коммуникативная толерантность Иоганна-младшего к своему отцу реализована и в высказывании *Готхольду следовало бы уважить маленькую слабость старого человека*.

Также показательным примером считаем следующий: «– Nein, du hast recht, Jean, *warte damit!* – sagte Madame Buddenbrook und erfaßte nach ihrer

Gewohnheit mit einer schnellen Bewegung den Arm ihres Sohnes. – Was soll darin stehen! – fügte sie *bekümmert* hinzu. – *Er gibt nicht nach*, der Junge. Er kapriziert sich auf diese Entschädigungssumme für den Anteil am Hause ... Nein, nein, Jean, noch nicht jetzt ... Heute abend vielleicht, vorm Zubettegehen ...

– Was tun? – wiederholte der Konsul, indem er den *gesenkten* Kopf schüttelte. – *Ich selbst habe Papa oft genug bitten wollen, nachzugeben ... Es soll nicht aussehen*, als ob ich, der Stiefbruder, mich bei den Eltern eingenistet hätte und gegen Gotthold intrigierte ... *auch dem Vater gegenüber muß ich den Anschein dieser Rolle vermeiden*» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Нет, ты прав, Жан! *Лучше повременить*, – отвечала мадам Будденброк и быстрым привычным движением дотронулась до плеча сына. – И о чем только он может писать? – *огорченно* добавила она. – *Все стоит на своем*, упрямец, и требует возмещения за дом... Нет, нет, Жан, только не сейчас... Может быть, позднее вечером, когда все разойдутся...

– Что делать? – повторил консул и *уныло* покачал головой. – *Я сам не раз готов был просить отца пойти на уступки... Нехорошо, чтобы люди думали*, будто я, единокровный брат, вошел в доверие к родителям и интрикую против Готхольда... *Да я не хочу, чтобы и отец хоть на минуту заподозрил меня в неблагоприятном поступке...*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Представляется, что в данном фрагменте важным средством создания эмотивного контекста, в котором значительную роль играют маркеры коммуникативной толерантности, являются высказывания персонажей. Мать Иоганна Буддендрока-младшего, Антуанетта Будденброк, весьма эмоционально реагирует на письмо Готхольда, о чем свидетельствует как интонационное оформление ее высказывания (восклицательные и вопросительные предложения, а также предложения, разделяемые большими паузами (обозначены многоточиями)), так и лексические доминанты, актуализирующие коммуникативную толерантность и эмотивность,

свойственные ее языковой личности (маркеры выделены курсивом). Теми же признаками характеризуется и речь ее сына Иоганна, который к тому же весьма четко отражает в своей речи нежелание вызвать подозрение в неподобающем, интолерантном поведении (*я не хочу, чтобы и отец хоть на минуту заподозрил меня в неблагоприятном поступке*). Важно отметить, что именно общественное мнение является здесь ведущим в формировании толерантного отношения друг к другу как внутри семьи, так и за ее пределами (*Нехорошо, чтобы люди думали*).

Коммуникативная лингвистика признает минимальной единицей общения диалогическое единство, которое состоит как минимум из двух реплик коммуникантов [Михайлов, 1994]. Диалогический текст является двусторонней коммуникацией, которая затрагивает пропозициональную предметность и иллокутивную направленность диалогических реплик. Мы согласны с М.Я. Блохом в том, что диалогическая последовательность двунаправленна, т.к. собеседники поочередно произносят реплики, которые могут состоять как из одного, так и из нескольких предложений, и общение осуществляется как бы навстречу друг другу [Блох, 2000].

Именно такое «движение навстречу друг другу наблюдается в диалогах, в пространстве которых прагматические маркеры коммуникативной толерантности являются структурообразующими, например: «– Aber sie häufen sich, Bethsy! Wir honorieren vier Leute im Hause, und du vergisest die vielen Männer, die im Dienste der Firma stehen!

– *Sollten wir wirklich einen Bedienten nicht erschwingen können? – fragte die Konsulin lächelnd, indem sie ihren Gatten mit seitwärts geneigtem Kopfe anblickte. – Wenn ich an das Personal meiner Eltern denke ...*

– Deine Eltern, liebe Bethsy! Nein, nun muß ich dich fragen, *ob du dir eigentlich über unsere Verhältnisse klar bist?*

– Nein, das ist wahr, Jean, *ich habe wohl nicht die hinlängliche Einsicht ...»*
[Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Но сколько таких расходов, Бетси! Мы оплачиваем четырех людей в доме, а ты забываешь жалованье конторским служащим.

– *Неужели уж нам не под силу держать лакея?* – с улыбкой спросила консульша, склонив голову и искоса взглядывая на мужа. – Когда я думаю о количестве прислуги у моих родителей...

– У твоих родителей, милая Бетси? Нет, я все-таки должен спросить: *достаточно ли ясно ты себе представляешь, как обстоят наши дела?*

– Ты прав, Жан, *я не очень-то во всем этом разбираюсь*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Супруги Будденброки говорят о расходах – это тема, которая может вызвать разногласия в семье, к тому же Элизабет Будденброк, в девичестве Креггер, не знала ни в чем ограничений, когда была не замужем, именно поэтому она постоянно сравнивает свою нынешнюю жизнь и уклад дома своих родителей. Необходимо отметить, что прагматическими маркерами коммуникативной толерантности выступают в данном макроконтексте обращения (*милая Бетси, Бетси, Жан*), а также сама форма вопросов, которые супруги задают друг другу (*Неужели уж нам не под силу держать лакея; достаточно ли ясно ты себе представляешь, как обстоят наши дела*). Важным маркером коммуникативной толерантности выступают и лексемы, обозначающие невербальное поведение (*с улыбкой спросила консульша, склонив голову и искоса взглядывая на мужа*), а также выражение согласия, опережающее сам конфликт, с целью его нивелировать (*я не очень-то во всем этом разбираюсь*). На настойчивые вопросы супруга «Ты поняла меня?», «Тебе стало все яснее?» Бетси отвечает утвердительно, хотя автор и отмечает ее внутреннее недоумение (маркеры выделены курсивом): «–Hast du mir folgen können? Die Konsulin nickte ein wenig zögernd, die Stickerei im Schoße.

–Recht gut, mein lieber Jean, – sagte sie, obgleich sie nicht alles verstanden hatte *und durchaus nicht begriff, warum alle diese großen Summen sie hindern sollten, einen Bedienten zu engagieren*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Ты поняла меня? Консульша, все еще державшая вышиванье на коленях, кивнула, впрочем, несколько неуверенно.

– Отлично поняла, мой милый Жан, – отвечала она, хотя отнюдь не все было ей понятно. *А главное, она не могла взять в толк: почему все эти крупные суммы должны помешать ей нанять лакея?»* [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. И такое коммуникативное поведение Элизабет, как подчеркивает автор, приносит свои плоды: «Übrigens wurde nach ein paar Tagen, als der Konsul gutgelaunt aus dem Kontor zu Tische kam, dennoch der Beschluß gefaßt, Möllendorpfs Anton zu engagieren» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Впрочем, несколько дней спустя, когда консул вернулся из конторы к обеду в отличнейшем расположении духа, было решено взять Антона, отпущенного Меллендорфами» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Интересно, что автор уже в самом начале романа реализует маркеры коммуникативной толерантности на различных уровнях текста, в том числе и вне зоны диалогических единств, на уровне повествования и авторских оценок, например: «Er <Johann Buddenbrook> wandte sich an seine Schwiegertochter, die seinem Geschmacke *beizupflichten pflegte*, während Mme. Antoinette <die Ehefrau von Johann Buddenbrook>, mehr aus Klugheit wohldenn aus Überzeugung, meistens *die Partei des Konsuls nahm*. So *reichten sich die beiden Generationen, im chasseur croisez gleichsam, die Hände*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Он <Иоганн Будденброк> обернулся к невестке, которая обычно соглашалась с его мнениями, тогда как мадам Антуанетта <супруга Иоганна Будденброка>, скорее из благоразумия, чем по убеждению, всегда *становилась на сторону* консула. Так оба поколения, словно в chasseur croise⁵,

⁵ крест-накрест — па в кадрили (фр.)

протягивали друг другу руки» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном контексте выделенные курсивом лексемы и лексические сочетания содержат в качестве одной из основных сему 'взаимопонимание, взаимопомощь': *соглашалась с мнениями, благоразумия, становилась на сторону, протягивали друг другу руки*, что позволяет их отнести к прагматически эффективным маркерам коммуникативной толерантности. Кроме того, важную семантическую нагрузку несут и лексемы, и синтаксические конструкции, имеющие обстоятельственное значение и усиливающее прагматику маркеров коммуникативной толерантности: *обычно, скорее ..., чем*.

Фрагментом, в котором коммуникативная толерантность и эмотивность выступают в тесном взаимодействии и продуцируют важный для восприятия характера персонажа контекст, считаем следующий: «– Ich sehe, – sagte er, indem er fortfuhr, zärtlich ihr Haar zu streicheln, – ich sehe, *mein liebes Kind*, daß du *von guten und lobenswerten Grundsätzen beseelt bist*. Allein ... ich kann nicht annehmen, daß du die Dinge betrachtest, wie sie, Gott sei's geklagt, betrachtet werden müssen: nämlich als Tatsachen. *Ich habe dich nicht gefragt, was du in diesem oder jenem Falle vielleicht tun würdest, sondern was du jetzt, heute, sogleich tun wirst. Ich weiß nicht, inwiefern du die Verhältnisse kennst oder ahnst ...*» [Манн: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Я вижу, – сказал он, продолжая с нежностью гладить ее по волосам, – *милое мое дитя*, что ты *воодушевлена самыми добрыми и достохвальными чувствами*. Но все же мне не кажется, что ты смотришь на все происходящее так, как, увы, следует на это смотреть, то есть как на совершившийся факт. *Я спрашивал тебя не о том, чтобы ты сделала в одном или в другом случае, а о том, что ты решишь сделать теперь, сегодня, сию минуту. Я не уверен, что ты достаточно понимаешь положение или догадываешься о нем...*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Иоганн Будденброк-младший говорит со своей дочерью Антонией о расторжении

брака с г-ном Грюнлихом по ее желанию, но, как это заметно по лексическим маркерам, выделенным курсивом, вовсе не пытается настаивать на давно созревшем решении: напротив, он сожалеет о неудачном замужестве дочери и просит ее о принятия самостоятельного решения при том, что Тони хочется сохранить доброе имя семейства Будденброков. Неслучайно поэтому отец говорит Тони: *Я спрашивал тебя не о том, чтобы ты сделала в одном или в другом случае, а о том, что ты решишь сделать теперь, сегодня, сию минуту.* Ведь Тони пытается до последнего соответствовать ожиданиям семьи.

Важные аспекты толерантной коммуникации заметны и в следующем фрагменте: «Der jüngere Hausherr hatte, als der allgemeine Aufbruch begann, mit der Hand nach der linken Brustseite gegriffen, wo ein Papier knisterte, *das gesellschaftliche Lächeln war plötzlich von seinem Gesicht verschwunden, um einem gespannten und besorgten Ausdruck Platz zu machen, und an seinen Schläfen spielten, als ob er die Zähne aufeinander bisse, ein paar Muskeln. Nur zum Schein machte er einige Schritte dem Speisesaale zu, dann aber hielt er sich zurück* und suchte mit den Augen seine Mutter, die als eine der letzten, an der Seite Pastor Wunderlichs, die Schwelle überschreiten wollte» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Когда все шествие двинулось в столовую, младший хозяин схватился за левый нагрудный карман своего сюртука, – там хрустнула какая-то бумага, – *и любезная улыбка, внезапно сбегавшая с его лица, уступила место озабоченному, удрученному выражению; на висках у него напряглись и заиграли жилки, как у человека, крепко стиснувшего зубы. Для виду сделав несколько шагов по направлению к двери, он отступил в сторону* и отыскал глазами мать, которая в паре с пастором Вундерлихом замыкала процессию и уже готовилась переступить порог столовой» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Примечательно, что, исходя из правил приличия и принципов вежливости Иоганн Будденброк сдерживает эмоции, хотя ему и предстоит трудное решение и напряженный

разговор сначала с матерью, а затем и с отцом – Иоганном Будденброком-старшим (*любезная улыбка, внезапно сбежавшая с его лица, уступила место озабоченному, удрученному выражению; на висках у него напряглись и заиграли жилки, как у человека, крепко стиснувшего зубы*). Те же важные доминанты сдержанности для реализации достойного поведения заметны и во внешних поведенческих проявлениях Иоганна (*Для виду сделав несколько шагов по направлению к двери, он отступил в сторону*).

Отметим, что автор имплицитно акцентирует внимание читателя как на эффективности коммуникативной толерантности, так и на том, что открытое выражение собственных убеждений может вызвать симпатию у оппонента. После такого непростого по своей прагматике диалога единокровные братья неожиданно обретают взаимопонимание (хотя читатель ожидает длительного и сложного конфликта), конфликт разрешается сам собой: «... da erbot sich Gotthold Buddenbrook, den Konsul zu begleiten, weil er ihn unter vier Augen zu sprechen wünsche. Und siehe da: hier, neben dem Stiefbruder auf dem Rücksitz der hohen, weiten, plumpen Kutsche, eins seiner kurzen Beine über das andere gelegt, zeigte er sich *versöhnlich und sanft*. Er erkenne, sagte er, mehr und mehr, daß *der Konsul handeln müsse*, wie er es tue, und *das Andenken des Vaters solle für ihn kein böses sein*. Er *verzichte auf seine Ansprüche*, und zwar um so lieber, als er gesonnen sei, sich von allen Geschäften zurückzuziehen und sich mit seinem Erbe und dem, was ihm sonst erübrige, zur Ruhe zu setzen, denn das Leinengeschäft mache ihm wenig Freude und gehe so mäßig, daß er sich nicht entschließen werde, noch mehr hineinzustecken ... «*Der Trotz gegen den Vater hat ihm keinen Segen gebracht!*» – dachte der Konsul mit einem inneren frommen Aufblick; und Gotthold dachte wahrscheinlich dasselbe» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Готхольд Будденброк вызвался проводить консула, объяснив это своим желанием переговорить с ним с глазу на глаз. И что же: сидя рядом с братом в высокой, громоздкой и неуклюжей карете и положив одну короткую ногу на другую, Готхольд проявил *неожиданную кротость и*

сговорчивость. Он объявил, что чем дальше, тем больше *понимает правоту консула* в этом деле и что *не хочет поминать лихом покойного отца*. Он *отказывается от своих притязаний* тем охотнее, что решил вообще покончить с коммерцией и, уйдя на покой, жить на свою долю наследства и на то, что ему удалось скопить. Бельевой магазин все равно доставляет ему мало радости и торгует так вяло, что он не рискнет вложить в него дополнительный капитал.

«*Господь не взыскует милостью строптивного сына*», – подумал консул, возносясь душою к богу.

И Готхольд, вероятно, подумал то же самое» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. Примечательны в приведенном макроконтексте прагматические маркеры коммуникативной толерантности, принадлежащие как авторской (*неожиданную кротость и сговорчивость*), так и персонажной зоне повествования (*понимает правоту консула, не хочет поминать лихом покойного отца, отказывается от своих притязаний*), где приведенные лексемы и лексические сочетания являются репрезентантами несобственно прямой речи персонажа, а также прямые высказывания, являющиеся компонентами внутренней речи самого Иоганна («*Господь не взыскует милостью строптивного сына*»).

Безусловно, коммуникативно-прагматическая категория коммуникативной толерантности и функционально-семантическая категория эмотивности способствуют в текстовом пространстве романа «Будденброки» созданию социокультурного контекста бюргерства. Причем бюргерство понимается, как мы указывали в п. 2.1, прежде всего, как образ жизни независимого гражданина, который воспринимает свое существование как служение личной и общественной пользе. Мы согласны с Ю.Н. Лебедевой в том, что «значение бюргерского начала в «Будденброках» не ограничивается жанровым сходством и стилистическими заимствованиями. Его невозможно не учитывать при анализе перспективы повествования, которая характеризует не только повествователя, но и его отношение к

повествуемому миру и персонажам романа. Это отношение, безусловно, не однозначно и не исчерпывается бюргерской тематикой» [Лебедева, 2015: 89].

Отметим в этой связи, что персонажи романа Т. Манна организуют свое существование сообразно своим представлениям о порядке, поэтому и несоответствие таким идеалам вызывает неизменное раздражение у них, например: «Es war bald sechs Uhr, und obgleich die Dämmerung weit vorgeschritten war, hingen die Öllampen unangezündet an ihren Ketten über der Straße. Diese Tatsache, diese offenbare und unerhörte Unterbrechung der Ordnung, war das erste, was den Konsul Buddenbrook aufrichtig erzürnte, und sie war schuld daran, daß er in ziemlich kurzem und ärgerlichem Tone zu sprechen begann: – Lüd, wat is dat nu bloß für dumm Tüg, wat Ji da anstellt!» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«Время близилось к шести часам; сумерки уже сгустились, но фонари, подвешенные на протянутых через улицу цепях, не были зажжены. Такое явное и неслыханное нарушение порядка сразу вывело из себя консула и заставило его обратиться к толпе тоном раздраженным и резким:

– Эй, ребята, что за ерунду вы затеяли?» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. В приведенном макроконтексте идет речь о событиях 1848 года, когда любой из бюргеров мог пострадать от восставшего народа, однако Иоганну Будденброку и в голову не пришло задуматься о такой опасности. Уверенность в себе и в своей правоте, в своих представлениях о миропорядке позволило ему уладить назревающий конфликт, который мог закончиться кровопролитием. При том, что высказывание Будденброка можно расценить как интолерантное (*что за ерунду вы затеяли*), само обращение к толпе *ребята*, эмоциональность консула, а также его непререкаемый авторитет в Любеке позволяют считать коммуникацию Будденброка с собравшимися у ратуши эффективной.

Также важно отметить, что бюргеры круга Будденброков склонны проявлять коммуникативную толерантность даже вне присутствия конкретного человека в данной коммуникативной ситуации. На наш взгляд,

это является не только следствием правильного воспитания, но и показателем бюргерской идеологии. Так, рассуждая о прежних хозяевах дома, в котором теперь живут Будденброки, маклер Гретьенс говорит: «–Tja, traurig, <...>, wenn man bedenkt, welcher Wahnsinn den Ruin herbeiführte ... Wenn Dietrich Ratenkamp damals nicht diesen Geelmaack zum Kompagnon genommen hätte! Ich habe, weiß Gott, die Hände über dem Kopf zusammengeschlagen, als der anfing zu wirtschaften» [Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– Еще бы не тяжело, <...> когда вспомнишь, какое безумие послужило причиной этого упадка... О, если бы не этот Геельмак, которого Дитрих Ратенкамп взял тогда себе в компаньоны! Я просто за голову схватился, когда тот начал хозяйничать» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html].

Отметим также, что само описание быта бюргерства также эмотивно, что связано, разумеется, и с происхождением самого Т. Манна из бюргерского семейства, и с основной эстетической целью данного художественного текста – воссоздание существования семейства на протяжении нескольких поколений в соответствии с требованиями жанра семейной хроники. Контекстов, в которых находим подробное описание жизни бюргеров, самой эпохи, когда Будденброки переживают расцвет, а затем и закат рода, можно выделить значительное количество. Например, в самом начале романа в описании новоселья Будденброков выделим следующий фрагмент: «*Wie gesagt, alle Achtung, Buddenbrook!*– übertönte die wuchtige Stimme des Herrn Köppen das allgemeine Gespräch, als das Folgmädchen mit den nackten, roten Armen, dem dicken, gestreiften Rock, unter der kleinen weißen Mütze auf dem Hinterkopf, unter Beihilfe Mamsell Jungmanns und des Mädchens der Konsulin von oben, die heiße Kräutersuppe nebst geröstetem Brot serviert hatte und *man anfing, behutsam zu löffeln*»[Mann: URL: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>].

«– *Ну-с, доложу я вам, есть с чем поздравить Будденброка!*– Мощный голос г-на Кеппена перекрыл гул застольной беседы как раз в минуту, когда горничная с обнаженными красными руками, в домотканой полосатой юбке и в маленьком белом чепчике на затылке, при деятельном участии мамзель Юнгман и второй горничной «сверху» – то есть из апартаментов консульши – подала на стол гренки и дымящийся бульон с овощами, и *кое-кто уже неторопливо приступил к еде*» [Манн: URL: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html]. На наш взгляд, здесь важна толерантная коммуникация персонажей (*Ну-с, доложу я вам, есть с чем поздравить Будденброка!*), и описание застолья и гостей (*кое-кто уже неторопливо приступил к еде*). Представляется, что ключевой здесь выступает лексема *неторопливо*: именно неторопливо, чинно течет беседа, с чувством собственного достоинства живут бюргеры, и автор не скрывает своей симпатии к такому социокультурному контексту бюргерства.

Безусловно, сама утрата «жизненной силы», о которой часто говорит и еще более размышляет Томас Будденброк, все более подводят семейство к экономическому и моральному распаду, и Т. Манн не скрывает своего эмоционального отношения к таким подчас не зависящим от его героев обстоятельствам. Ю.Н. Лебедева правомерно указывает, что «применительно к анализу повествовательных структур особенно важна связь, которую Т. Манн проводил между бюргерским началом и понятием формы, в том числе литературного выражения. Художественные искания Т. Манна представляют собой один из вариантов переживания кризиса культуры, ощущение которого было свойственно эпохе рубежа XIX – XX вв.» [Лебедева, 2015: 44].

Таким образом, тесное взаимодействие коммуникативной толерантности и эмотивности в структуре художественного текста позволяют реализовать коммуникативно-прагматический потенциал этих категорий: он актуализирован как в авторской, так и в персонажной зонах повествования и формируется посредством функций коммуникативной толерантности и эмотивности. На основании анализа языкового материала нами выделены

несколько доминантных функций: оценка на основании толерантного / интолерантного отношения персонажей друг к другу; авторская оценочность и проявление такой оценки в отношении характеров персонажей, их действий и мыслей по поводу персонажных особенностей; реализация метода психологизма, позволяющего воплотить эволюцию характеров персонажей; воссоздание социокультурного контекста бюргерства в текстовом пространстве романа.

Выводы

Как толерантное оценивается речевое поведение языковой личности, предполагающее осознание хотя бы одним из коммуникантов затруднений своего собеседника в общении, которое, в свою очередь обуславливает определенные действия для нейтрализации таких затруднений и их устранения. При этом возможен, в том числе, и неэффективный диалог. Поэтому отсутствие конфликта или разногласий между коммуникантами вовсе не свидетельствует об их абсолютном взаимопонимании: напротив, это может говорить о безразличии участников коммуникации к аксиологическим системам друг друга, и в этом случае категория коммуникативной толерантности не организует такое общение.

Анализ языкового материала позволил прийти к следующим выводам: в романе Т. Манна «Будденброки» коммуникативно-прагматическая категория коммуникативной толерантности представляет собой фундамент взаимодействия персонажей именно с целью снятия конфликтности вне выяснения каких-либо мировоззренческих позиций личности. Маркеры коммуникативной толерантности характеризуются разноуровневой текстовой принадлежностью не только в рамках диалогических единств, но и на уровне повествования и авторских оценок. Особо нами были выделены такие макроконтексты, в которых маркеры коммуникативной толерантности, свойственные персонажной зоне и реализуемые в диалогах героев, тесно взаимодействуют с авторской зоной повествования, содержащей оценку действий, поступков и эмоций персонажей.

Диалог в координатах типовой коммуникативной ситуации является коммуникативно толерантным, если он способствует так называемой «внешней» эффективности и бесконфликтности диалогового общения, а собеседники обоюдно избегают конфликтных ситуаций, чтобы не «наносить ущерба другому». Именно такие диалоги свойственны тексту романа «Будденброки»: одной из диалогических целей становится демонстрация уважительного отношения младшего поколения к старшему, понимание своего места и твердое наследование устоявшихся норм и правил. На лексическом уровне коммуникативная толерантность реализуется при опоре на номинации предмета в аспекте толерантности / интолерантности высказывания. Т. Манн имплицитно акцентирует внимание читателя как на эффективности коммуникативной толерантности, так и на том, что открытое выражение собственных убеждений способно вызвать симпатию оппонента.

Интонация собеседников также является одним из важных прагматических компонентов коммуникации, которые отражают уровень коммуникативной толерантности. Для диалогической речи свойственна тесная взаимосвязь оценки коммуникативной ситуации участниками общения: адресат, на которого направлена реплика адресанта, определенным образом интерпретирует и оценивает не только сами реплики, их семантику, но и их интонацию. С целью передачи интонации и корректного ее декодирования читателем автор романа обращается к лексическим маркерам, указывающим на тот тон, которым произнесено то или иное высказывание персонажа, а также к графическим средствам: таковы многоточия для обозначения пауз, восклицательный и вопросительный знаки.

Проанализированный с позиций коммуникативно-прагматического подхода языковой материал позволяет говорить о многообразии способов реализации коммуникативной толерантности в случае, если коммуниканты испытывают друг другу симпатию или, по крайней мере, не антипатичны друг другу. Если же коммуникативная ситуация свидетельствует о явном нежелании продолжения общения, несогласии по каким-либо важным

мировоззренческим проблемам и т.п., то коммуникативная толерантность затруднительна для персонажей романа, и в этом случае они прибегают к устойчивым этикетным формулам и обращениям. Нами также выявлено, что в тексте романа представлены контексты, в которых ориентированность участников общения на принципы коммуникативной толерантности и на соответствующее речевое поведение, с одной стороны, способствуют бесконфликтному диалогу, но, с другой, это не позволяет собеседнику в полной мере реализовать коммуникативное намерение, выразить собственную, часто отрицательную, оценку происходящего либо самого высказывания, которое к нему обращено. Поэтому можно говорить о том, что коммуникативная толерантность способна нанести ощутимый вред в плане самой возможности адекватной оценки искренности того или иного коммуниканта.

В романе «Будденброки» эмотивы с положительной оценкой в речи персонажей употребляются с целью характеристики их эмоционального мира, выстраивания их характеров и демонстрации их взаимоотношений с другими героями, а употребление эмотивов с отрицательной оценкой вовсе не свидетельствует о негативном отношении представителей семьи Будденброков к окружающим: напротив, такие эмотивы раскрывают основную черту лучших представителей этого семейства –искренность, часто несовместимую с коммуникативной толерантностью. Искренность семейства Будденброков обусловлена, в числе прочего, и тем, что благополучие семьи стабильно и обеспечено достаточными материальными ресурсами, и эта материальная стабильность позволяет Будденброкам быть уверенными в своих оценках обстоятельств и людей, а также открыто высказывать собственное мнение. Нами также установлено, что эмотивы с отрицательной оценкой, употребляемые персонажами, в романе зачастую сопровождаются авторской речью.

Текстовое пространство романа Т. Манна включает также описания невербальных проявлений эмоций персонажей. По всей видимости,

вербализацию таких чувств, не выраженных с помощью языковых и речевых средств, нельзя напрямую связывать лишь с авторской зоной повествования: зачастую они представляют собой как бы взгляд героя на самого себя «со стороны». Наиболее показательными в плане репрезентации такой скрытой эмотивности, не явленной в речи персонажей, но являющейся следствием глубоких переживаний, следует считать те фрагменты текста романа, в которых автор представляет своего рода психологическую кульминацию развития образа героя. Также одним из значимых в плане реализации эмотивности способов в художественном тексте является краткая портретная характеристика.

Одно из важных средств выражения эмотивности в художественном тексте – субъективная модальность, маркеры которой весьма разнообразно представлены в персонажной и авторской зонах повествования, а наибольшей частотностью в обеих зонах повествования обладают вводные слова и сочетания, вставные конструкции, а также частицы, актуализирующие сослагательное наклонение в контекстах. Функционально-семантическая категория эмотивности репрезентирована в контекстах посредством маркеров авторской оценочности, проявляющейся в художественном тексте на всех его уровнях, как в авторской, так и в персонажной зонах повествования ввиду намеренного стирания границ между ними.

Поскольку коммуникативная толерантность в качестве одного из своих необходимых уровней включает и эмоциональный, мы будем рассматривать коммуникативную толерантность и эмотивность в пространстве художественного текста как неразрывно связанные категории, имеющие обширный коммуникативно-прагматический потенциал как в плане реализации художественного замысла автора, так и в отношении эффективного воздействия на когнитивную деятельность и языковую картину мира читателя – адресата такого эстетического высказывания.

Коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности в романе Т. Манна определяется теми функциями, которые обе категории реализуют в художественном тексте. Анализ языкового материала показал, что коммуникативная толерантность / интолерантность и эмотивность зачастую неотделимы друг от друга и характеризуются синтезом признаков, что позволяет считать реализацию категорий в художественном тексте как синкретическую.

Анализ языкового материала позволил выделить несколько доминантных функций, обеспечивающих реализацию в художественном тексте коммуникативно-прагматического потенциала коммуникативной толерантности и эмотивности: оценка на основании толерантного / интолерантного отношения персонажей друг к другу; авторская оценочность и проявление такой оценки в отношении характеров персонажей, их действий и мыслей по поводу персонажных особенностей; реализация метода психологизма, позволяющего воплотить эволюцию характеров персонажей; воссоздание социокультурного контекста бюргерства в текстовом пространстве романа.

Заключение

В настоящее время обсуждение и исследование сущности понятия коммуникативной толерантности приобрело универсальный характер для гуманитарных наук в целом. Коммуникативная толерантность, основанная на уникальном и важном по своей природе явлении толерантности, связана со многими близкими понятиями – такими как терпимость, сострадание, сочувствие, соучастие, сопереживание, эмпатия и эмоциональная устойчивость. Как завоевание человеческого общества, оно остается недостаточно изученным явлением.

Коммуникативная толерантность трактуется в научной парадигме лингвистики с позиций философских, социолингвистических, прагматических, лингвокультурологических, психолингвистических универсалий. Виды и уровни коммуникативной толерантности языковой личности в речевых условиях детерминированы коммуникативной компетентностью языковой личности, а также видами коммуникации (ситуативной, типологической, профессиональной, общей). Выбор речевых и языковых средств реализации коммуникативной толерантности обуславливаются ее определенным уровнем, свойственным языковой личности. Коммуникативная толерантность определяется индивидуальными характеристиками языковой личности, которые, в свою очередь, обуславливаются ее жизненным опытом, свойствами характера, нравственными принципами, возрастными особенностями и гендерной принадлежностью. Коммуникативно-прагматическая категория коммуникативной толерантности включает эмоциональную компетентность, эмпатию, способность к разрешению конфликтов, самоконтроль и самоопределение языковой личности.

В процессе исследования мы сформулировали определение коммуникативной толерантности: *это способность языковой личности к терпимости, пониманию и принятию точки зрения коммуниканта в межличностном конструктивном диалоговом общении, которое основано на*

достижении взаимопонимания, с учетом национально-культурных, традиционных и ситуативных особенностей коммуникативного поведения, при использовании языковых и речевых средств толерантной коммуникации.

Коммуникативная толерантность рассматривается в настоящем исследовании как неотъемлемая характеристика авторской и персонажной зон повествования художественного текста. Методика коммуникативно-прагматического анализа определяет исследовательский интерес к объему содержательной информации такого текста, что, в свою очередь, способствует выявлению основной темы и микротем фрагмента, характеристики времени и пространства происходящих в таком тексте событий, персонажной сферы, авторской оценочности и субъективной модальности.

Коммуникативная толерантность формируется в процессе развертывания текста при опоре на синтонные и конфликтогенные маркеры конкретного речевого акта. Коммуникативный репертуар языковой личности автора и его героев определяется отдельными коммуникативными тактиками, свойственными конкретной лингвокультуре, и общей коммуникативной стратегией конкретного речевого акта как его целевой интенцией в тексте. Коммуникативно-прагматический анализ художественного текста позволяет определить и непротиворечиво описать коммуникативные маркеры, реализующие толерантное / интолерантное общение персонажей, которое зафиксировано на всех уровнях текста, а также установить индивидуально-авторские особенности вербализации коммуникативной толерантности / интолерантности с помощью языковых и речевых средств.

В процессе исследования нами установлено, что коммуникативная толерантность диалектически связана с эмоциональным интеллектом и, как следствие, с эмоциональностью в художественном тексте, репрезентированном его эмотивностью. Как мотивирующая основа сознания, эмоции определяют уровень коммуникативной компетентности, а также

особенности ее проявления в процессе общения и выбор продуцентом высказывания определенных средств коммуникативной толерантности.

Эмотивность рассматривается в исследовательской концепции настоящей диссертации как функционально-семантическая категория, реализуемая в дискурсивной деятельности языковой личности. Эмотивность – это лингвистический компонент эмоциональности, т.к. эмоциональность вербализуется посредством эмотивов. Современная лингвистика рассматривает эмотивность не на основе анализа отдельных эмотивных единиц, а посредством выявления эмоционально-смысловых доминант, эмотивных тем, субъективных смыслов, являющихся текстовыми элементами.

Эмотивная семантика текста манифестирует как характер коммуникативной ситуации, так и психологические особенности участников общения. Поэтому коммуникативная ценность эмотивной семантики слова определяется той смысловой информацией, которую оно несет. Эмотивные языковые средства выступают основным источником эмотивности текста, различные способы описания эмотивных ситуаций могут быть непротиворечиво исследованы в границах от слова до текста. Современная лингвистика проявляет особый интерес к взаимодействию внешнего и внутреннего в эмоциях человека, синтезу и расподоблению «внешнего» и «внутреннего» пространств художественного текста, способам и механизмам репрезентации эмоций в художественном тексте.

Если в процессе общения хотя бы один из коммуникантов осознает затруднения своего собеседника и предпринимает конкретные речемыслеительные действия для их нейтрализации, такое коммуникативное поведение может рассматриваться как толерантное. Однако, по нашим наблюдениям, при этом возможен и неэффективный диалог, когда отсутствие конфликта или разногласий между участниками общения не является свидетельством их абсолютного взаимопонимания, а отражает безразличие коммуникантов к аксиологическим системам друг друга.

Анализ языкового материала позволил прийти к следующим выводам: в романе Т. Манна «Будденброки» коммуникативно-прагматическая категория коммуникативной толерантности является фундаментом взаимодействия персонажей именно с целью снятия конфликтности вне выяснения каких-либо мировоззренческих позиций личности. Маркеры коммуникативной толерантности принадлежат разным уровням текста как в рамках диалогических единств, так и в авторской зоне повествования. Особо нами были выделены такие макроконтексты, в которых маркеры коммуникативной толерантности, свойственные персонажной зоне и реализуемые в диалогах героев, тесно взаимодействуют с авторской зоной повествования, содержащей оценку действий, поступков и эмоций персонажей.

Диалог в координатах типовой ситуации общения коммуникативно толерантен, если он способствует бесконфликтной коммуникации, а собеседники обоюдно избегают конфликтных ситуаций. Именно такие диалоги свойственны тексту романа «Будденброки»: одной из диалогических целей становится демонстрация уважительного отношения младшего поколения к старшему, понимание своего места и твердое наследование устоявшихся норм и правил. На лексическом уровне коммуникативная толерантность реализуется при опоре на номинации предмета в аспекте толерантности / интолерантности высказывания. Т. Манн имплицитно акцентирует внимание читателя как на эффективности коммуникативной толерантности, так и на том, что открытая, интолерантная экспликация собственных убеждений способна вызвать симпатию оппонента.

Одним из определяющих прагматических компонентов коммуникации, характеризующих уровень коммуникативной толерантности, является интонация собеседников. Диалогическая речь характеризуется тесной взаимосвязью оценки коммуникативной ситуации участниками общения: адресат, на которого направлена реплика адресанта, определенным образом интерпретирует и оценивает не только сами реплики, их семантику, но и их

интонацию. С целью передачи интонации и корректного ее декодирования читателем Т. Манн обращается к лексическим маркерам тона, которым произнесено высказывание персонажа, а также к графическим средствам - многоточиям для обозначения пауз, восклицательному и вопросительному знакам, обозначающим соответствующую интонацию.

Анализ языкового материала также позволил прийти к выводам о многообразии способов реализации коммуникативной толерантности в случае, если коммуниканты испытывают друг другу симпатию или, по крайней мере, не антипатичны друг другу. Если же коммуникативная ситуация свидетельствует о явном нежелании продолжения общения, несогласии по каким-либо важным мировоззренческим проблемам и т.п., то коммуникативная толерантность затруднительна для персонажей романа, и в этом случае они прибегают к устойчивым этикетным формулам и обращениям. В тексте романа представлены контексты, в которых ориентированность участников общения на принципы коммуникативной толерантности и на соответствующее речевое поведение, с одной стороны, способствуют бесконфликтному диалогу, а с другой, такая направленность коммуникации не позволяет собеседнику в полной мере реализовать собственное коммуникативное намерение. Поэтому можно говорить о том, что коммуникативная толерантность может препятствовать осуществлению адекватной оценки искренности коммуниканта.

В романе «Будденброки» эмотивы с положительной оценкой в речи персонажей употребляются с целью характеристики их эмоционального мира, выстраивания их характеров и демонстрации их взаимоотношений с другими героями, а употребление эмотивов с отрицательной оценкой свидетельствуют не о негативном отношении Будденброков к окружающим, а об искренности представителей семейства, часто несовместимой с коммуникативной толерантностью. В ходе исследования определено, что эмотивы с отрицательной оценкой, употребляемые персонажами, в романе зачастую сопровождаются авторской речью.

В текстовом пространстве романа Т. Манна значимы описания невербальных проявлений эмоций персонажей, которые неверно напрямую связывать лишь с авторской зоной повествования, т.к. они представляют собой как бы взгляд героя на самого себя «со стороны». Наиболее показательными в плане репрезентации такой не вербализованной в речи персонажей эмотивности, являющейся следствием глубоких переживаний, следует считать те фрагменты текста романа, в которых автор представляет своего рода психологическую кульминацию развития образа героя. Портретная характеристика также выступает одним из значимых в плане реализации эмотивности способов в художественном тексте.

Одним из важных средств выражения эмотивности в художественном тексте является субъективная модальность, маркеры которой весьма разнообразно представлены в персонажной и авторской зонах повествования. Наиболее частотны в обеих зонах повествования обладают вводные слова и сочетания, вставные конструкции, а также частицы, актуализирующие сослагательное наклонение в контекстах. Маркеры авторской оценочности репрезентируют эмотивность как в авторской, так и в персонажной зонах повествования ввиду намеренного стирания границ между ними.

На основании выделения в рамках коммуникативной толерантности эмоционального уровня мы рассматриваем коммуникативную толерантность и эмотивность в пространстве художественного текста как неразрывно связанные категории, для которых характерен обширный коммуникативно-прагматический потенциал как в плане реализации художественного замысла автора, так и в отношении эффективного воздействия на когнитивную деятельность и языковую картину мира читателя – адресата такого эстетического высказывания.

В романе Т. Манна «Будденброки» коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности определяется функциями этих категорий в художественном тексте. Анализ языкового материала показал, что для коммуникативной толерантности /

интолерантности и эмотивности свойственны общие признаки, что обеспечивает синкретический характер их реализации в художественном тексте. Доминантные функции, позволяющие реализовать коммуникативно-прагматический потенциал коммуникативной толерантности и эмотивности в художественном тексте, включают: оценку на основании толерантного / интолерантного отношения персонажей друг к другу; авторскую оценочность и проявление такой оценки в отношении характеров персонажей, их действий и размышлений о собственных особенностях; реализацию метода психологизма, посредством которого в тексте может быть представлена эволюция характеров героев; воссоздание социокультурного контекста бюргерства в текстовом пространстве романа «Будденброки».

Перспективным в заявленном ракурсе исследования представляется выявление и описание приоритетных коммуникативных стратегий и тактик, которые организуют семантическое пространство художественного текста в соответствии с авторскими интенциями. Коммуникативно-прагматический подход определяет новые направления в изучении рецептивно-интерпретативной деятельности адресата художественного текста, в частности, социо- и лингвокультурную специфику в восприятии параметров коммуникативной толерантности и эмотивности.

Библиографический список

1. Аверина, А.В. Проявление грамматических свойств модальных частиц немецкого языка в сложном предложении / А.В. Аверина // Вестник КГУ. – 2015. – № 2. – С. 145-149.
2. Азнабаева, Л.А. Междометие как средство выражения эмпатии (на материале французского языка) / Л.А. Азнабаева, А.А. Анищенко // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2015. – № 2 (26). – С. 63-68.
3. Алефиренко, Н.Ф. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 232 с.
4. Алсынбаева, Р.Г. Логическая и лингвистическая сущность категории модальности / Р.Г. Алсынбаева // Вестник Башкирского университета. – 2013. – № 1. – С. 181-184.
5. Анциферова, Л.И. К психологии личности как развивающейся системы / Л.И. Анциферова // Психология формирования и развития личности: сб. статей / отв. ред. Л.И. Анциферова; АН СССР, Ин-т психологии. – М.: Наука, 1981. – С. 3-19.
6. Апт, С.К. Томас Манн / С.К. Апт. – М.: Мол. гвардия, 1972. – 352 с.
7. Апт, С.К. Над страницами Томаса Манна / С.К. Апт. – М.: Сов. писатель, 1980. – 394 с.
8. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования: [по спец. «Иностр. яз.»] / И.В. Арнольд. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с. .10
9. Асмус, В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус – М.: Высшая школа, 2009. – 400 с.
10. Асташова, Н.А. Проблема воспитания толерантности в системе образовательных учреждений / Н.А. Асташова // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. – М.: Изд-во МПСУ, 2002. – С. 74-83.

11. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во УралГУ, 1989. – 184 с.
12. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник / Л.Г. Бабенко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 496 с.
13. Багироков, Х.З. К вопросу о понятиях «Родной язык» и «Неродной язык» / Х.З. Багироков, З.У. Блягоз // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – Вып. 2. – С. 130-133.
14. Баева, Л.В. Толерантность: идея, образы, персоналии: монография / Л.В. Баева. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2009. – 217 с.
15. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
16. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
17. Бахтин, М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
18. Безюлева, Г.В. Толерантность: взгляд, поиск, решение / Г.В. Безюлева, Г.М. Шеламова. – М.: Вербум, 2003. – 168 с.
19. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – 2-е изд. испр. – М.: Высшая школа, 2000. – 160 с.
20. Богатова, Е.Б. Типологизация перифраз с позиций деятельностной концепции / Е.Б. Богатова // Вестник ЗабГУ. – 2011. – № 5. – С. 34-40.
21. Богин, Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека / Г.И. Богин. – Калинин, 1975. – 106 с.
22. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: дис. ... д-ра филол наук: 10.02.19 / Богин Георгий Исаевич. – Ленинград, 1984. – 354 с.

23. Богин, Г.И. Типология понимания текста: учеб. пособие / Г.И. Богин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1986. – 86 с.
24. Бойко, В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других / В.В. Бойко. – М.: Филинь, 1996. – 472 с.
25. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – 3-е изд., доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
26. Борисов, А.А. Маркеры толерантной коммуникации в художественном тексте как основа создания эмоционального фона произведения и их воссоздание в переводе (на материале романа П. Зюскинда «Das Parfüm») [Электронный ресурс] / А.А. Борисов // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/markery-tolerantnoy-kommunikatsii-v-hudozhestvennom-tekste-kak-osnova-sozdaniya-emotsionalnogo-fona-proizvedeniya-i-ih-vossozdanie-v> (дата обращения: 12.08.2020).
27. Бредихин, С.Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы) [Электронный ресурс] / С.Н. Бредихин // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 374-382.
28. Брутчикова, Е.И. Функционально-семантические особенности средств выражения модальности в современном немецком языке / Е.И. Брутчикова // MagisterDixit. – 2014. – № 3 (15). – С. 27-31.
29. Бюлер, К. Теория языка: репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 501 с.
30. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
31. Виноградов, В.А. Идиолект / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 171.

32. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 366 с.
33. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
34. Водяха, А.А. Эмоциональная рамка высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Водяха Александра Александровна. – Волгоград, 1993. – 18 с.
35. Водяха, А.А. Средства формирования эмоциональной картины мира языковой личности [Электронный ресурс] / А.А. Водяха // Грани познания: электронный научно-познавательный журнал ВГПУ. – 2011. – № 4 (14). – Режим доступа: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 05.03. 2020).
36. Войкова, А.А. Структурно-функциональные особенности вопросительных предложений: на примере текстов русской рекламы / А.А. Войкова // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 6 (159). – С. 113-117.
37. Волкова, О.С. О тактиках толерантного речевого поведения в коммуникативной ситуации «Конфликт» / О.С. Волкова // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. – 2008. – № 2. – С. 137-141.
38. Воркачев, С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии / С. Г. Вокачев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 115-124.
39. Вундт, В. Проблемы психологии / В. Вундт. – Минск, 1984. – 286 с.
40. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
41. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
42. Гиршман, М.М. Стиль литературного произведения / М.М. Гиршман // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. – М.: Наука, 1982. – С. 259-260.

43. Голев, Н.Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка / Н.Д. Голев // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 172-186.

44. Головченко, Н.И. Теоретико-методологические основы изучения художественного текста с учетом стиля / Н.И. Головченко // Информация и право. – 2010. – № 2 (34). – С. 98-107.

45. Графова, Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов / Т.А. Графова // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности: коллективная монография / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – С. 67-99.

46. Гребенец, Е.С. Некоторые проблемы воспитания коммуникативной толерантности в исследованиях отечественных педагогов и психологов / Е.С. Гребенец // Среднее профессиональное образование. – 2013. – № 11. – С. 16-17.

47. Григорьев, В.П. Грамматика идиостиля / В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1983. – 225 с.

48. Дагбаева, Н.Ж. Принципы формирования социолингвистической компетенции на начальном этапе языкового вуза / Н.Ж. Дагбаева, М.Ф. Овчинникова // Вестник науки ТГУ. – 2012. – № 1 (8). – С. 103-105.

49. Декларация принципов терпимости: принята в г. Париже 16.11.1995 Резолюцией 5.61 на 28-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/declarat/toleranc.htm> (дата обращения: 16.08.2020).

50. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.

51. Денисова, А.А. Взаимосвязи толерантности, склонности к конформизму и стиля поведения в конфликте / А.А. Денисова //

Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2013. – № 3 (7). – С. 33-36.

52. Донина, О.В. Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Донина Ольга Валерьевна. – Воронеж, 2016. – 533 с.

53. Дрожжина, Н.Б. Психологическое исследование коммуникативной толерантности современных подростков / Н.Б. Дрожжина // Интерактивная наука. – 2016. – № 10. – С. 91-93.

54. Дымарский, М.Я. Принцип толерантности и некоторые виды коммуникативных неудач / М.Я. Дымарский // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная монография / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. – С. 74-84.

55. Егурнова, А.А. Коммуникативная толерантность при межкультурном взаимодействии русских и китайских студентов [Электронный ресурс] / А.А. Егурнова, Е.А. Букетова // Концепт. – 2013. – № 08 (август). – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2013/13170.htm> (дата обращения: 16.08.2019).

56. Жаровская, Е.В. Характеристики интенсивности контактоустанавливающих реплик спонтанного диалога / Е.В. Жаровская // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2008. – № 4. – С. 141-148.

57. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 407 с.

58. Жолковский, А.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст / А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. – М.: Прогресс-Универс, 1996. – 344 с.

59. Журченко, Е.Б. Категория толерантности в социологическом ракурсе / Е.Б. Журченко // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – С. 31-34.

60. Зияева, С.А. Социолингвистическая компетенция как один из компонентов коммуникативной компетенции / С.А. Зияева // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск, 2016. – № 61. – С. 92-96.

61. Золян, С.Т. От описания идиолекта — к грамматике идиостиля (на материале поэзии Л. Мартынова) / С.Т. Золян // Язык русской поэзии XX века: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1989. – С. 238-259.

62. Иванцова, Е.В. О термине «Языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. – 2010. – № 4 (12). – С. 24-32.

63. Игнатова, И.Б. Формирование межкультурной толерантности у студентов-иностранцев / И.Б. Игнатова // Успехи современного естествознания. – 2008. – № 6. – С. 99-100.

64. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.

65. Ильина, М.Г. Прагматические и структурно-организующие функции вводных компонентов (на материале французского языка) / М.Г. Ильина // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – С. 56-61.

66. Ионова, С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ионова Светлана Валентиновна. – Волгоград, 1998. – 197 с.

67. Исаева, З.Ш. Категория «толерантность» в научной коммуникации / З.Ш. Исаева // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 32. – С. 49-52.

68. Иссерс, О.В. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.В. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2005. – 288 с.

69. Кант, И. Лекции по этике: пер. с нем. / И. Кант; общ. ред., сост. и вступ. ст. А.А. Гусейнова. – М.: Республика, 2000. – 431 с.

70. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.

71. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

72. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография / Ю.Н. Караулов. – 7-е изд. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

73. Карпова, Ю.А. Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения [Электронный ресурс] / Ю.А. Карпова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 4(16). – Режим доступа: <http://www.rfp.psu.ru> (дата обращения: 22.08.2019).

74. Касьянова, Е.И. Российская культурная традиция толерантности [Электронный ресурс] / Е.И. Касьянова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – № 2 (2). – С. 163-166. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/1/2007/2/71.html (дата обращения: 06.04.2020).

75. Касьянова, Е.И. Теоретический анализ коммуникативной толерантности / Е.И. Касьянова, Н.И. Виноградова // Учёные записки ЗабГУ. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2014. – № 4. – С. 28-34.

76. Кашаева, О.И. Некоторые аспекты изучения и употребления фразеологизмов в немецком и русском языках / О.И. Кашаева // Молодой ученый. – 2016. – № 3 (107). – С. 1083-1086.

77. Кириллова, Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий / Н.Н. Кириллова // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Сер.: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 1. – С. 26-33.

78. Колмогорцева, Н.Н. Формирование коммуникативной толерантности у студентов техникума / Н.Н. Колмогорцева, С.В. Фофанова //

Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2009. – № 8. – С. 30-35.

79. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 209 с.

80. Конфликтология: учебник / под ред. А.Я. Кибанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 302 с.

81. Кочергина, З.А. Современные дискуссии по проблеме толерантности / З.А. Кочергина // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. – М.; Воронеж: МПСИ: МОДЭК, 2003. – С. 40-50.

82. Кривцова, Е.В. Толерантность личности в современных социокультурных условиях / Е.В. Кривцова // Вестник КемГУ. – 2015. – № 3-3 (63). – С. 155-159.

83. Кузнецова, А.А. Лингвистический аспект эмпатии / А.А. Кузнецова // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 13. – С. 80-82.

84. Куницына, В.Н. Межличностное общение / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.

85. Кургинян, М.С. Романы Томаса Манна. Формы и метод / М.С. Кургинян. – М.: Худож. лит., 1975. – 336 с.

86. Лебедева, Ю.Н. Феномен бюргерства и повествовательный метод романов Т. Манна: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Лебедева Юлия Николаевна. – М., 2015. – 204 с.

87. Леденева, В.В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова: средства номинации и предикации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Леденева Валентина Васильевна. – М., 2000. – 1212 с.

88. Ленец, А.В. Коммуникативно-прагматическая категория «толерантность» как ценностная константа в современной немецкой лингвокультуре (на материале газеты «Die Zeit») / А.В. Ленец, Н.Г. Терюха // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2019. – № 4. – С. 5-14.

89. Ленъко, Г.Н. Уровни анализа текстовой эмотивности (на примере текстов художественного стиля) / Г.Н. Ленъко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер.: Филология. – 2014. – Т. 1, № 2. – С. 192-201.
90. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1 / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000. – 832 с.
91. Лось, А.Л. Средства выражения эмпатии в языке / А.Л. Лось // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 10 (40): в 3 ч. Ч. I. – С. 131-135.
92. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – М.: Наука, 1981. – Вып. 567.
93. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
94. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 227 с.
95. Лучинская, Е.Н. Диалогизация как принцип интертекстуальности в постмодернистском дискурсе / Е.Н. Лучинская // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 386-388.
96. Львова, И.В. Коммуникативная толерантность как компонент профессиональной культуры будущих специалистов педагогов / И.В. Львова, В.П. Михайлова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 5. – С. 36-40.
97. Макаров, М.Л. Коммуникативная структура текста / М.Л. Макаров. – Тверь, 1990. – 52 с.
98. Марченко, Т.В. Речевые стратегии и тактики гармонизации общения в поликультурной среде [Электронный ресурс] / Т.В. Марченко // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19480> (дата обращения: 10.11. 2019).

99. Маслова, В.А. К построению психолингвистической модели коннотации / В.А. Маслова // Вопросы языкознания. – 2009. – № 1. – С. 19-22.
100. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2010. – 208 с.
101. Маслоу, А. Мотивация и личность: пер. с англ. / А. Маслоу. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
102. Матвейчева, Т.В. Феномен толерантности в русской и немецкой лингвокультурах / Т.В. Матвейчева // Научные исследования: от теории к практике: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 7 июня 2016 г.: в 2 т. Т. 2 / О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. – № 2 (8). – С. 21-23.
103. Меняева, М.П. Философия «общего дела» Н.Ф. Федорова через призму идеи культуры согласия / М.П. Меняева // Знание. Понимание. Умение. Философия и современность. – 2014. – № 3. – С. 102-107.
104. Месеняшина, Л.А. Диалогический жанр? / Л.А. Месеняшина // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 22. – С. 77-81.
105. Митрофанова, Т.А. Лингвопрагматический аспект феномена «Обращение» в мире немецкоязычных дискурсов / Т.А. Митрофанова // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 560. – С. 157-168.
106. Михайлов, Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка / Л.М. Михайлов. – М.: Высшая школа, 1994. – 256 с.
107. Михайлова, О.А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания / О.А. Михайлова // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 15-26.
108. Михайлова, О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста / О.А. Михайлова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: сб. ст. / под ред. Н.А. Купиной, М.Б. Хомякова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 100-105.

109. Михайлова, О.А. Лингвокультурологические аспекты толерантности: учеб.-метод. пособие / О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 124 с.
110. Непшекуева, Т.С. Внутриличностный конфликт как лингвистический феномен: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Непшекуева Тамара Сагидовна. – Краснодар, 2006. – 410 с.
111. Нигматов, С.Э. Язык, культура, толерантность: русский язык в межкультурном диалоге / С.Э. Нигматов, Л.Д. Дудко // Центральная Азия на пути к культуре мира: формирование толерантного сознания, воспитание культуры мира: материалы междунар. конф. – Душанбе, 2011. – С. 62.
112. Николина, Н.А. Филологический анализ текста / Н.А. Николина. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
113. Новиков, Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого / Л.А. Новиков. – М.: Наука, 1990. – 184 с.
114. Осипова, А.А. Конфликтемы в речевом взаимодействии / А.А. Осипова // *MagisterDixit*. – 2011. – № 4. – С. 78-84.
115. Пиотровская, Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков): монография / Л.А. Пиотровская. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 146 с.
116. Пиотровская, Л.А. Эмотивность и дейксис / Л.А. Пиотровская // XLIII Международная филологическая конференция: избранные труды. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 321-332.
117. Покровская, Е.А. Речевые жанры в диалоге культур / Е.А. Покровская, Н.В. Дудкина, Е.В. Кудинова. – Ростов н/Д: Foundation, 2011. – 200 с.
118. Полканова, А.А. Понятие «Конфликт» в лингвистике: основные подходы к его изучению / А.А. Полканова // *Вестник МГЛУ*. – 2010. – № 584. – С. 200-208.

119. Поцепня, Д.М. Образ мира в слове писателя / Д.М. Поцепня. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 264 с.
120. Почебут, Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учеб. пособие / Л.Г. Почебут. – СПб.: Питер, 2012. – 336 с.
121. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.; Киев: Рефл-бук: Ваклер, 2001. – 656 с.
122. Разоренова, Ю.А. Актуальные проблемы изучения текстовой эмотивности в лингвистическом аспекте / Ю.А. Разоренова, П.Е. Шляхова // Инновации в науке. – 2015. – Вып. 10 (47). – С. 80-85.
123. Ревенко, И.В. Способы репрезентации эмотивности в художественном тексте: на материале повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка») / И.В. Ревенко // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2016. – № 2 (36). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-reprezentatsii-emotivnosti-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-povesti-v-p-astafieva-pastuh-i-pastushka> (дата обращения: 18.03.2020).
124. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 181 с.
125. Романова, Н.В. Семантика междометий в немецком языке: на материале сказок братьев Гримм [Электронный ресурс] / Н.В. Романов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/semantika-mezhdometiy-v-nemetskom-yazyke-na-materiale-skazok-bratiev-grimm> (дата обращения: 12.08.2020).
126. Русакова, А.В. Томас Манн в поисках нового гуманизма / А.В. Русакова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. – 158 с.
127. Русакова, А.В. Томас Манн / А.В. Русакова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 184 с.
128. Русакова, С.В. Сущностные характеристики коммуникативной толерантности: происхождение понятия / С.В. Русакова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.:

Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2013. – Т. 19, № 1. – С. 10-13.

129. Рянжина, М.Н. Толерантность как феномен культуры, социальной действительности и воспитания / М.Н. Рянжина // Среднее профессиональное образование. – 2011. – № 3. – С. 23-25.

130. Серебрякова, С.В. Толерантность как компетентностная составляющая языковой личности студента [Электронный ресурс] / С.В. Серебрякова // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2, ч. 23. – С. 5290-5294. – Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38198> (дата обращения: 12.08.2020).

131. Сковородников, А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии / А.П. Сковородников // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск, 2000. – Вып. 3(11). – С. 70-78.

132. Скородумова, Е.А. Риторический вопрос-реакция как средство выражения эмоций: на материале англоязычных художественных текстов / Е.А. Скородумова // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 39. – С. 137-139.

133. Скулимовская, Д.А. Импликатура, пресуппозиция и логическое следствие как когнитивные механизмы интерпретации речевого акта предупреждения / Д.А. Скулимовская // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 3 (24). – С. 29-33.

134. Стернин, И.А. Толерантность и коммуникация / И.А. Стернин // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 324-337.

135. Стернин, И.А. Коммуникативные аспекты толерантности / И.А. Стернин, К.М. Шилихина. – Воронеж, 2000. – 110 с.

136. Стилистика и литературное редактирование / под ред. Н.В. Малышевой. – М.; Ростов н/Д: Дашков и К: Наука-Спектр, 2012. – 288 с.

137. Сумина, Е.С. Концепт толерантности как компонент русской философской картины мира [Электронный ресурс] / Е.С. Сумина // Концепт.

– Спецвыпуск № 3. – 2014. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tolerantnosti-kak-komponent-russkoy-filosofskoy-kartiny-mira> (дата обращения: 25.04.2020).

138. Сухих, С.А. Принципы и методы интегративного подхода в лингвистике / С.А. Сухих // Принципы и методы исследования в филологии. Конец XX века: науч.-метод. семинар «Textus»: сб. ст. Вып. 6. Раздел 1: Общие методологические проблемы филологии. – СПб.; Ставрополь, 2001. – С. 37-45.

139. Сухих, С.А. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. ун-та, 1997. – 332 с.

140. Тахтарова, С.С. Концепт 'Toleranz' в немецкой лингвокультуре [Электронный ресурс] / С.С. Тахтарова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 64-71. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-toleranz-v-nemetskoj-lingvokulture> (дата обращения: 19.03.2020).

141. Таюпова, О.И. Филологический анализ текста (на нем. яз.) / О.И. Таюпова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 72 с.

142. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.

143. Тимофеев, О.Н. Эмоциональная компетентность и профессиональная компетентность / О.Н. Тимофеев // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 2. – С. 318-323.

144. Третьякова, В.С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы / В.С. Третьякова // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 1(292). – С. 279-282.

145. Туксаитова, Р.О. О межъязыковой толерантности в постсоветском Казахстане / Р.О. Туксаитова // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная монография / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург, 2004. – С. 125-129.

146. Тюпа, В.И. Анализ художественного текста / В.И. Тюпа. – М.: Академия, 2009. – 336 с.
147. Улимбашева, Э.Ю. Понятие толерантности как составляющая межкультурной коммуникации / Э.Ю. Улимбашева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 12 (54): в 4. Ч. IV. – С. 197-199.
148. Фаткуллина, Ф.Г. Лингвопрагматика Productplacement / Ф.Г. Фаткуллина, Р.Р. Халимова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 162 с.
149. Федорова, К.И. Социально-психологические аспекты толерантности / К.И. Федорова, О.В. Чернышова // Проблемы толерантности в молодежной среде: материалы Всерос. онлайн-конф. студентов, магистрантов и аспирантов, 12 декабря 2014 г., Курск / отв. ред. Е.А. Никитина. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. – С. 132-134.
150. Формановская, Н.И. Ритуалы вежливости и толерантность / Н.И. Формановская // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография / отв. ред. Н.А. Купина, М.Б. Хомяков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 337-354.
151. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2003. – 320 с.
152. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем / Р.М. Фрумкина. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 24 с.
153. Хомяков, М. Толерантность в христианской философии / М. Хомяков // Философия и общество. – 1999. – № 2. – С. 157-184.
154. Чижкова, М.Б. Изучение коммуникативной толерантности как профессионально важного качества будущих медицинских работников / М.Б. Чижкова, Е.И. Петрова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. – 2013. – № 1 (12). – С. 275-277.
155. Шадриков, В.Д. Введение в психологию: эмоции и чувства / В.Д. Шадрикова. – М.: Логос, 2002. – 156 с.

156. Шалина, И.В. Причины и виды культурно-речевой дисгармонии / И.В. Шалина // Культурно-речевая ситуация в современной России: монография / отв. ред. Н.А. Купина. – Екатеринбург, 2000. – С. 272-287.

157. Шафиков, С.Г. Уважительное обращение в европейских языках и проблема русского адресива / С.Г. Шафиков // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 1. – С. 133-138.

158. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – 4-е изд. – М.: Либроком, 2012. – 208 с.

159. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008а. – 416 с.

160. Шаховский, В.И. Типы эмотивной лексики / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 2004. – № 1. – С. 39-47.

161. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие по спецкурсу / В.И. Шаховский. – Волгоград: ВГПИ, 1983. – 94 с.

162. Шаховский, В.И. Эмоции — мотивационная основа человеческого сознания / В.И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 64-69.

163. Шаховский, В.И. Эмоции – мысли в художественной коммуникации / В.И. Шаховский // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов, 2008б. – С. 81-131.

164. Шаховский, В.И. Эмоциональная толерантность в межперсональном речевом общении // Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. – URL: <http://uapryal.com.ua/scientific-section/shahovskiy-v-i-volgograd-emotsionalnaya-tolerantnost-v-mezhpersonalnom-rechevom-obshhenii/>

165. Шмелев, Д.Н. Слово и образ / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1964. – 120 с.

166. Юрова, Т.А. Просодические черты языковой толерантности в общем процессе глобализации / Т.А. Юрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11(53): в 3 ч. Ч. I. – С. 212-215.
167. Язык и культура: материалы Первой междунар. науч. конф. – Киев: УИМО при КГУ, 1992. – 240 с.
168. Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика: тез. докл. XI Всерос. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: ИЯЗ, 1994. – 214 с.
169. Bonheim, U. Emotions in Literature / U. Bonheim // Proceedings. – Tübingen: Niemeier, 1992.
170. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bußmann. – 3., aktualisierte und erweiterte Auflage. – Stuttgart: Kröner. 2002. – 783 S.
171. Diller, H.J. Emotions and the Linguistics of English / H.J. Diller // Proceedings. – Tübingen: Niemeier, 1992.
172. Grice, H.P. Logic and conversation / H.P. Grice // Syntax and Semantics. Vol. 3, Speech Acts / ed. by P. Cole, J.L. Morgan. – N. Y.: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
173. Heller, A. A Theory of Emotions / A. Heller. – Assen, 1979.
174. Kurzke, H. Thomas Mann. Epoche, Werk, Wirkung / H. Kurzke. – München, 1985.
175. Noth, W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words / W. Noth // Proceedings. – Tübingen: Niemeier, 1992.
176. Riedel, M. Bürger. Staatsbürger. Bürgertum / M. Riedel // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. – Stuttgart, 1974. – Bd. 1. A-D. – S. 672-726.
177. Rüschmeyer, D. Bourgeoisie, Staat und Bildungsbürgertum / D. Rüschmeyer // Bürger und Bürgerlichkeit im 19 Jahrhundert / Hrsg. J. Kocka. – Göttingen, 1987. – S. 101-120.

178. Thomas, K.W. The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument [Electronic resource] / K.W. Thomas, R.H. Kilmann. – Mountain View, CA: CPP, Inc., 1974. – Access mode: https://www.cpp.com/Pdfs/TKI_Intl_Tech_Brief.pdf (date of the application: 16.03.2020).

Словари и справочники

179. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В.И. Даль. – М.: Прогресс, 1991.

180. Краткий психологический словарь / ред., сост. Л.А. Карпенко. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 409 с.

181. Краткий психологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Psychology.academic.ru> (дата обращения: 26.09.2020).

182. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/index.htm> (дата обращения: 18.09.2020).

183. Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / F. Dornseiff. – 8. völlig neu bearb. u. m. einem alphabet. Zugriffsreg. vers. Aufl. Reprint. – Berlin, 2010.

184. Köbler, G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch / G. Köbler. – Wassertrüdingen, 1995.

Источники языкового материала

185. Манн, Т. Будденброки [Электронный ресурс]: роман / Т. Манн; пер. с нем. Н. Ман. – Режим доступа: https://thelib.ru/books/mann_tomas/buddenbroki.html (23.05.2021).

186. Mann, T. Buddenbrooks. Verfall einer Familie [Electronic resource] / T. Mann. – Access mode: <https://www.gutenberg.org/files/34811/34811-h/34811-h.htm>.